Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

КУЗНЕЦОВ Игорь Александрович

НАЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ МОДЕЛИ ФАТИЧЕСКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ВОПРОСНО-ОТВЕТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Специальность 10.02.01 — русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Радбиль Т.Б.

Нижний Новгород — 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 5

Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ..... 16

1.1. Изучение диалогической коммуникации в историко-научном и в научно-теоретическом освещении..... 16
1.1.1. Становление диалоговедения в истории науки о языке 17
1.1.2. Диалог и диалогичность. Диалог и монолог 19
1.1.3. Объем и содержание научного понятия «диалог»..... 23
1.1.4. Классификационные разновидности диалогической коммуникации 27

1.2. Диалогическое единство: структура, функции и типология 32
1.2.1. Единицы диалогического взаимодействия: типология, структурная организация и функции 33
1.2.2. Диалогическое единство: проблема определения 36
1.2.3. Двучленные диалогические единства: структура и коммуникативные особенности 41
1.2.4. Типология диалогических единств 43

1.3. Реплика как строевой элемент диалогического единства..... 47
1.3.1. Реплика в конструктивном и коммуникативном аспекте..... 47
1.3.2. Проблема классификации реплик 50

1.4. Языковые и паралингвистические средства диалогической коммуникации 55
1.4.1. Фонетические и просодические средства диалогической коммуникации 55
1.4.2. Лексические и морфологические средства диалогической коммуникации 62
1.4.3. Синтаксические средства диалогической коммуникации..... 67
1.4.4. Паралингвистические средства диалогической коммуникации. 72

Выводы по содержанию главы I..... 77

Глава II. МЕТОДЫ КОМПЛЕКСНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДИАЛОГА И ОБОСНОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ..... 79

2.1. Характеристика основных существующих методов в изучении диалогического взаимодействия 79
2.1.1. Структурно-семантические и функциональные методы анализа диалога 79
2.1.2. Риторические и стилистические методы анализа диалога 82
2.1.3. Лингвопоэтические методы анализа диалога 85
2.1.4. Коммуникативно-прагматические методы анализа диалога 87
2.1.5. Лингвокогнитивные методы анализа диалога и методы дискурс-анализа 92

2.2. Методы комплексного анализа национальной и культурной обусловленности диалогического взаимодействия в современной лингвистике 96
2.2.1. Проблема построения комплексной методики анализа диалога 96
2.2.2. Диалогическое взаимодействие в свете лингвокультурологической интерпретации 98
2.2.3. Обоснование концепции исследования 105

Выводы по содержанию главы II 111

Глава III. ТИПЫ И ФУНКЦИИ НАЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫХ ФОРМ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РУССКОЙ РЕЧИ 112

3.1. Структурно-семантическая типология национально обусловленных моделей вопросно-ответных единств в речевом взаимодействии 112
3.1.1. Разновидности инициальных реплик 112
3.1.2. Разновидности реактивных реплик 123
3.1.3. Прагматические типы диалогического взаимодействия в вопросно-ответных единствах 132

3.2. Функциональная типология вопросно-ответных единств в аспекте национальной и культурной специфики 145
3.2.1. Вопросно-ответные единства регулятивного типа 145
3.2.2. Вопросно-ответные единства метакоммуникативного типа 154
3.2.3. Псевдо-тавтологические вопросно-ответные единства как синтетическая функциональная разновидность фатической диалогической коммуникации 154

3.3. Национально обусловленные модели вопросно-ответных единств в разных видах диалогического дискурса 177
3.3.1. Вопросно-ответные единства в фатической кооперативной коммуникации 177

3.3.2. Вопросно-ответные единства в некооперативной конфликтной коммуникации 185
3.3.3. Вопросно-ответные единства в некооперативной манипулятивной коммуникации 195

Выводы по содержанию главы III 208

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 214

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 220

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 221

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено комплексному анализу фатических диалогических вопросно-ответных единств в современной русской речи в свете проблемы национальной обусловленности моделей речевого взаимодействия.

Диалог является исходной, первичной формой существования языка, поэтому именно в диалогической речи заложены все основные принципы и закономерности языковой деятельности, которые мы наблюдаем в других формах существования языка и его речевой реализации. Изучение разных аспектов диалогического взаимодействия между людьми началось еще в рамках риторической парадигмы в античности и продолжалось в той или иной форме на протяжении всей истории развития человеческой мысли.

В наши дни проблемы диалога также находятся в центре притяжения самых разных отраслей гуманитарного знания — философии, психологии, социологии, культурологии, литературоведения и т.д. И в лингвистике сегодня говорят о становлении нового междисциплинарного направления — диалоговедения, науки о диалоге. Современные исследования диалога включают в себя и анализ внеязыкового окружения диалога, контекста и ситуации в широком смысле слова, т.е. с необходимостью носят комплексный характер, обусловленный сложностью и многомерностью самого объекта изучения.

Вне всякого сомнения, базовые принципы и модели диалогического взаимодействия представляют собой коммуникативные универсалии и не зависят от особенностей национальных языков и культур. В то же время вполне обоснованным выглядит и положение, согласно которому диалогический дискурс в какой-то мере отражает национальные и культурные различия, имеет определенные черты этнообусловленности, что уже достаточно давно известно, например, в преподавании иностранных языков, в теории и практике кросс-культурной коммуникации и т.д. Это обусловливает важность пред-

принятого в работе комплексного описания особенностей ведения диалога именно в русском национальном социокультурном пространстве.

Как указывает В.З. Демьянков, «диалог не только создает (опосредованно) новые ценности в человеческом обществе, но и обладает самоценностью. Вычеркните общение из человеческой жизни. Останется ли в ней тогда что-либо человеческое?» [Демьянков 1992: 11].

Таким образом, становится очевидной ***актуальность исследования***, которая заключается в существенной научной и общекультурной значимости комплексного и междисциплинарного изучения национально обусловленных моделей речевого взаимодействия в свете востребованных в научной парадигме современной гуманитаристики антропоцентрического, коммуникативно-прагматического, когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического подходов.

Начиная с пионерских работ Р.О. Якобсона, Т.Г. Винокур и др., в теории диалога последовательно разграничивают две базовые разновидности речевого взаимодействия — **информатику**, имеющую своей задачей обмен содержательной информацией между участниками диалога, и **фатику**, ориентированную прежде всего на установление межличностных отношений между собеседниками [Якобсон 1975 и 1985; Винокур Т. 1993б и др.]. Предполагается, что именно в области фатических диалогических интеракций наибольшим образом отражаются национально обусловленные формы речевого общения людей. Указанные соображения позволяют сформулировать объект, предмет, цель и задачи предпринятого исследования.

Объектом исследования является фатическая диалогическая коммуникация в речевых практиках носителей современного русского языка. В качестве непосредственного ***предмета исследования*** выступают национально обусловленные особенности актуализации фатических диалогических вопросно-ответных единств в современной русской речи.

Цель исследования — осуществить комплексный анализ национально обусловленных моделей фатических диалогических вопросно-ответных

единств в кооперативной, конфликтной и манипулятивной коммуникации, актуализованных в русской речи.

Указанная цель предполагает решение следующих ***задач исследования***:

- изучить существующие в науке о языке подходы к интерпретации речевого взаимодействия, историю изучения и теоретические принципы исследования диалога, диалогического единства, языковых и паралингвистических средств диалогической коммуникации;

- исследовать имеющиеся методы, методики и процедуры теоретического и прикладного изучения диалога, в том числе в лингвокультурологическом освещении, и на этой основе выработать методику комплексного анализа национальной обусловленности диалогического взаимодействия;

- разграничить теоретические понятия национальной специфики и национальной обусловленности и на этой базе обосновать концепцию работы;

- охарактеризовать структурно-семантические типы национально обусловленных моделей фатических вопросно-ответных единств, в том числе разновидности инициальных и реактивных реплик, а также прагматические типы диалогического взаимодействия в целом;

- проанализировать функциональные разновидности фатических вопросно-ответных единств в аспекте национальной и культурной специфики: вопросно-ответные единства регулятивного и метакоммуникативного типа, «псевдо-тавтологические» вопросно-ответные единства;

- охарактеризовать национально обусловленные модели вопросно-ответных единств в разных видах диалогического дискурса: в фатической кооперативной коммуникации и в фатической некооперативной (конфликтной и манипулятивной) коммуникации.

Материал исследования. Источником языковых материалов являются данные Национального корпуса русского языка; языковые образцы, полученные в результате интернет-мониторинга автора в русскоязычном сегменте сети интернет; картотека собственных наблюдений автора за русской живой разговорной речью.

Объем и характеристика обследованного материала. Всего в текстовых материалах исследовано 1008 примеров вопросно-ответных единств, полученных методом сплошной выборки из указанных выше источников текстового материала. В основном в собранном материале представлены вопросно-ответные единства из реальной живой спонтанной разговорной речи (в том числе в неформальной интернет-коммуникации) или имитирующие живую спонтанную разговорную речь в художественном, публицистическом и пр. дискурсах. Незначительная часть материала включает в себя данные интервью, бесед, круглых столов и под. в медийном дискурсе.

Степень изученности вопроса. В отечественной и зарубежной лингвистике имеется серьезная научная традиция в изучении самых разных аспектов диалога, в том числе в контексте его внеязыкового окружения. Ниже мы кратко осветим основные «узловые пункты» в истории исследования речевого взаимодействия и в современном состоянии вопроса.

Диалог изначально привлекал внимание философов, психологов, социологов, литературоведов и прочих представителей гуманитарных наук, однако собственно лингвистическое изучение диалога началось сравнительно недавно, в начале XX в. [Валюсинская 1979; Диалог 1991; Сухих 1994; Худснуршер 1998; Будагов 2000 и др.].

В отечественной лингвистической традиции научное изучение диалога заложено в 1920-е гг. работами Л.В. Щербы [Щерба 1915], Л.П. Якубинского [Якубинский 1986], М.М. Бахтина [Бахтин 1979, 1986а и 1986б] и др., которое получает новый импульс с конца 40 – начала 50-х гг. XX в. благодаря работам Г.О. Винокура [Винокур Г. 1959], Н.Ю. Шведовой [Шведова 1956], Е.М. Галкиной-Федорук [Галкина-Федорук 1958], В.В. Виноградова [Виноградов 1980] и др., и уже в этот период рассмотрение структуры диалога и специфики языковых средств осуществлялось в неразрывной связи с функциональной стороной речевого взаимодействия, а также с социальными функциями языка [Балаян 1971; Стернин 2003].

Единство диалога определяется главным образом внеречевыми факторами: коммуникативными намерениями участников, темой, типом и характером ситуации общения и т.д. На роль тематического единства в речевой организации диалога указывают Л.П. Якубинский [Якубинский 1986], В.В. Виноградов [Виноградов 1980], О.С. Ахманова [Ахманова 1966], А.К. Соловьева [Соловьева 1965], И.П. Святогор [Святогор 1967], Д.И. Изаренков [Изаренков 1979] и др. В диалоге, по выражению Л.В. Уховой, «тема распределяется между двоими» [Ухова 2014].

Сложность и многомерность диалога предопределяют возможность классифицировать типы диалогического взаимодействия по самым разным основаниям: различные подходы к типологии диалогической речи отразились в работах [Соловьева 1965; Арутюнова 1970, 1976 и 1981; Балаян 1971; Сухих 1994; Рождественский 1997; Карасик 2000 и 2003; Колокольцева 2001 и др.]. В целях нашего исследования важным представляется фундаментальное различение диалогов по характеру интеракции на диалог **фатический** и **информативный** Фатическая и информационная стороны в диалоге противопоставлены посредством того, делается ли акцент на контакте или на информации [Malinowski 1972; Якобсон 1975 и 1985; Винокур 1993б; Клюев 1996].

Центральной единицей диалогического взаимодействия признается диалогическое единство, изучению которого посвящены работы [Шведова 1960; Святогор 1967; Валюсинская 1979; Изаренков 1979; Гастева 1990; Купина 1990; Бырдина 1992; Баделина 1997; Депутатова 2004; Казаковская 2004; Мартыненко 2005; Косогорова 2006; Шишкина 2011; Плотникова 2012; Есенина, Щербатых 2014; Серова, Фролова 2014; Масленников 2017 и др.].

Из всего разнообразия структурно-семантических типов диалогических единств мы, в целях нашего исследования, подробнее остановимся на двучленном вопросно-ответном единстве как одной из базовых разновидностей единиц коммуникации, изучению которого посвящены исследования [Святогор 1967; Баделина 1997; Винокур Т. 1998; Арутюнова, Падучева 1985; Реми-

зова 2001; Косогорова 2006; Борисова И. 2009; Ланцева 2013; Масленников 2017 и др.].

Всесторонний анализ реплик в составе вопросно-ответного единства и особенности их классификаций по разным основаниям осуществлены в работах [Щерба 1957; Винокур Г. 1959; Шведова 1960; Святогор 1967; Виноградов 1980; Якубинский 1986; Лагутин 1991; Колокольцева 2001 и др.]. В сфере внимания ученых оказались прежде всего инициальные вопросительные предложения [Фирбас 1972; Булыгина, Шмелев 1982; Николаев 1982; Голубева-Монаткина 1990 и 1991; Колесникова 2005 и др.]. Благодаря работам [Арутюнова 1970 и 1972; Валюсинская 1979; Галактионова 1988; Винокур Т. 1989 и 1998 и др.], активизировалось и изучение реплик-реакций. В современной лингвистике эти проблемы освещаются в работах [Сотникова 1987; Рябцева 1994; Баделина 1997; Столярова 2001; Ружникова 2004; Сковородина 2004; Федорова 2007; Кузьмина 2013; Кудрявцев 2014 и др.].

В современном диалоговедении сложился ряд подходов к изучению диалога, к которым можно условно отнести такие парадигмы, как структурно-семантическая [Орлова 1968; Занько 1971; Теплицкая 1975; Изаренков 1979; Ленерт 1988; Блох, Поляков 1992; Бырдина 1992; Борисова И. 2001; Ширяев 2001; Федотова 2006 и др.], функциональная [Арутюнова 1970 и 1981; Красных В.И. 1970; Золотова и др. 1982; Галактионова 1988; Винокур Т. 1989; Воробьева 1993; Богданов 1994; Баделина 1997; Цирельсон 2002; Казаковская 2004; Букин 2014; Казаковская, Хохлова 2015 и др.], риторическая [Рождественский 1997; Клюев 2005; Гойхман, Надеина 2008 и др.], стилистическая [Земская и др. 1981; Земская 1988; Гольдин, Сиротинина 1993; Сиротинина 1995; Голанова и др. 1998; Ширяев 1989, 2000 и 2001 и др.], лингвопоэтическая [Полищук, Сиротинина 1979; Долинин 1985; Лагутин 1991; Будагов 2000; Косогорова 2006; Изотова 2010; Голованева 2013; Садикова 2015; Хисамова 2015; Масленников 2017 и др.], коммуникативно-прагматическая [Падучева 1982; Leech 1983; Грайс 1985; Остин 1986; Серль 1986а и 1986б; Демьянков 1991; Баранов, Крейдлин 1992а и 1992б; Богданов 1994; Падучева

1996; Булыгина, Шмелев 1997; Макаров 2003; Федотова 2006; Федорова и др. 2007; Букин 2014; Радбиль 2017 и др.] и когнитивно-дискурсивная [Дейк 1989; Coulthard 1992; Sinclair 1992; Wardhaugh 1995; Булыгина, Шмелев 1997; Леонтьев 1997; Макаров 2003; Кристева 2004; Beaugrande, Dressler 2004; Борисова И. 2009; Матвеева 2010 и др.].

Прикладные аспекты в изучении диалога представлены в таких подходах, как лингводидактический [Михайлов 1986; Ланцева 2013; Кувшинова 2014; Серова, Фролова 2014 и др.], корпусный [Гришина 2011; Казаковская, Хохлова 2015 и др.], интент-аналитический [Павлова, Гребенщикова 2017], экспериментальный [Кривнова 2007] и лингвоэкспертный [Шишкина 2011; Радбиль 2014; Радбиль, Юматов 2014 и др.].

В целях нашего исследования важно, что примерно с конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. в рамках становления антропоцентрической парадигмы в гуманитарном знании активизируется и лингвокультурологический аспект в изучении диалога. Он начинался в теории преподавания иностранных языков и в обучении русскому языку как иностранному [Кувшинова 2014 и др.], в сопоставительных полилингвальных штудиях [Девкин 1981; Ремизова 2001; Депутатова 2004; Халитова 2010] и в исследованиях по кросс-культурной коммуникации [Hall 1983; Вежбицкая 1997 и 2001; Красных 2002; Hurn, & Tomalin 2013 и др.]. Современный этап лингвокультурологического направления в диалоговедении представлен в работах [Гольдин, Сиротинина 1993; Арутюнова 1995; Вежбицкая 1997; Красных 2000; Карасик 2000 и 2003; Зализняк и др. 2005; Дементьев 2013; Матвеева 2014; Радбиль 2017 и др.].

Несмотря на интересные и значительные научные результаты, представленные в трудах ученых, которые стояли у истоков формирования направления исследований в области национальной обусловленности речевого общения, в интересующем нас ракурсе изучение национально обусловленных моделей фатических диалогических вопросно-ответных единств в отечественном социокультурном пространстве еще не проводилось.

Научная новизна исследования, таким образом, состоит прежде всего во введении в научный обиход нового предмета для научного анализа — национально обусловленных моделей фатических диалогических вопросно-ответных единств, и в обосновании комплексного подхода к описанию явлений речевого взаимодействия разных структурно-семантических, функциональных и коммуникативно-прагматических типов в фатической кооперативной и некооперативной (конфликтной и манипулятивной) коммуникации.

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании, уточнении и апробировании на значительном текстовом материале основных принципов комплексного описания национально обусловленных особенностей диалога в дискурсах разного типа, представленных в речевой практике современных носителей русского языка.

Практическая значимость исследования связана прежде всего с возможностью применить его результаты в вузовских курсах преподавания современного русского языка и русского языка как иностранного, в теоретических курсах по лингвистической прагматике, теории коммуникации, когнитивной лингвистике и дискурс-анализу, в спецкурсах по лингвокультурологии, сопоставительной лингвистике и лингвистическому диалоговедению.

Методологической основой исследования являются теоретические принципы структурно-семантического, функционального, коммуникативно-прагматического и когнитивно-дискурсивного изучения диалога, представленные в работах Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского, М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Дж.Р. Серля, Г.П. Грайса, Т.Г. Винокур, Н.Ю. Шведовой, Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой, В.З. Демьянкова, Т. ван Дейка, Е.Н. Ширяева, А.Н. Баранова, Л.Л. Федоровой, О.С. Иссерс и др., идеи лингвокультурологического анализа фактов языка и текста в трудах А. Вежбицкой, Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, В.В. Красных, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева, В.В. Дементьева, Т.Б. Радбиля и др.

Методы и методики исследования. В работе использована комплексная методика анализа явлений речевого взаимодействия, включающая эле-

менты методов структурно-семантического описания, функционального анализа, коммуникативно-прагматического анализа, когнитивного анализа и дискурс-анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Существующие подходы к изучению речевого взаимодействия должны быть органично дополнены лингвокультурологической составляющей, посредством которой можно исследовать национально обусловленные модели фатической диалогической коммуникации в речевых практиках носителей русского языка.

2. Необходимо теоретически разграничивать понятие *национальной специфики* явлений языка и речи, состоящей в их когнитивной, коммуникативной или вербальной уникальности, т.е. в отсутствии их прямых соответствий в других лингвокультурах, и *национальной обусловленности* указанных явлений, заключающейся в их укорененности в области каких-либо ключевых идей национальной языковой картины мира, независимо от того, имеют ли данные явления соответствия в других языках и культурах или не имеют.

3. Адекватное описание национально обусловленных моделей фатической диалогической коммуникации в речевых практиках носителей русского языка может быть осуществлено только посредством методики комплексного анализа, направленной на исследование структурно-семантической и функциональной организации диалога в контексте его внеязыкового окружения, с применением научного инструментария лингвистической прагматики, когнитивной лингвистики и дискурс-анализа.

4. Структурно-семантические и прагматические разновидности фатических диалогических вопросно-ответных единств имеют национально обусловленные особенности, связанные с доминированием коммуникативных тактик «выхода на метауровень», когда коммуникантов интересует не объективная ситуационная сторона речевого общения, а выражение своего настроения, отношения к собеседнику или ситуации в целом, обсуждение самой манеры ведения диалога.

5. С функциональной точки зрения правомерно выделять три типа вопросно-ответных единств: регулятивные, метакоммуникативные и синкретичные, «псевдо-тавтологические», которые отражают такие таких национально обусловленные черты, как установка на эмпатию; чрезмерная гиперболизация отношения к обсуждаемой ситуации; гипертрофия оценочности при осуществлении речевого общения и стремление к мотивированному ситуацией или немотивированному «выяснению отношений».

6. Модели фатических кооперативных вопросно-ответных единств демонстрируют такие национально обусловленные иллокутивные доминанты, как установка говорящих на коммуникативное сотрудничество и обязательную эмпатию (умение встать на позицию собеседника); модели фатических конфликтных вопросно-ответных единств — национально обусловленные иллокутивные доминанты «выяснение отношений», когда оба собеседника озабочены лишь стремлением нанести коммуникативный ущерб друг другу; модели фатических манипулятивных вопросно-ответных единств — национально обусловленные иллокутивные доминанты, отражающие пренебрежение к рациональной стороне общения, что в целом присуще высококонтекстной культуре, стремление навязать свою позицию в форме, не предполагающей ее возможного обсуждения.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены в ряде научных статей, докладов и тезисов. Работа прошла апробацию на международных научных конференциях в Москве в 2017, 2018 и 2019 гг. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева), в Нижнем Новгороде в 2020 г. (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова), в Пятигорске в 2020 г. (Пятигорский государственный университет), в Армавире в 2020 г. (Армавирский государственный педагогиче-

ский университет). Исследование обсуждалось на заседании кафедры современного русского языка и общего языкознания ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и принятых сокращений, библиографического списка. Общий объем исследования — 245 с.

Во **введении** представлены актуальность, объект, предмет и материал исследования, цель и задачи работы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методологическая база и методы исследования, изложены положения, вынесенные на защиту.

В **первой главе** дана характеристика истории изучения вопроса в гуманитарном знании, исходных теоретических принципов и концептуальной базы исследования.

Во **второй главе** освещаются существующие в науке о языке подходы к изучению диалога, разрабатывается принятая в работе методика комплексного лингвокультурологического анализа диалогического взаимодействия и обосновывается концепция исследования.

В **третьей главе** рассматриваются структурно-семантические, функциональные и прагматические типы национально обусловленных моделей фатических вопросно-ответных единств в фатической кооперативной и некооперативной (конфликтной и манипулятивной) коммуникации.

В **заключении** изложены основные результаты исследования и сформулированы его дальнейшие перспективы.

В **списке источников и принятых сокращений** приводится описание основных источников языкового материала для исследования.

Библиографический список включает в себя два раздела: научная и научно-методическая литература; словари и энциклопедии — и содержит 262 наименования (включая 12 — на иностранных языках).

Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ

В главе последовательно освещаются научные принципы исследования диалога в историко-научном и научно-теоретическом освещении (раздел 1.1), обсуждаются проблемы выделения и классификации единиц диалогического взаимодействия, в центре которых диалогическое единство (раздел 1.2), раскрывается понятие реплики как структурного элемента диалогического единства (раздел 1.3), а также характеризуются языковые и паралингвистические средства речевой организации диалогического взаимодействия (раздел 1.4).

1.1. Изучение диалогической коммуникации в историко-научном и в научно-теоретическом освещении

Диалог является исходной, первичной формой существования языка, поэтому именно в диалогической речи заложены все основные принципы и закономерности языковой деятельности, которые мы наблюдаем в других формах существования языка и его речевой реализации. Не случайно еще Л.В. Щерба утверждал, что «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» [Щерба 1915: 4]. Примат письменной речи как главного объекта для изучения языка долгое время господствовал в лингвистике, и только возрождение коммуникативно-деятельностного и антропоориентированного подхода в XX в. привело к определенному смещению акцентов в пользу исследовательских моделей изучения живой разговорной речи, воплощенной в диалогической коммуникации. Сегодня проблемы диалога находятся в центре притяжения самых разных отраслей гуманитарного знания — философии, психологии, социологии, культурологии, литературоведения и т.д. В

лингвистике сегодня также говорят о становлении нового направления — диалоговедения, науки о диалоге.

1.1.1. Становление диалоговедения в истории науки о языке

Важность понимания механизмов речевого взаимодействия между людьми как залог успешной интеграции человеческих сообществ и эффективного социального сотрудничества была осознана в мировой культуре еще на заре цивилизации, о чем свидетельствуют риторические традиции европейской и восточной античности [Рождественский 1997; Ярмаркина 2001; Клюев 2005 и др.]. Диалог изначально привлекал внимание философов, психологов, социологов, литературоведов и прочих представителей гуманитарных наук, однако собственно лингвистическое изучение диалога началось сравнительно недавно, в начале XX в. [Валюсинская 1979; Диалог 1991; Сухих 1994; Худснуршер 1998; Будагов 2000 и др.].

В отечественной лингвистической традиции научное изучение диалога заложено в 1920-е гг. работами Л.В. Щербы [Щерба 1915], Л.П. Якубинского [Якубинский 1986], М.М. Бахтина [Бахтин 1979, 1986а и 1986б] и др., которое получает новый импульс с конца 40 – начала 50-х гг. XX в. благодаря работам Г.О. Винокура [Винокур Г. 1959], Н.Ю. Шведовой [Шведова 1956], Е.М. Галкиной-Федорук [Галкина-Федорук 1958], В.В. Виноградова [Виноградов 1980] и др., и уже в этот период рассмотрение структуры диалога и специфики языковых средств осуществлялось в неразрывной связи с функциональной стороной речевого взаимодействия, а также с социальными функциями языка [Балаян 1971; Стернин 2003]. Еще Л.П. Якубинский писал, что язык есть разновидность человеческого поведения, факт психологический, проявление человеческого организма, и социологический, зависящий от совместной жизни организмов в условиях взаимодействий [Якубинский 1986].

Именно поэтому здесь мы освещаем структурно-семантический и функциональный подходы в единстве.

Уже в начальный период изучения диалога было осознано, прежде всего благодаря работам М.М. Бахтина, что диалогичные отношения как отражение социальной сущности языка пронизывают всю речевую деятельность: «Вся жизнь языка в любой области его употребления пронизана диалогическими отношениями» [Бахтин 1979: 205]. Позиция современных авторов по этому поводу четко сформулирована Н.М. Кожиной: «Языковое общение в принципе диалогично, более того, диалогичность — это форма существования языка в речи» [Кожина 1986: 11]. Иными словами, диалог в узком, конкретном смысле как обмен репликами между коммуникантами предстает как проявление более общего свойства языкового функционирования – – диалогичности: «Таким образом, диалогичность наиболее явно эксплицируется в собственно диалоге как форме речи, но пронизывает и другую ее форму — монолог. Следовательно, диалогичность свойственна не только внешне диалогическим текстам (фиксированный знаками разговор двоих), но и монологическим» [Дускаева 2003].

Несмотря на то что на первоначальных этапах лингвистического изучения диалогической коммуникации исследовательские акценты делались на вопросы внутреннего языкового устройства диалога, уже и в этот период без внимания ученых не оставались функциональные, социально-психологические, ментальные и культурные особенности речевого взаимодействия. Сегодня с определенностью осознается необходимость именно междисциплинарного подхода к изучения диалога. По словам Л.Л. Федоровой, к настоящему времени сложился ряд направлений: теория речевых актов, этнография речи, дискурс-анализ, конверсационный анализ, теория речевой коммуникации, теория речевых жанров, теория межкультурной коммуникации, занимающихся изучением практики речевого общения, его форм и функций, условий успешности и эффективности [Федорова и др. 2007].

Многоаспектность подходов к изучению диалога обусловлена сложным и многоуровневым характером самого объекта. «… Диалог предстает как конкретное воплощение языка в его специфических средствах, как форма речевого общения, сфера проявления речевой деятельности человека и форма существования языка. В первом случае анализируется речевая структура, возникшая в результате говорения, осуществления диалогической речи, во втором исследователь имеет дело с выяснением условия порождения и протекания этой речи, в третьем случае проблемы диалога оказываются в кругу вопросов, связанных с изучением общественной функции языка. Аспекты внимания к диалогу оказываются тесно связанными между собой; в то же время в современной лингвистической науке трудно назвать область, в которой в той или иной связи не привлекалось бы или не могло бы быть привлечено явление диалога» [Валюсинская 1979: 300].

Таким образом, современные исследования диалога включают в себя и анализ внеязыкового окружения диалога, контекста и ситуации в широком смысле слова.

1.1.2. Диалог и диалогичность. Диалог и монолог

Следует различать диалог в широком смысле и диалог в узком смысле. Диалог в широком смысле необходимо понимать как универсальную категорию культуры, как ключевое понятие философии, психологии, культурологии, социологии и других ветвей гуманитарного знания: «Вся жизнь языка в любой области его употребления… пронизана диалогическими отношениями» [Бахтин 1986б: 245]. Это понимание находит свое проявление в понятии «диалогичность» как в универсальном свойстве языка и других знаковых систем отражать взаимодействие субъектов в процесс коммуникации [Винокур Г. 1959; Соловьева 1965; Бахтин 1979, 1986а и 1986б; Гельгардт 1971; Кожина 1986; Борисова И. 2001; Дускаева 2003 и др.].

Диалог в узком смысле выступает как конкретное проявление общей категории диалогичности и трактуется в рамках противопоставления конкретной диалогической формы речи, «заключающейся в обмене взаимообусловленными репликами, монологу как высказыванию одного лица» [Трошева 2003: 44].

В этой связи совершенно закономерным представляется тот факт, что практически все исследователи диалога сходятся в одном моменте: для определения объема и содержания понятия «диалог», необходимо сопоставить его с антиномическими формами речи, прежде всего с монологом. Ср., например, характерные названия статей: «О соотношении монолога и диалога» [Красильникова 1996: 138-142]; «Диалог и монолог» [Нестеров 1996: 81-86].

Диалог и монолог. Линия на соспоставление диалога и монолога начата еще в пионерских работах Л.П. Якубинского, который в статье «О диалогичности речи», написанной еще в 1923 г., постулировал тезис о естественности диалога в противопоставлении искусственности монолога и указал на то, что такие характерные черты диалога, как быстрый обмен взаимообусловленными краткими высказываниями-репликами без предварительного обдумывания, при зрительном и слуховом восприятии собеседника, противостоят таким признакам монолога, как длительное письменное или устное высказывание одного лица, обладающее завершенностью и композиционной строгостью [Якубинский 1986]. О принципиальном разграничении монолога и диалога говорит и Л.В. Щерба: «Диалог — это в сущности цепь реплик. Монолог — это уже организованная система облеченных в словесную форму мыслей, отнюдь не являющаяся репликой, а преднамеренным воздействием на окружающих» [Щерба 1957: 115]. Академик В.В. Виноградов также отмечал, что диалог выступает как естественная данность языка, тогда как монолог есть всегда искусственное произведение речи, «продукт индивидуального построения» [Виноградов 1980: 181]. Р.Р. Гельгардт для разграничения структуры диалога и монолога

предлагает критерий степени самостоятельности, по которому различаются автосемантичность монолога и синсемантичность реплик диалога [Гельгардт 1971].

В докторской диссертации Т.Н. Колокольцевой обобщены разные точки зрения исследователей на проблему соотношения диалога и монолога и эмпирически задан набор параметров, по которым различие диалога и монолога имеет достаточно очевидный характер и которые, в той или иной степени, в тех или иных формулировках, присутсвуют в работах большинства исследователей этого вопроса: *(1) количество коммуникантов*: для монолога — от 1 (при автоадресации) до n (в случае публичного монолога); для диалога — от 2 (при обычном взаимодействии) до n, когда адресат носит интегрированный, полимодальный характер; *(2) роль адресата:* для монолога является пассивной, для диалога является активной, сопровождается теми или иными коммуникативными реакциями; *(3) мена ролей* ***говорящий — слушающий****:* для монолога — нехарактерна, для диалога — обязательна; *(4) степень гибкости* дискурса: для монолога является меньшей, чем для диалога, в условиях которого наличествует обязательность обратной связи, приспособление коммуникативных стратегий собеседников друг к другу; *(5) степень импровизационности речи*: для монолога является меньшей, в силу надличия у говорящего предварительного плана, для диалога является большей, когда, либо полнотсью, либо частично, реплика создается заново каждый раз; (6) *Синтаксическая сложность дискурса*: для монолога закономерно является большей, когда на выбор языковых средств не влияют ограничения, связанные с условиями протекания речи, для диалога является меньшей, по причинам редуцированности неначальных реплик, ограниченного объема оперативной памяти коммуникантов и пр. [Колокольцева 2001: 26–27].

В работе Е.В. Падучевой «Прагматические аспекты связности диалога» делается удачная попытка вписать разграничение диалога и монолога в кон-

текст коммуникативно-прагматических свойств интеракции говорящего и адресата в принципиально разных типах речевой ситуации:

«(1) В диалоге каждое высказывание очевидным образом имеет автора — говорящего (Г) и обращено к собеседнику — слушающему (С). Тем самым для предложения в диалогическом тексте непосредственной очевидностью является его вхождение в речевой акт, фиксирующий место, время, участников высказывания, контекст, т.е. все, что необходимо для понимания этого предложения. Между тем в случае монологического текста встроенность предложения в речевой акт восстанавливается лишь в качестве гипотезы — при так называемом перформативном анализе. Т.е. то, что для монолога — гипотеза, для диалога — очевидность.

(2) Реплики диалога уже на психологическом и при этом относительно легко наблюдаемом уровне ориентированы друг на друга. Они соотносятся как стимул и реакция. Если ты нарушил правильное соотношение, тебя тут же одернут. В монологе стимулы, обусловливающие продолжение текста, многообразны и трудноуловимы» [Падучева 1982: 305].

Несмотря на существование отчетливых дифференциальных признаков, по которым базовые формы диалогической речи противопоставлены формам речи монологической, в целом вопрос о разграничении диалога и монолога остается дискуссионным, как по причине крайней сложности самих объектов изучения, так и по причине наличия многообразных переходных форм речи (научная дискуссия, рекламное объявление, учебные диалоги и пр.).

Еще Л.П. Якубинский отмечал, что в живой речи диалог и монолог зачастую переплетаются и что существует ряд переходных явлений [Якубинский 1986]. М.М. Бахтин писал о том, что каждая реплика диалога «сама по себе монологична (предельно маленький монолог), а каждый монолог является репликой большого диалога (речевого общения определенной сферы)» [Бахтин 1986б: 296]. Т.Г. Винокур отмечала, что «любой отрывок монологи-

ческой речи в той или иной мере «диалогизирован», т.е. содержит показатели ... стремления говорящего повысить активность адресата» [ЛЭС 1990: 310].

На относительность границ между диалогом и монологом указывали и другие исследователи [Винокур Г. 1959; Красильникова 1996; Нестерова 1996 и др.]. А в работе А.А. Холодовича «О типологии речи» это противопоставление вообще как бы «растворяется» в предлагаемой ученым классификации, включающей более 30 типов речи на основании различных комбинаций таких признаков, как средства выражения речевого акта, наличие или отсутствие партнера, взаимность или односторонность высказываний, число участников, контактность или отсутствие контакта при общении т.д.: в чистом виде монолога не существует, имеются лишь разные степени диалогизации [Холодович 1967: 45].

Но все же, как было сказано раньше, в стандартных образцах диалогическая речь четко противопоставлена монологической, и на основе этого противопоставления все же можно выделить различительные признаки диалога и дать ему определение.

1.1.3. Объем и содержание научного понятия «диалог»

Легче всего выявить внешние, формально-структурные признаки диалога. Практически все исследователи согласны в том, что диалог — это явление речи, речевое образование, которое возникает в результате перемежающейся, главным образом устной спонтанной речи собеседников, происходящей в определенных условиях, при наличии единства места и времени.

При кажущейся размытости и открытости границ диалога, реально каждый диалог имеет начало и конец, что является выражением такой категории, как *интегративность диалога* [Борисова И. 2009], т.е. его целостность, единство, завершенность. Единство диалога определяется главным образом внеречевыми факторами: коммуникативными намерениями участников, те-

мой, типом и характером ситуации общения и т.д. На роль тематического единства в речевой организации диалога указывают Л.П. Якубинский [Якубинский 1986], В.В. Виноградов [Виноградов 1980], О.С. Ахманова [Ахманова 1966], А.К. Соловьева [Соловьева 1965], И.П. Святогор [Святогор 1967], Д.И. Изаренков [Изаренков 1979] и др. В диалоге, по выражению Л.В. Уховой, «тема распределяется между двоими» [Ухова 2014]. Специфика диалога как сложного единства самым тесным образом связана с его тематической цельностью, с характером развития содержания, с движением мысли.

Основная сфера использования диалога — «повседневное общение, устно-разговорная речь. Кроме того, диалогическая форма речи характерна для художественной литературы (диалоги персонажей), публицистики (интервью, дискуссия), некоторых других сфер общения» [Трошева 2003: 44].

В науке на сегодняшний день существует множество определений диалога (напомним, что речь идет о диалоге в узком понимании), что является еще одним свидетельством исключительной сложности и многоплановости этого понятия: «Диалог понимается как функциональная разновидность речи, вид речи, тип коммуникации, принцип организации коммуникации, реализация которого создает особый тип текста» [Лагутин 1991: 8].

Многие исследователи определяют диалог с позиции его речевой сущности — как речевое произведение, форму речи и пр. Широко известно предельно общее определение диалога, данное Н.Д. Арутюновой, которая трактует его как «речевое произведение, в котором двое говорящих как бы создают одну мысль» [Арутюнова 1996]. Как речевое произведение, или продукт речевой деятельности некоторой протяжённости, выполняющий коммуникативную функцию, т.е. как особый тип текстовой организации речи, понимает диалог и И.Н. Борисова [Борисова 2009: 9].

Как форму речи диалог понимает Л.П. Якубинский: «Соответственно перемежающимся формам взаимодействий, подразумевающим сравнительно быструю смену акций и реакций взаимодействующих индивидов, мы имеем диалогическую форму речевого общения» [Якубинский 1986: 25]. В «Слова-

ре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой встречаем следующее определение диалога: «Диалог — одна из форм речи, при которой каждое высказывание прямо адресуется собеседнику и оказывается ограниченным непосредственной тематикой разговора. Диалог характеризуется относительной краткостью отдельных высказываний и относительной простотой их синтаксического построения» [Ахманова 1966: 132]. Т.Б. Трошева также определяет диалог как «форму речи, которая характеризуется сменой высказываний (реплик) двух или нескольких (полилог) говорящих и непосредственной связью высказываний с ситуацией» [Трошева 2003: 44].

Т.Г. Винокур в своем определении диалога подчеркивает активную позицию адресата и наличие внеречевых средств связности: «Диалогическая речь (от греч. dialogos — беседа, разговор двоих) — форма (тип) речи, состоящая из обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта. Для диалогической речи типичны содержательная (вопрос / ответ, добавление / пояснение / распространение, согласие / возражение, формулы речевого этикета и пр.) и конструктивная связь реплик» [Винокур Т. 1998: 119]. Это позволяет вывести попытки определить диалог из чисто структурной сферы в сферу функциональную, что отмечается еще в указании Л.В. Щербы на то, что диалог образуется «из взаимных реакций двух общающихся между собой индивидов, реакций нормально спонтанных, определяемых ситуацией или высказыванием собеседника» [Щерба 1957: 115]. Функциональное понимание диалога также отражено, например, в определении Т.В. Матвеевой: «Разговорный диалог или полилог представляет собой функциональный объект, состоящий из ряда реплик коммуникантов, каждая из которых обусловлена ситуативно и влияет на следующую реплику речевого партнера» [Матвеева 2018: 92].

В обобщающем определении В.И. Лагутина намечается путь от речевых или функциональных аспектов понимания диалога к аспектам коммуникативно-прагматическим или дискурсивным: «Для диалога в узком его пони-

мании характерен следующий набор дифференциальных признаков: наличие не менее двух собеседников; обязательная смена говорящих (на этом основании разговор сам с собой исключается из рассмотрения); участники диалога понимают язык, на котором ведется диалог; участники диалога видят, по меньшей мере, слышат друг друга» [Лагутин 1991: 8]. Это перемещение акцентов в определении диалога вообще характерно для современной научной парадигмы.

Так, коммуникативное понимание природы и сущности диалога предлагается, например, в работах Д.И. Изаренкова: «Диалог — есть акт непосредственного общения двух людей, протекающего в форме перемежающихся ситуативно обусловленных речевых действий (поступков), возникающий по инициативе одного из них (говорящего) в процессе его деятельности в тот момент, когда обстоятельства этой деятельности создают перед ним проблему, которую он может (или считает целесообразным) решить путем вовлечения в эту деятельность другого компетентного, с его точки зрения, лица (собеседника), в силу чего их общение развивается в направлении разрешения данной проблемы и угасает либо с ее разрешением, либо тогда, когда говорящий убеждается в неспособности (или нежелании) собеседника к ее разрешению» [Изаренков 1986: 15]. Также и Т.Н. Колокольцева определяет диалог как «форму активного коммуникативного взаимодействия двух или более субъектов, материальным результатом которого является образование специфического дискурса, состоящего из последовательности реплик. При этом один из субъектов может носить интегрированный, полимодальный характер, т.е. быть представленным группой лиц» [Колокольцева 2001: 36]. Из этого определения видно, что коммуникативно-прагматический подход к пониманию диалога также необходимо предполагает и дискурсивный.

Такое, комплексное определение диалога представлено, например, у С.А. Ремизовой: «Диалог — это тип дискурса, результатом которого является текст, создаваемый в определенной коммуникативной ситуации совместными усилиями двух коммуникантов с большей или меньшей общностью «кар-

тины мира», каждый из которых руководствуется своими целями, но при этом имеет более или менее четкое представление о целях собеседника» [Ремизова 2001: 36]. Здесь можно видеть указание и на текстовую составляющую диалога, и на его дискурсивный характер («тип дискурса»), и на наличие коммуникативной ситуации, и, наконец, на когнитивный аспект («общность картины мира»).

Обобщая вышеприведенные точки зрения, попытаемся дать рабочее определение диалога. Диалог — это интегративный фрагмент совокупного диалогического дискурса, выступающий в качестве результата речевого взаимодействия двух и более участников на определенную тему, которые обладают определенной общностью знаний о мире и конвенций общения, объединены определенной коммуникативной ситуацией и связаны единством места и времени.

1.1.4. Классификационные разновидности диалогической коммуникации

Сложность и многомерность диалога предопределяют возможность классифицировать типы диалогического взаимодействия по самым разным основаниям: различные подходы к типологии диалогической речи отразились в работах [Соловьева 1965; Арутюнова 1970, 1976 и 1981; Балаян 1971; Сухих 1994; Рождественский 1997; Карасик 2000 и 2003; Колокольцева 2001 и др.]. Как пишет Т.Н. Колокольцева: «Диалогические дискурсы могут классифицироваться по целому ряду оснований; по социолингвистическим, психолингвистическим, коммуникативно-прагматическим, тематическим и др.» [Колокольцева 2001: 37].

Естественной классификацией диалогов является их деление по принадлежности к определенной форме существования языка — на устные и письменные диалогические формы. Более корректной видится отчасти смыкающаяся с данной классификацией типология, предложенная Т.Н. Коло-

кольцевой, которая, вслед за Л.П. Якубинским, В.В. Виноградовым и др., делит диалоги на первичные (естественные) и вторичные (воспроизведенные художественными или иными средствами) [Колокольцева 2001: 42]. Пересекающейся по отношению к вышеприведенной является классификация, предложенная Р.Р. Гельгардтом, который, со ссылкой на традиции немецкой филологии, выделяет следующие типы диалогов: «поэтические», обладающие образностью, сопровождающие действие; «прозаические», которые делятся на теоретико-познавательные (научные, «сократические») и философские (обиходно-разговорный и характерологические) [Гельгардт 1971: 32–33].

По формально-структурным признакам диалоги можно подразделять в соответствии с количеством говорящих и типом связности их в коммуникативном взаимодействии на парный диалог, параллельный диалог, полилог [Ухова 2014]; в соответствии с обсуждаемой тематикой различаются диалоги монотематические и политематические [Колокольцева 2001: 43].

Коммуникативно-прагматический принцип классификации диалогической речи предполагает различение диалогов:

(1) по характеру взаимодействия участников в рамках соблюдения или несоблюдения кооперативных норм ведения диалога различаются кооперативные диалоги и диалоги-конфликты [Макаров 2003]; диалог-противоречие, диалог-синтез [Галкина-Федорук 1958]; диалог-спор; диалог — конфиденциальное объяснение; диалог — эмоциональный конфликт (ссора); диалог–унисон [Соловьева 1965]; диктальные (информативные) и модальные, которые подразделяются на полемические и унисонные [Балаян 1971]; диалог-беседа, диалог-спор, диалог-дискуссия, диалог-обсуждение, диалог-аргументация, диалог-переговоры, диалог-интервью, диалог-расспрос, диалог-допрос и пр. [Ремизова 2001].

(2) по параметру сферы коммуникации различаются диалоги личные и публичные (в прессе, на радио и телевидении и пр.), официальные и неофициальные [Колокольцева 2001: 42]; бытовые, производственные, научные и учебные; «парламентские» и «митинговые»; судебные и административные,

военные [Адмони 2004]; персональное (личностно-ориентированное) общение, которое делится на бытовое и бытийное, и институциональное (статусно-ролевое) общение, которое делится на дипломатический, административный, юридический, военный и пр. типы [Карасик 2000 и 2003]

(3) в рамках соотношения различных социальных и коммуникативных ролей различаются: диалог равных и диалог неравных [Винокур Т. 1984]; диалоги с равномерным или неравномерным участием в них говорящих, т.е. далекие или близкие по отношению к монологу [Баделина 1997: 46];

(4) в рамках специфики коммуникативной целенаправленности различаются: информативный диалог (make-know discourse); рескриптивный диалог (make-do discourse); обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины (make-believe discourse); диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений (interpersonal-relations discourse); праздноречевые диалоги (fatic discourses), подразделяющиеся на эмоциональный, артистический, интеллектуальный [Арутюнова 1992; 52-53]; диалоги-сообщения, диалоги-обсуждения и диалоги-беседы [Валюсинская 1979: 306]

(5) по целеориентированности различают диалоги одноцелевые (звонок в справочную службу) и многоцелевые [Колокольцева 2001: 43];

(6) по интенциям коммуникантов различаются диалоги: аффилятивный (экспрессивная макроинтенция); диалог-интервью (эвристическая макроинтенция); интерпретационный (координативная макроинтенция); инструментальный (регулятивная макроинтенция) [Сухих 1998: 14-15].

В работе И.Н. Борисова выделяются «коммуникативные типы диалогических разговорных речевых произведений: непринужденный, акционально-практический, интенционально-коммуникативный. <…> Наблюдение за динамикой взаимной ориентации речевого поведения участников диалога делает возможным выявление степеней коммуникативной координации речевого поведения, на основании которых выделяются базовые модальные координативные типы диалогов: консентный, конформный, полемичный и конфликт-

ный. Различие в организации речевых продуктов, порождаемых в различных режимах диалоговедения, задает динамические типы диалогов: реплицирующий диалог и нарративный диалог. Контаминация нарративного и реплицирующего режимов дает переходный тип — нарративно-унисонный диалог» [Борисова И. 2009: 246].

В «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Жеребило приводится сводная, тематико-целевая и содержательная классификация диалогов **по характеру деятельности**, выполняемой коммуникантами в речевом взаимодействия: «а) *общий,* или *обиходный,* участники которого обмениваются информацией, не подлежащей разглашению; обиходный диалог не является публичной речью; б) *информационный Д..,* при котором знание информации и замысел участников не совпадают, (например, информационный Д. между следователем и подследственным); публичность ограничена предметом, обстоятельствами речи, специальными правилами; в) *диалектический Д.*, цель которого — поиск истины; г) *обучающий Д.,* ведущий участник которого обладает знанием и замыслом передать это знание, а другие участники не обладают знанием, но стремятся к нему; публичность ограничена предметом и дидактическим замыслом; д) *соревновательный Д.,* ведущий участник которого пытается выяснить уровень знаний и качества других участников, которые высказываются о предмете, с целью сделать это как можно лучше; е) *совещательный Д.,* участники которого высказывают и обсуждают предложения о совместном решении; публичность совещательного диалога определяется предметом речи; ж) *командный Д.,* один из участников которого отдает распоряжения о совместных действиях, а другие докладывают о результатах исполнения; з) *литературный Д.,* разновидность высказывания, представляющая собой изображение других видов диалога» [Жеребило 2010: 92].

В целях нашего исследования надо остановиться еще на одной важной классификации видов диалогического взаимодействия, основанной на характере взаимоотношений коммуникантов, на общей направленности их интеракций в процессе диалогической деятельности. На указанных основаниях

можно различать два типа диалога: **фатический**, построенный на фатических речевых воздействиях, и **информативный**, содержащий сообщения. Фатическая и информационная стороны в диалоге противопоставлены посредством того, делается ли акцент на контакте или на информации [Malinowski 1972; Якобсон 1975 и 1985; Винокур 1993б; Клюев 1996].

При этом фатические речевые действия могут быть отнесены к специфической деятельности — деятельности общения; через них собеседники осуществляют собственно речевую цель: поддержание контакта, общение ради общения [Федорова и др. 2007]. См., например, высказывание Р.О. Якобсона: «Существуют сообщения, основное назначение которых — установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи (“Алло, вы меня слышите?”), привлечь внимание собеседника или убедиться, что он слушает внимательно (“Ты слушаешь?” или, говоря словами Шекспира, “Предоставь мне свои уши!”, а на другом конце провода: “Да-да!”). Эта направленность на *контакт*, или, в терминах Малиновского], *фатическая* функция, осуществляется посредством обмена ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых — поддержание коммуникации» [Якобсон 1975: 194].

Но важна не столько чисто техническая, сколько социальная и межличностная сторона фатического общения. Фатика выступает одним из значимых коммуникативных проявлений Принципа вежливости Дж. Лича [Leech 1983], т.е. предназначена для поддержания социального равновесия. Фатическая речь не просто служит средством установления коммуникативного контакта, но и выступает как «средство установления определенных отношений между говорящим и слушающим» [Винокур 1993а: 15]. Фатика пронизывает все сферы диалогического общения, как неофициального, так и публичного. Существует целый класс диалогических единиц, целиком и полностью основанный на фатике, — это формулы речевого этикета. Она широко представлена в устной, письменной и интернет-коммуникации. Существует даже мнение,

что художественная речь в целом имеет своим истоком фатическую функцию языка [Якобсон 1975; Клюев 1996; Радбиль 2017 и др.].

Разграничение «фатики» и «информации» рассматривается Т.Г. Винокур как различие в реализации «разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего», или двух полярных речевых замыслов при вступлении в речевое общение. Фатика — это вступление в общение, имеющее целью само общение, а главным коммуникативным намерением говорящего в фатических диалогах является удовлетворение потребности в общении — кооперативном или конфликтном, с разными формами, с разной степенью близости между коммуникантами, с разной эмоциональной тональностью и пр. Информатика — это вступление в общение с целью что-то сообщить адресату [Винокур 1993б: 5–26]. Отметим также, что, по справедливому замечанию Л.Л.Федоровой, в реальной речевой практике два типа диалога тесно сплетены между собой, постоянно происходит переход от фатических реплик к информативным и, соответственно, переключение референции с ситуации общения на ситуацию сообщения (ситуацию, о которой идёт речь) [Федорова и др. 2007].

Как мы покажем далее, национально обусловленные модели диалогической коммуникации главным образом проявляют себя именно в фатической стороне диалогического взаимодействия — кооперативного, конфликтного или манипулятивного типов.

1.2. Диалогическое единство: структура, функции и типология

Сложность и многомерность диалогического взаимодействия обусловливает определенные трудности в выявлении и квалификации единиц диалога, которые можно по-разному выделять применительно к тематико-содержательной, формально-структурной или собственно коммуникативной стороне диалогического дискурса.

1.2.1. Единицы диалогического взаимодействия: типология, структурная организация и функции

Как пишет И.Н. Борисова: «В лингвистике существуют формально-структурный и функционально-прагматический подходы к вычленению коммуникативных единиц. Оба подхода учитывают диалогический характер коммуникативного события» [Борисова 2009: 17].

Традиционно вопрос о единицах диалога решался в рамках первичного, **формально-структурного подхода** [Галкина–Федорук 1958; Шведова 1960; Виноградов 1980 и др.]. «Формально-структурный подход основывается на том, что эксплицитный диалогизм коммуникативного события задаёт его динамическую организацию, которая обусловлена меной говорящих, проявляющейся в передаче речевого хода от одного коммуниканта другому. Этот формальный показатель отражен в членении коммуникативного потока на реплики-высказывания» [Борисова 2009: 17]. Речь идет о минимальных отрезках, на которые условно членится континуум диалогической речи в коммуникативной деятельности индивидов.

М.М. Бахтин в качестве такой единицы рассматривал *высказывание,* которое он определял как целостную и завершенную единицу речевого взаимодействия, которая характеризуется определенным тематическим содержанием, «языковым стилем», т.е. определенным набором лексических и грамматических средств в конкретно-речевой реализации, и определенным композиционным построением. Граница высказывания определяется внеречевым фактором — «сменой субъекта речи» [Бахтин 1986б]. Поэтому формально, по М.М. Бахтину, в качестве высказывания можно рассматривать и отдельную самодостаточную реплику в среде речевого взаимодействия субъектов, и законченное речевое произведение, в том числе текст, которые объединяет их принадлежность к определенным устойчивым и нормативным формам — «речевым жанрам».

Осознавая определенную размытость бахтинского подхода, ученые все больше склонялись к мысли о том, что основной единицей диалога все же должен считаться момент интеракции, т.е. какое-то объединение речевых действий коммуникантов. Иными словами, акцент в решении этого вопроса переместился в сторону **функционально-прагматического подхода**, который описывает реплику-высказывание в составе более крупного коммуникативного объединения, обладающего определённой прагматической структурой [Изаренков 1979; Баранов, Крейдлин 1992а и 1992б; Сухих 1994 и 1998 и др.]. Как справедливо резюмирует И.Н. Борисова: «Единица диалогического взаимодействия должна обладать свойством целого … — диалогичностью, т.е. быть единицей взаимодействия. Такой единицей может быть только диалогический фрагмент или микродиалог, а не отдельная реплика-высказывание. Диалогические единицы отличаются от последней эксплицированным диалогическим, интерактивным характером» [Борисова И. 2009].

В вопросе о том, как же именовать эту базовую (основную, центральную, конститутивную и под.) единицу диалога, в научном мире отсутствует единодушие. Академик В.В. Виноградов использовал понятия «система реплик» и «диалогическое объединение» [Виноградов 1980: 160–161]. Т.Г. Винокур применяла термины «диалогический минимум» или «смысловое целое» [Винокур Т. 1998: 120]. Также используется термин «коммуникативный блок» [Бизева 2000] и т.д.

В работах А.Н. Баранова и Г.Е. Крейдлина на базе понятия иллокутивного вынуждения в качестве таковой единицы предлагается *минимальная диалогическая единица* (МДЕ) или *минимальный диалог,* который понимается как последовательность реплик двух участников диалога — адресанта и адресата — характеризующаяся следующими особенностями: 1) все реплики в ней связаны единой темой; 2) она начинается с абсолютно независимого и кончается абсолютно зависимым речевым актом; 3) в пределах этой последовательности все отношения иллокутивного вынуждения и самовынуждения выполнены; 4) внутри данной последовательности не существует отличной

от нее подпоследовательности, которая удовлетворяла бы условиям 1)–3) [Баранов, Крейдлин 1992а: 94].

На основе коммуникативно-деятельностного подхода к речевому взаимодействию Л.Л. Федорова выделяет такую минимальную двучленную единицу диалогической коммуникации, как «акт речевого взаимодействия (АРВ)». Он представляет собой однократный обмен речевыми действиями между участниками диалога, в простейшем случае (когда их двое) — взаимонаправленные акцию и реакцию [Федорова Л.Л. и др. 2007]. По сути дела, это то же диалогическое единство, но рассмотренное в его акциональном аспекте.

Оригинальный подход к определению единиц диалога представлен в работах В.А. Садиковой. Исследователь, с опорой на риторическую традицию топики, говорит не о структурной, а о **тематико-содержательной** единице, выделяя в качестве таковой «топ как ментальную структурно-смысловую единицу порождения коммуникативного смысла в процессе реальной коммуникации» [Садикова 2015: 20]. Топосы (топы), отражающие естественным образом «связь языка, бытия и мышления способом, единственно доступным человеку, составляют исчерпывающий перечень: ИМЯ, ДЕЙСТВИЕ, СТРАДАНИЕ (ПРЕТЕРПЕВАНИЕ), СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели), СВОЙСТВА (признаки, качества), РОД и ВИД (разновидности), ОБЩЕЕ (абстрактное) и ЧАСТНОЕ (конкретное), ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ЦЕЛОЕ и ЧАСТИ, ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ, СВИДЕТЕЛЬСТВО, ПРИМЕР, СИМВОЛ» [там же: 19].

В целом в настоящее время наиболее популярным считается термин «диалогическое единство, который ввела в научный оборот Н.Ю. Шведова [Шведова 1960: 69] и который используется подавляющим большинством ученых [Святогор 1967; Валюсинская 1979; Изаренков 1979; Гастева 1990; Купина 1990; Бырдина 1992; Баделина 1997; Депутатова 2004; Казаковская

2004; Мартыненко 2005; Косогорова 2006; Шишкина 2011; Плотникова 2012; Есенина, Щербатых 2014; Серова, Фролова 2014; Масленников 2017 и др.].

1.2.2. Диалогическое единство: проблема определения

Согласно определению Н.Ю. Шведовой, диалогическое единство — «такое сочетание реплик диалога, в которых эти реплики связаны в единое целое, по определенным правилам, а именно, по линии синтаксического подчинения... [Шведова 1960: 282]. Таким образом, оно выступает как «сложное синтаксическое единство, которое сходно по своим функциям со сложным предложением» [Шведова 1960: 69]. Диалогическое единство в современном понимании выступает как комплексная, структурно-семантическая и коммуникативная, единица диалогического взаимодействия, состоящая из семантически и структурно взаимообусловленных реплик. С коммуникативной точки зрения каждая реплика представляет собой *речевой ход* [Баранов, Крейдлин 1992а и 1992б; Сухих 1998; Борисова И. 2009 и др.], который трактуется как «прагматически связанная последовательность речевых шагов, соотнесенных с минимальной единицей коммуникации — отдельным речевым действием или речевым актом. Речевые шаги связаны линейно различными типами смысловых и логических отношений — иллокутивные отношения самовынуждения … — обоснование, пояснение, уточнение, комментарий и т.п.» [Борисова И. 2009].

В «Словаре лингвистических терминов» под редакцией Т.В. Жеребило под диалогическим единством понимается «последовательность взаимосвязанных реплик, которые объединены: 1) накоплением информации по данной теме; 2) мотивированностью форм; 3) сцеплением, опорой на предыдущую или последующую реплики. Связь реплик осуществляется: 1) в виде цепочки взаимосвязанных словоформ; 2) через параллельность, однотипность строения» [Жеребило 2010: 92].

И.П. Святогор выделяет такие дифференциальные признаки диалогического единства, как специфическое строение и использование входящих в него синтаксических конструкций; тесная многосторонняя взаимосвязь и взаимообусловленность реплик; своеобразие функций членов предложения и средств выражения предикативности и модальности; замкнутость речевой организации; интонационная взаимосоотносительность; коммуникативная взаимообусловленность [Святогор 1967]. Основные характеристики диалогического единства — тематическая, интенциональная и структурная целостность входящих в него реплик: «Ввиду того, что в основе диалогического единства лежит логическое единство, текстовое суждение, целостность компонентов диалогического единства характеризуется такими видами связи, как конъюнкция, дизъюнкция, импликация, а также всем многообразием оттенков смысловых связей — отношениями эквивалентности, спецификации, части и целого, причины и следствия и т.д.» [Ремизова 2001: 61].

Вопрос о количественном составе диалогического единства в настоящее время остается дискуссионным. В классическом, восходящем еще к работам Н.Ю. Шведовой понимании диалогическое единство является исключительно **двучленным** [Балаян 1971; Баделина 1997; Ремизова 2001; Косогорова 2006 и др.], что отражено, например, в таких современных определениях: «… мы исходим из классического представления о диалогическом единстве, согласно которому диалогическое единство состоит из двух реплик — реплики-акции (РА) и реплики-реакции (РР), — объединенных в одно структурно-семантическое целое на основе общности темы и взаимозависимости реплик» [Баделина 1997; 48]; «… элементарным звеном диалога является взаимодействие двух реплик — стимулирующей (инициирующей) и реагирующей (ответной), которые образуют основной элемент диалога — так называемое диалогическое единство» [Косогорова 2006: 46]; «Диалогическое единство — это единица диалогической речи, состоящая из одной инициативной реплики (стимул) и одной реактивной (реакция)» [Масленников 2017: 230].

При этом следует отметить известную искусственность выделения именно двухчленного вопросно-ответного единства в качестве основного. В реальной речевой коммуникации вопрос редко возникает «на пустом месте», он зачастую является следствием представления некоего положения дел в предшествующих речевых действиях [Бырдина 2002]. Также и ответная реплика может вызвать комментарий у инициатора вопросной реплики.

В этой связи еще в работах И.П. Святогора в 1960-е гг. высказывалось мнение о существовании диалогических единств одночленных (реплика-стимул), трехчленных («инициатива» — «ответ» — «обратная связь») и многочленных, основанных на структурной обусловленности реплик [Святогор 1967]. Л.М. Михайлов выделяет двух-, трех-, четырех-, пяти-, шести- и даже семичленные единства на том основании, что коммуникативная завершенность может быть присуща речевому взаимодействию, представленному больше, чем двумя репликами говорящего и адресата [Михайлов 1986]. В работе Н.И. Гастевой также ставится вопрос о полисоставных диалогических единствах, которые выступают как тематическое и структурное развитие инициирующей реплики [Гастева 1990]. В диссертации С.А. Ремизовой приводятся данные о попытках примирить классическое и расширенное понимания диалогического единства: так, различают простые (двучленные) и сложные единства, закрытые (двухкомпонентные вопросно-ответные) и открытые (когда состав ремы ответного предложения служит основанием для продолжения коммуникации) [Ремизова 2001: 62–63].

Попытки разрешить неоднозначность в квалификации диалогических единств приводят к построению довольно сложных иерархических классификационных схем, описывающих разнопорядковые единицы диалога. Известна иерархическая схема структуры диалога В.П. Николаева: диалог → диалогическое целое (отрезок диалога, начальные и конечные реплики которого не имеют смысловой связи с общим потоком речи) → диалогическое единство (пара взаимообусловленных реплик) → реплика (одно или несколь-

ко предложений, сказанные говорящим за один речевой шаг) → предложение-высказывание [Николаев 1982: 15].

Очень перспективной выглядит двухуровневая классификационная схема структуры диалогического дискурса И.Н. Борисовой, согласно которой членение диалогического дискурса на коммуникативные фрагменты осуществляется по двум уровням, которым соответствуют два типа диалогических единиц, — это микроуровень и макроуровень.

I. «**Микроуровень** обнаруживает иллокутивно-прагматическое членение диалога: инициальная и реактивная реплика конституируют минимальную «двухчастную, диалогическую по своему строению единицу» — *интеракцию*, или *минимальный микродиалог*. … Две реплики-высказывания объединяются особой связью — иллокутивным вынуждением» [Борисова И. 2009: 18].

II. Макроуровень описывает коммуникативно-композиционное членение диалога: *диалогическое единство, микродиалог* — аналог сверхфразового единства в монологическом тексте, единица членения более крупная, чем интеракция. «Границы диалогического единства определяются иллокутивной и тематической связанностью коммуникативных ходов. Реплики связаны единой темой … Характеризуется смысловой (содержательной, тематической), коммуникативно-синтаксической (тема-рематической) и структурной (формальной) целостностью» [Борисова И. 2009: 19].

В качестве примера И.Н. Борисова рассматривает фрагмент диалога по телефону матери (А) и дочери (Б):

А. — (1) <... > / как себя чувствуешь золотце?

Б. — Ничего/ хорошо / (2) не могу только к врачу этому записаться / зуб- ному-то/

А. — (3) Почему?

Б. — Она что-то всё на занятиях / она же профессор в мединституте/ у неё всё время со студентами занятия / вот звоню / у неё то теория то ещё что-нибудь//

А. — А-а...

Весь этот фрагмент на макроуровне рассматривается как **диалогическое единство**. Оно распадается на 4 более дробные, мелкие диалогические единицы — **интеракции**: (1) (А.) *как себя чувствуешь / золотце?* (вопрос) — (Б.) *Ничего / хорошо /* (ответ); (2) (Б.) *не могу только к врачу этому записаться / зубному-то/* (сообщение дополнительной информации) — (А.) *Почему*? (уточняющий вопрос); (3) (А.) *Почему*? (уточняющий вопрос) — (А.) *Она что-то всё на занятиях / она же доцент в мединституте / у неё всё время со студентами занятия / вот звоню/у неё то теория то ещё что-нибудь //* (ответ); (4) (А.) *Она что-то всё на занятиях / она же доцент в мединституте / у неё всё время со студентами занятия / вот звоню / у неё то теория то ещё что-нибудь //* (ответ) — (Б.) *А-а...* (коммуникатив, выраженный междометием в значении *понятно*; функция — индикатор удовлетворённости ответом, коммуникативная ратификация маркирует конец эпизода).

Как комментирует И.Н. Борисова: «В приведенном коммуникативном эпизоде пять реплик-высказываний формируют четыре интеракции. Последние характеризуются иллокутивной целостностью, выраженной в распределённости иллокутивно вынужденных смыслов в репликах-высказываниях коммуникантов. Выделим два типа распределения стимулирующих и реактивных функций, задающих границы интеракции и являющихся движущей силой динамики диалога» [Борисова И. 2009: 18].

Если соотнести данную схему с классическими представлениями о диалогических единствах двучленного типа, то можно видеть: интеракция на микроуровне, по И.Н. Борисовой, как раз соответствует диалогическому единству в традиционном понимании, и диалогическое единство на макроуровне, по И.Н. Борисовой, соответствует уже интеграции диалогических единств в более сложное образование — «диалогическое целое», по В.П. Николаеву.

Мы в целях нашего исследования ограничиваемся лишь традиционным представлением о двучленности диалогического единства. Поэтому далее мы

подробнее рассмотрим особенности устройства и коммуникативной специфики двучленных диалогических единств.

1.2.3. Двучленные диалогические единства: структура и коммуникативные особенности

Стандартное двучленное диалогическое единство состоит из одной инициальной (инициативной) реплики, которая рассматривается как стимул (акция), и одной реагирующей (реактивной) реплики, которая рассматривается как реакция. «Однако иногда реплика содержит в себе реакцию и стимул одновременно (например ответ на вопрос и встречный вопрос или ответ вопросом на вопрос)» [Ремизова 2001: 60]. Диалогическое единство обладает свойством смысловой завершенности (интегративности) [Борисова И. 2009] и коммуникативной замкнутости, которая проявляется в следующем: «Речевая акция всегда ориентирована вперед, то есть на развитие диалога. Речевая же реакция ориентирована на предшествующее высказывание, и создается впечатление, что она замыкает процесс коммуникации» [Косогорова 2006: 47].

По мнению Т.В. Матвеевой, диалогическое единство задается появлением реплики-стимула, которая зависит от внутреннего побуждения разговаривающего или возникает ассоциативно под воздействием предшествующего текста. Вторая реплика диалогического единства — это необходимая реакция на стимул. Иногда объём диалогического единства этим и ограничивается, но часто реплика-реакция в свою очередь служит стимулом для последующего реагирования, так что диалогическое единство продолжается. Главным сигналом конца диалогического единства служит понимание участниками общения, что дальше обговаривать этот вопрос не имеет смысла [Матвеева 2010: 90–91 — приводится по: Масленников 2017: 231].

Базовым типом диалогического единства можно считать **вопросно-ответное диалогическое единство**, в рамках которого «основной функцией стимулирующей реплики является запрос информации, а реагирующей реп-

лики — выполнение ответа. Эти отношения выражены в диалогическом единстве *вопрос — ответ*» [Масленников 2017: 230]. Обобщая мнения исследователей по данному вопросу, Х.Г. Косогорова определяет, что «двучленное вопросно-ответное диалогическое единство характеризуется следующими особенностями: 1) синтаксической и смысловой взаимосвязанностью и взаимозависимостью входящих в него реплик; 2) синтаксической замкнутостью; 3) коммуникативной завершенностью [Косогорова 2006: 53].

Две реплики находятся в отношениях иллокутивного вынуждения [Баранов, Крейдлин 1992а и 1992б)], так как «тип реакции в большей или меньшей степени задается самим речевым стимулом, программируется им» [Арутюнова 1970: 45]. Также и в языковом отношении вторая реплика зависима от первой в смысловом и формальном отношении (это, по мысли Н.Ю. Шведовой, отчасти напоминает отношения синтаксического подчинения). В свою очередь первая реплика обладает свойством **коммуникативной заданности**: «В основе коммуникативной заданности инициальных (вопросительных) реплик лежит побуждение к сообщению определенной информации (к речевому действию)» [Косогорова 2006: 62]. Таким образом, побуждение имеет все основания рассматриваться как коммуникативная категория, так как в диалогическом общении она играет значимую роль [Михайлов 1986]. Поэтому между репликами наличествуют отношения прагматической [Падучева 1982], логической [Святогор 1967], семантической, структурной, интонационной и ситуационной связности.

Важнейшим средством связности реплик в составе диалогического единства является неполнота неначальной реплики, в которой большее количество информации выражается невербально, восстанавливается из предыдущего контекста или из ситуации в целом: «Опора на базовые реплики и выраженный в них смысл позволяет коммуникантам экономить время и речевые усилия, не повторяя многократно то, что было выражено в препозитивном контексте. Это дает возможность диалогу развиваться более динамично, а его участникам помогает быстрее ориентироваться в поступающей

информации, сосредоточиваясь непосредственно на наиболее значимых (рематических) компонентах высказываний» [Колокольцева 2001: 48].

Обмен репликами в диалоге выступает как реализация определенных интенциональных состояний коммуникантов [Серль 1986а и 1986б] и может иметь определенную эмоциональную тональность, выражать настроения собеседников. Значительная роль внеречевых факторов в диалоге обусловливают возможность невербальных реплик: «Речь входит в состав человеческой деятельности. На приказ, предупреждение, угрозу и т.п. человек может прямо реагировать действием» [Арутюнова, Падучева 1985: 11].

Конкретная структура того или иного диалогического единства существенным образом варьируется в зависимости от его коммуникативного и / или содержательного типа. В свою очередь классифицировать диалогические единства можно по самым разнообразным основаниям.

1.2.4. Типология диалогических единств

Самая простая классификация диалогических единств — это количественная классификация по числу реплик, входящих в его состав, деление на простые и сложные, закрытые и открытые. Эти классификации приведены выше. Гораздо важнее, на наш взгляд, контенсивные, т.е. содержательные, классификации, которые обладают большей информативностью и, как следствие, научной значимостью. Многие классификации диалогических единств коррелируют с типами диалогов, которые были рассмотрены в предыдущем подразделе, 1.2.3.

Самая общая классификация диалогических единств носит функциональный характер и определяется общими функциями речевой коммуникации — сообщение, вопрос, побуждение. В соответствии с этим в работе М.В Баделиной выделяется три типа: побудительные, вопросительные, «нейтральные» [Баделина 1997: 49]. На этом же основании И.Н. Борисова выделя-

ет «функционально-смысловые типы текста в разговорном диалоге», что выступает как своего рода композиционно-речевой коррелят диалогического единства: собственно нарратив, экспликатив, дескриптив, репродуктив [Борисова И. 2009].

Многие лингвисты включают в классификацию и маркировку второй реплики таким образом, что классификационная единица представляет собой двойное понятие, формируясь по характеру соотношения инициальной и реактивной реплик. На этом основании выделяются диалогические единства: (1) *вопрос — ответ,* когда основной функцией стимулирующей реплики является запрос информации, а реагирующей реплики — выполнение ответа; (2) *сообщение — сообщение*, когда стимул-сообщение представляет собой информирование другого человека (собеседника) о своих мыслях, решениях, ощущениях и т. д.: такой тип выступает в двух разновидностях: *сообщение — согласие* и *сообщение — возражение* (Т.Г. Винокур выделяет целых пять вариантов реагирующих реплик на «сообщение»: разъяснение, добавление, возражение, согласие, оценка [Винокур Т. 1998: 119–120]); (3) *побуждение – – реакция на побуждение (выполнение* / *отказ от выполнения*) [Масленников 2017: 230].

Более конкретно диалогические единства в функциональном аспекте подразделяются в работе С.А. Ремизовой, со ссылкой на В.Е. Кучероносова: «(1) сообщительно-сообщительное; (2) сообщительно-побудительное; (3) сообщительно-вопросительное; (4) побудительно-сообщительное; (5) побудительно-побудительное; (6) побудительно-вопросительное; (7) вопросительно-сообщительное; (8) вопросительно-побудителыюе; (9) вопросительно-вопросительное» [Ремизова 2001: 64].

Применительно только к невопросительным диалогическим единствам предлагается классификация по параметру соотношения утверждения и отрицания в логическом смысле этих слов: (1) утверждение — утверждение; (2) утверждение — отрицание; (3) отрицание — утверждение; (4) отрицание — отрицание; (5) утверждение — отрицание-отрицание; (6) отрицание-

отрицание — утверждение; (7) отрицание-отрицание — отрицание-отрицание (где двойное отрицание по законам логики — утверждение) [Баделина 1997: 51].

«Новый словарь методических терминов и понятий» приводит обобщенную классификацию по согласованности инициальной и реактивной реплик из 16 позиций: (1) сообщение-сообщение, (2) сообщение-вопрос, (3) сообщение-побуждение, (4) сообщение-восклицание, (5) вопрос-сообщение, (6) вопрос-вопрос, (7) вопрос-побуждение, (8) вопрос-восклицание, (9) побуждение-сообщение, (10) побуждение-вопрос, (11) побуждение-побуждение, (12) побуждение-восклицание, (13) восклицание-сообщение, (14) восклицание-вопрос, (15) восклицание-побуждение, (16) восклицание-восклицание [Азимов, Щукин 2009: 61 — приводится по: Масленников 2017: 231].

Интересный опыт классификации диалогических единств, правда, применительно только к их вопросно-ответной разновидности, представлен в работе Х.Г. Косогоровой [Косогорова 2006]. Классификация строится на коммуникативно-синтаксических основаниях, в зависимости от типа вопроса. Различаются единства с вопросами местоименными (с вопросительными местоимениями) как разновидность частновопросительных конструкций, и с вопросами неместоименными, как разновидности общевопросительных конструкций. Разные типы вопросов порождают разные типы диалогических единств. Единства первого класса делятся на типы общеинформативные (с нулевой темой и с пресуппозитивной темой) и частноинформативные (субъектные, предикатные, объектные и сирконстантные), единства второго класса делятся на типы общеверификативные (с нулевой темой и с пресуппозитивной темой) и частноверификативные (субъектные, предикатные, объектные и сирконстантные).

Коммуникативно-прагматическая классификация вопросно-ответных единств приводится в работе С.А. Ремизовой: СПРАВОЧНЫЙ вопрос / ИНФОРМАТИВНЫЙ ответ; вопрос-ПРОСЬБА / ответ-ДЕЙСТВИЕ; ЛЮБЕЗНЫЙ вопрос / ЛЮБЕЗНЫЙ ответ; СТРАТЕГИЧЕСКИЙ вопрос

/ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ответ; ПРОСЬБА — ИНФОРМАТИВНЫЙ ответ [Ремизова 2001: 191].

Многоступенчатая иерархическая классификация диалогических единств приводится в работе Е.А. Ланцевой, что, видимо, объясняется лингводидактической и методической направленностью исследования. Исследователь классифицирует диалогические единства по структурной соотнесенности с ситуацией речи и обозначает их как «структурно-ситуативные типы диалогических единств». Задается 4 родовых таксона, которые именуются «схема»: вопрос — ответ; вопрос — контрвопрос; сообщение — вопрос; сообщение — сообщение. Затем устанавливаются видовые члены по каждому таксону:

1. Схема Вопрос — ответ:

А. Вопрос — утвердительный ответ

Б. Вопрос — отрицательный ответ

В. Вопрос — прямой или косвенный ответ на то, о чем спрашивается в вопросе.

2. Схема: «Вопрос — контрвопрос»:

А. Вопрос — уточняющий вопрос

Б. Вопрос — переспрос

В. Вопрос — аналогичный вопрос.

3. Схема: «Сообщение — вопрос»:

А. Сообщение — уточняющий вопрос

Б. Сообщение — побуждение в виде вопроса

В. Сообщение — эмоционально окрашенная реакция на сказанное в виде вопроса.

4. Схема: «Сообщение — сообщение»:

А. Сообщение — согласие / несогласие, подтверждение / отрицание

Б. Сообщение — противопоставление

В. Сообщение — просьба, приказ, пожелание, поправка, благодарность.

В комментариях указывается: «Анализируемые ДЕ в рамках схемы «сообщение — сообщение» функционируют в ситуациях комментирования событий, обмена мнениями, выражения необходимости, побуждения к действию, приветствия, знакомства, эмоциональной оценки происходящих собы-

тий, выражения благодарности на какие-либо действия собеседника» [Ланцева 2013].

Представляется, что многоуровневый подход к классификации такого сложного объекта, как диалогические единства, является наиболее перспективным. Он и будет определяющим, с известными уточнениями и дополнениями, для нашего исследования.

Наиболее полная характеристика диалогического единства возможна лишь с учетом выявления специфики его главных компонентов — *реплик*, которые также отличаются сложностью устройства и многообразием структурных и коммуникативных разновидностей

1.3. Реплика как строевой элемент диалогического единства

Реплика, с одной стороны, выступает как конструктивно и коммуникативно несамостоятельный компонент в составе целостности более высокого уровня — диалогического единства; с другой стороны, сугубо в исследовательских целях, реплику можно условно рассматривать и как отдельный объект анализа, обладающий определенной структурной целостностью сам по себе.

1.3.1. Реплика в конструктивном и коммуникативном аспекте

Изначально в лингвистике господствует **структурное** понимание реплики, которое реализовано в определении Н.Ю. Шведовой, рассматривающей реплики как «высказывания, которыми обмениваются участники диалогического общения и которые естественно порождаются одно за другим в процессе разговора, в связи с чем они всегда связаны по смыслу и интонации, а в определенных случаях также и собственно формальными средствами» [Шведова 1960]. В работах И.П. Святогора реплика трактуется как особая единица

коммуникации, характеризующаяся наличием «относительной смысловой и формально-грамматической законченности» [Святогор 1967].

С самого начала в отношении реплики дискуссионными были два пункта — о границах реплики и о ее соотношении с предложением или высказыванием. Граница реплики большинством ученых задается чисто формально — это «все сказанное одним собеседником в промежутке между двумя такими же репликами второго собеседника» [Ремизова 2001: 59]. Таким образом, реплика может состоять как из одного, так и из нескольких речевых актов, или высказываний, если они продуцируются одним говорящим до момента передачи им права говорить своему собеседнику. Указанные соображения учтены, например, в обобщающем определении В.И. Лагутина, который рассматривает реплику как «цепочку высказываний-предложений (или как одно предложение) одного из собеседников, продолжающуюся до тех пор, пока она не прервется речью другого собеседника или концом диалога» [Лагутин 1991: 10].

Уже в рамках структурного подхода начинает осознавать важность коммуникативно-деятельностного аспекта в понимании реплики [Щерба 1957; Винокур Г. 1959; Шведова 1960; Виноградов 1980; Якубинский 1986; Винокур Т. 1998 и др.]. Порождение реплики в диалоге следует рассматривать как отдельное вербальное действие индивида в рамках его совокупной речевой деятельности, т.е как акцию или реакцию в составе интеракции. На это обращает внимание И.П. Святогор, который утверждает, что «реплика создается в процессе непосредственного двустороннего обмена мнениями, для целей такого обмена, поэтому она имеет двустороннюю коммуникативную направленность — на предшествующую речь или ситуацию речи и на вызов нового высказывания собеседника» [Святогор 1967: 6]. Как комментирует Х.Г. Косогорова: «В первом случае сущность коммуникативной направленности реплики заключается в том, что реплика отражает не только новую информацию, но и, что существенно важно, выражает реакцию участника речевого акта на тот или иной факт действительности. Во втором случае суть

коммуникативной направленности реплики состоит в том, что реплика как реагирующее высказывание отражает отношение говорящего к объекту реакции (отрицание / подтверждение сказанного, экспрессивно-эмоциональную реакцию на сказанное и т.д.)» [Косогорова 2006: 46–47].

Базовые разновидности реплик, образующих диалогическое единство, — это реплика-стимул (реплика-акция) и реплика-реакция, которые обладают взаимообусловленными и во многом антиномичными функциями. Функция реплики-акции заключается в выражении воздействия на адресата с целью побудить его к ответному вербальному или невербальному действию за счет открытого для распознавания адресатом коммуникативного намерения (в общем виде соответствует таким целевым формам высказываний как вопрос, побуждение или сообщение). Функция реплики-реакции состоит в выражении реакции собеседника на оказанное воздействие. Реплика-акция катафорически связано с репликой-реакцией, т.е. содержит средства проспективной связности (прагматической, семантической и структурной) — сигналы, требующие от ответа определенных слов, формы или структуры. Реплика-реакция анафорически связана с репликой-акцией, т.е. содержит средства ретроспективной связности (прагматической, семантической и структурной) — языковые и внеязыковые маркеры, отсылающие к инициальному высказыванию.

На семантическую и грамматическую структуру реплики, выбор лексического материала и грамматических категорий влияют общий характер коммуникативного взаимодействия, цель и задачи говорящих в конкретной ситуации общения, условия, время и место общения, состояние коммуникантов и их интенции, контекст общения и пр.

Конструктивная и коммуникативная характеристика реплики существенно зависит от ее типа: акция или реакция, какая разновидность акции или реакции, что позволяет поставить вопрос о типологии реплик-стимулов и реплик-реакций.

1.3.2. Проблема классификации реплик

В лингвистических исследованиях, как правило, классификации реплик-акций и реплик-реакций осуществляются по отдельности, в силу их антиномической коммуникативной природы.

Как пишет Т.Н. Колокольцева: «Первоначально специалисты были сосредоточены на анализе инициирующих реплик диалога (реплик-стимулов), коммуникативная значимость и прагматическая ориентация которых наиболее очевидны. Реагирующие реплики в силу их коммуникативно-прагматической несамостоятельности и синсемантичности в этот период оставались в тени. Важную роль в привлечении внимания к исследованию реплик-реакций сыграли работы Н.Д. Арутюновой, которые еще в 70-80-е годы показали значимость вторых реплик в организации диалогического взаимодействия собеседников, прямую связь этих реплик с фактором адресата» [Колокольцева 2001: 5].

Изучение разных типов инициальных реплик начинается еще с пионерских работ Л.П. Якубинского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова и др. В сфере внимания ученых оказались прежде всего вопросительные предложения [Фирбас 1972; Булыгина, Шмелев 1982; Николаев 1982; Голубева-Монаткина 1990 и 1991; Колесникова 2005 и др.] и побудительные предложения [Ярмаркина 2001; Цирельсон 2002; Депутатова 2004 и др.]. Базовая, предельно общая классификация реплик-стимулов приводится в словаре Т.В. Жеребило: 1) вопрос, требующий ответа; 2) побуждение к действию; 3) высказывание, инициирующее тему, нуждающееся в уточнении или пояснении, экспрессив (речевой акт, выражающий эмоции говорящего) [Жеребило 2010: 304].

В современной лингвистике широко представлены работы, изучающие виды инициальных реплик, прежде всего вопросительных. В работе С.А. Ремизовой приводится классификация инициирующих вопросительных реплик: справочный вопрос, вопрос-просьба, любезный вопрос, стратегический (конфликтный) вопрос, экзаменующий вопрос, вопрос-побуждение (включая вопро-

сы-приказы, вопросы-предложения, вопросы-приглашения и пр.) [Ремизова 2001: 156–157].

В работе Х.Г. Косогоровой [Косогорова 2006] рассматриваются виды инициирующих вопросительных реплик по лексико-грамматическому оформлению вопросительного высказывания, что трактуется в работе как коммуникативно-синтаксическое основание для классификации. Выделяются реплики с местоименными вопросами *кто, где, что, как, откуда, где, куда, почему (= зачем, о чем)* и реплики с неместоименными вопросами.

В работе В.В. Казаковской и М.В. Хохловой [Казаковская, Хохлова 2015: 401–437], на основе идей Н.Д, Арутюновой [Арутюнова 1986; Бырдина 1992; Голубева-Монаткина 2010 и др.], представлена классификация инициальных вопросительных реплик на диктумные (диктальные), обращенные к запросу сведений об объективной реальности, и модусные (модальные), обращенные к запросу сведений о внутреннем состоянии адресата. К диктумным репликам относятся вопросительные реплики ситуативные и предикатно-актантные — целевые, причинные, локативные, темпоральные, посессивные, квалитативные и др. К модусным вопросам относятся вопросы, основанные на типе модуса — ментальный (эпистемический), эмотивный, перцептивный, волитивный и собственно-речевой. Различают вопросы модусные общие (*«да / нет»*-вопросы) и модусные частные (*«кто / что»*-вопросы). В работе делается важный в теоретическом плане вывод о том, что вопросы к модусу могут не обязательно занимать инициальную позицию — они также часто встречаются и в позиции реактивной реплики [Казаковская, Хохлова 2015: 408–409].

Побудительные инициирующие реплики обстоятельно проанализированы в диссертации Н.А. Депутатовой [Депутатова 2004]. Исследователь выделяет три класса реплик по характеру индикации той или иной разновидности императивной иллокутивной силы, внутри которых осуществляется детализация типов реплик:

(1) стимулирующие реплики побудительной семантики, маркированные по признаку **индикация высокой степени возможности исполнения**

каузируемого действия: приказ, команда, указание, распоряжение, заповедь, наказ, повеление, поручение, заказ, разрешение, инструкция, рецепт;

(2) стимулирующие реплики побудительной семантики, маркированные по признаку **индикация высокой степени побудительной причины каузируемого действия**: просьба, убеждение, уговаривание, упрашивание, увещевание, мольба, требование, наставление, поучение;

(3) стимулирующие реплики побудительной семантики, маркированные по признаку **индикация пригодности для Агенса каузируемого действия / воздерживания от действия**: совет, рекомендация предостережение, угроза, предупреждение, предложение, приглашение.

Благодаря работам Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1970 и 1972], З.В. Валюсинской [Валюсинская 1979], И.В. Галактионовой [Галактионова 1988], Т.Г. Винокур [Винокур Т. 1989 и 1998] и др., активизировалось и изучение реплик-реакций. Так, в работе З.В. Валюсинской указываются ответные реплики-подхваты, реплики-повторы и др., а также реплики-противоречия, согласия, добавления, реплики, сопровождающие тему, переводящие тему в другую плоскость [Валюсинская 1979: 306]. В свою очередь, Т.Г. Винокур выделяет пять вариантов реагирующих реплик на «сообщение»: разъяснение, добавление, возражение, согласие, оценка [Винокур Т. 1998]. В современной лингвистике эти проблемы освещаются в работах [Сотникова 1987; Рябцева 1994; Баделина 1997; Столярова 2001; Ружникова 2004; Сковородина 2004; Кузьмина 2013; Кудрявцев 2014 и др.].

В частности, в словаре Т.В. Жеребило приводится базовая классификация реплик-реакций: ответ на вопрос, переспрос, выражение согласия / несогласия, возражения, допущения, опровержения, отказа; уточнение, пояснение или комментарий к первой реплике [Жеребило 2010: 304].

В работе М.В. Баделиной, например, подробно рассматриваются реактивные реплики согласия [Баделина 1997]. Исследователь различает (1) виды полного согласия: согласие-подтверждение, согласие-одобрение, согласие-разрешение, согласие-договор, согласие-обещание, упредительное согласие,

продуманное согласие, взаимное согласие, единодушное согласие, согласие-подхват, заинтересованное согласие, — и (2) виды неполного согласия: частичное согласие, вынужденное согласие, пассивное согласие, согласие-уступка, согласие-примирение, согласие с условием, вызывающее согласие, неуверенное согласие, согласие-допущение, согласие с уходом от темы, вежливое согласие.

Традиционно большое внимание уделяется репликам — ответам на вопрос в составе вопросно-ответного диалогического единства. Так, в работе Х.Г. Косогоровой [Косогорова 2006] рассматриваются виды реагирующих реплик по коммуникативно-синтаксическому принципу: простые реплики-реакции и сложные реплики реакции. Реагирующие ответные реплики на инициирующую вопросительную реплику классифицируются в работе С.А. Ремизовой по 5 признакам: вербальные и невербальные; изоморфной структуры и неизоморфной структуры; достаточно информативные, избыточно-информативные, недостаточно-информативные и неинформативные; полностью или частично соответствующие, не соответствующие интенции инициирующей реплики; предупредительные, унисонные, стратегические (конфликтные), умышленное молчание [Ремизова 2001: 156–157].

В работе В.В. Казаковской и М.В. Хохловой [Казаковская, Хохлова 20156 401–437], на основе идей Н.Д, Арутюновой [Арутюнова 1986; Бырдина 1992; Голубева-Монаткина 2010 и др.], помимо классификации диктумных и модусных вопросов, представлены основные типы ответных реакций на модусные вопросы. Классификация ответов многоступенчатая. Во-первых, разграничены вербальная и невербальная реакции. Во-вторых, при вербальной реакции разделяются ответы фактические и информативные. Информативные ответы, в свою очередь, делятся по субъектной принадлежности — адресату или адресанту они принадлежат. Рассматривается различение между ответами на общевопросительный вопрос — это выражение согласия / несогласия, и ответами на частновопросительный вопрос — это «заполнение позиции незнания». Также выделяются «неответы» — уходы от ответа или уклонения от него.

В работах Л.Л. Федоровой [Федорова и др. 2007] в рамках концепции «грамматики диалога» дается единая классификация акций и интеракций через призму специфики речевого воздействия. Выделяется четыре базовых типа воздействия: (1) социальные воздействия; (2) волеизъявления; (3) информативные воздействия; (4) оценочные и эмоциональные речевые воздействия. По каждому из этих 4 параметров классифицируются как реплики-акции, так и реплики-реакции:

(1) Социальные воздействия (фатические акты). Реплики-акции: *приветствия, прощания, представления, благодарности, извинения, прощения, соболезнования, обязательства (обещания, клятвы, присяги, поручительства.* Реплики-реакции — *стандартны и заданы социальными нормами, конвенциональны (те же приветствия, прощания, принятие к сведению обещания и пр.);*

(2) Волеизъявления. Реплики-акции: *приказ, повеление; призыв, агитация; убеждение; совет; предложение; просьба; просьба о разрешении; пожелание.* Реплики-реакции: *отклик; согласие; несогласие, возражение, отказ; разрешение; запрет.*

(3) Информативные воздействия. Реплики-акции: *запрос информации: выяснение, уточнение, то есть-вопрос (он может рассматриваться и как волеизъявление — просьба дать информацию); информирование, сообщение; указание, инструкция; разъяснение; спор.* Реплики-реакции — симметричны.

(4) Оценочные и эмоциональные речевые воздействия. ***(А) Оценочные воздействия.*** Реплики-акции: *порицание, осуждение; похвала, одобрение; обвинение; защита, оправдание*. ***(Б) Эмоциональные воздействия.*** Реплики-акции: *оскорбление; угроза; насмешка; ласка; одобрение; утешение; признание вины; покаяние.* Реплики-реакции — симметричны для (А) и (Б).

Представленный обзор не может претендовать на полноту в силу огромного массива научной лингвистической информации по этой проблеме, но уже и продемонстрированный выше материал, на наш взгляд, в достаточной степе-

ни свидетельствует о крайнем функциональном, конструктивном и коммуникативном разнообразии реплик-акций и реплик-реакций в диалогической речи.

Анализ диалогического взаимодействия, диалогического дискурса, на наш взгляд, не может быть полным без учета средств его вербального и паравербального воплощения на разных уровнях языка, того, что можно условно именовать «язык диалога», или стихия живой диалогической речи.

1.4. Языковые и паралингвистические средства диалогической коммуникации

Диалогическая речь как проявление живого спонтанного коммуникативного взаимодействия между участниками в режиме реального времени имеет существенные отличия в способах использования языка от других форм речи — устного монолога, письменных речевых жанров и под. Особенности диалогической речи проявляют себя на всех уровнях языковой системы, а также, как было сказано ранее, существенную роль в ее организации играют невербальные, в том числе паралингвистические, средства. Согласно мнению В.З. Демьянкова, синтаксические, лексические, фонологические и просодические структуры образуют так называемые «категории микроуровня» диалога, которые выступают в качестве «элементов, выделяемых внутри отдельного речевого акта» как акции в составе интеракции» [Демьянков 1991: 24]. В данном разделе мы последовательно рассматриваем указанные категории.

1.4.1. Фонетические и просодические средства диалогической коммуникации

В диалогической речи фонетические и просодические средства играют значительно большую роль, чем других формах речи, потому что они напря-

мую участвуют в создании связности диалога и в выражении коммуникативных намерений и целей собеседников. В.З. Демьянков, обсуждая современные зарубежные концепции диалога, утверждает, что, наряду со средствами других уровней, «каркас диалога» составляют «фонетические и фонологические отношения между предложениями, репликами и ходами в вербальном взаимодействии (интонация, ударение, тон), а также паравербальные действия» [Демьянков 1991: 28].

Фонетика диалога имеет своеобразные черты, которые коренятся в общей специфике разговорной речи как особой формы бытования языка, рассмотренной в работах Московской школы анализа разговорной речи [Земская и др. 1981], Саратовской школы функциональной стилистики [Сиротинина 1995] и др. В устной разговорной речи наблюдается более быстрый темп, менее четкая артикуляция, более сильная редукция звуков (вплоть до «проглатывания» звуков и слогов).

В фонетике диалогической речи повсеместно действует закон речевой экономии. Наблюдается, в частности, полная редукция гласного в первом заударном слоге, упрощение групп согласных в области согласных и пр. В результате возникают усеченные формы знаменательных и служебных слов, например, *щас / ща, ва-аще /ваще, тыща, чо (= что)* и пр., которые сильно расходятся со своими литературными кодифицированными коррелятами. Изменяются отчества — *Ваныч, Саныч, Палыч, Пална* и пр.

Исследователи отмечают, что в русской диалогической речи могут даже возникать новые звуки, отсутствующие в системе фонем литературного языка — так называемый ларингальный приступ, который звучит в разговорном отрицании *не-а* [Кривнова, Андреева 2007].

Для диалогической речи характерна неравномерность темпа, связанная со «степенью коммуникативной значимости фрагментов разговорного текста и тенденции к изохронности синтагм» [Земская и др. 1981: 79]: так, наиболее значимые речевые отрезки произносятся в замедленном темпе по сравнению

с менее значимыми, ускоряется темп при произнесении вводных и вставных конструкций.

Исследователи также отмечают «насыщенность разговорной речи различными обрывами, перебивами, самоисправлениями, запинками и другими нарушениями целостности речи» [Кувшинова 2014: 106]. Остановки и заминки в диалогической речи именуются *хезитации*. Е.А. Земская с коллегами выделяет два типа хезитаций: (1) «хезитация-самоперебив с целью перестройки высказывания. В части, следующей за внезапным обрывом, меняется либо способ выражения той же мысли, либо содержание высказывания, либо одно слово заменяется другим...» [Земская и др. 1983: 67]; (2) «хезитация-обдумывание последующей части высказывания. Говорящий делает вынужденную остановку для того, чтобы спланировать свое дальнейшее сообщение, а затем продолжает рассказ, не меняя формы и содержания высказывания...» [там же: 67].

Очень многие специфические явления в фонетике диалога обусловлены действием коммуникативной функции языка, когда просодические средства широко используются для выделения элементов высказывания, различных по степени важности: «Максимальное динамическое выделение во фразе получают слова, принимающие на себя синтагматическое ударение, и, как правило, они являются смысловым центром высказывания, его коммуникативным ядром. Подобные ударные слова наиболее информативно значимы в конкретном акте коммуникации. Слова слабоударные и безударные достаточно часто не содержат важной информации, их даже можно опустить без существенного ущерба для общего смысла высказывания» [Кувшинова 2014: 107]. При этом важно отметить, что смысловое ударение часто могут получать не знаменательные слова, а служебные: — *Куда банку ставить? На стол или* ***под****? // — Ставь* ***на*** [пример Е.А. Кувшиновой]. Также могут быть ударными и частицы типа *ну, ну вот, вот, да, ну это, значит* и др., которые стоят в начальной позиции высказывания.

Диалогическая речь также отличается отчетливой спецификой в просодической и интонационной организации. О.Ф. Кривнова говорит о наличии в системе просодических составляющих в высказывании двух главных слоев: ритмико-синтаксического с базовой единицей — фонетической синтагмой / фонологической фразой и интонационно-смыслового с базовой единицей — интонационной фразой [Кривнова 2007]. Характерно, что, например, в «Русской грамматике 1980» по меньшей мере 6 из 7 выделяемых интонационных конструкций (ИК-2 — ИК-7) по большей части характерны именно для диалогической речи [Русская грамматика 1980: 101]. Именно они составляют неповторимый образ живой разговорной речи. С.В. Кодзасов, например, говорил о совершенно естественном для русской речи сочетание нисходящего тона и глоттальной смычки [Просодический строй 1996].

Многие особенности просодического членения при диалоге вызваны когнитивными причинами — так, отмечается, что ограничения на объем оперативной памяти обусловливают тот факт, что в любой фразе, которая содержит более восьми слов, обязательна пауза. Причем паузы делаются не хаотически, и существуют лексические и грамматические маркеры паузы между синтагмами (паузы часто делаются перед союзами *и, да, или*; перед личной формой глагола, перед предложной группой, после последнего из однородного ряда имен собственных, после аббревиатуры и пр.).

Б.М. Гаспаров в этом случае говорит о **мелодике**, под которой понимается «совокупность всех звуковых явлений речи, не связанных с реализацией сегментных (т. е. дискретных и расположенных в линейной последовательности) единиц — звуков, слогов, значимых сегментов текста» [Гаспаров 1978: 81]. Ученый выделяет 5 компонентов, которые в совокупности и составляют мелодику: (1) интонация; (2) динамика; (3) темп; (4). регистр («высокий» vs. «низкий»); (5) тембр («глухой», «сдавленный», «пронзительный», «ласковый», «мягкий», «ледяной» и т. д. голос («тон»)); (6) агогика (противопоставление «плавной» и «отрывистой», отчетливой (раздельной) и неотчетливой («редуцированной») речи, также «дрожащий», «прерывающийся» и

т. п. голос) [Гаспаров 1978: 81-84]. Эти компоненты как бы создают некую эмоционально-экспрессивную ауру, тональность высказываний в диалоге, которые в целом адекватно интерпретируются адресатом, который определяет по ним настрой говорящего. В этой связи С.В. Кодзасов справедливо замечает, что интонация функционально мотивированна: «… богатство просодической формы отражает многочисленность интонационно выражаемых значений и многообразие их комбинаций» [Просодический строй 1996: 87].

В свою очередь, в диссертации О.В. Кривновой доказано, что ритмико-интонационное членение речи имеет две функции: текстоориентирующую и операциональную, что служит для оптимизации коммуникации: «Благодаря ритмико-интонационной организации речи, смысловая информация, отформатированная средствами языка, передается слушающему в виде последовательно поступающих, физически разделенных вербально-смысловых квантов, которые к тому же снабжены просодическими указателями, сообщающими о текущем состоянии акта высказывания. Благодаря интонационным паузам создаются временные ресурсы для оптимальной обработки информации как для говорящего, так и для слушающего» [Кривнова 2007].

«Семантизация» фонетических, просодических и интонационных явлений в диалоге. В фонетике диалогической речи встречается такая значимая черта, практически отсутствующая в других формах речи, которую можно именовать «семантизация». Это возникновение смысловой нагрузки на явления, которые традиционно считаются безразличными по отношению к выражению смысла. Но в диалоге они как раз играют повышенную семантическую роль.

«*Семантизация» фонетических явлений* находит свое выражение в возникновении семантически или стилистически распределенных фонетических вариантов слов и словоформ в диалогической речи по отношению к исходно нейтральным общеупотребительным словам и формам. Так, в работах Е.А. Гришиной [Гришина 2011] анализируются вокальные жесты А и О на выдохе в междометном употреблении в диалогической речи, которые диффе-

ренцируют большие группы разных значений посредством сопровождающего телесного жеста. Также исследователь рассматривает лексикализацию новообразований частиц в разговорной речи, у которых отпадает закрывающий конец слова согласный: *щас* → *ща, вот* → *во, нет* → *не*: все они относятся к неформальному, если не к просторечному регистру употребления языка, т.е. к тем сферам функционирования устной речи, где ослаблен контроль говорящего над соответствием его речи общепринятым официальным стандартам — на уровне произношения это соответствует расслабленности артикуляционных органов [Гришина 2011].

В работе О.Ф. Кривновой и А.М. Андреевой рассматриваются случаи возникновения фонетических вариантов слов с добавлением ларингального приступа, которое меняет семантику получившегося слова и выражает целый комплекс смыслов. Это явление ученые назвали «ларингализация. По их мнению, рассматриваемая глоттальная смычка является одни из сильнейших средств экспрессии на уровне фонетики и в общем случае выражает высокую степень эмоции — выполняет функцию эмфатизации лексического значения слова, оформленного с ее участием, и символизирует «настаивание» на высокой степени выраженности качества, непосредственно обозначаемого словом. Интересен также анализ отрицания с глоттальной смычкой *не-а...* «Неформальное отрицание типа «не-а», произнесенное с ларингализацией, может обладать оттенком вызова, противопоставления мнения говорящего мнению собеседника, размежевания и нарочитого разграничения и рассогласования их позиций. Более общим же отличием глоттализованного варианта от нейтрального является ярко выраженное значение напряженности, предрешенности, определенности, присутствующее в первом случае. Присутствие компонента значения высокой степени уверенности ощущается как аналог вынесения отрицательного вердикта» [Кривнова, Андреева 2007: 101].

«Семантизация» просодических и интонационных явлений находит свое выражение в особенностях **фонации**. С.В. Кодзасов отмечает разные качества фонации в русской речи [Просодический строй 1996]. Имеется два

фонационных признака: один связан с конфигурацией голосовой щели, другой — с состоянием ее краев. Оба имеют по три значения. Если голосовые связки сведены, но не сомкнуты, это нейтральное значение первого признака. Если голосовые связки сомкнуты как при гортанной смычке, качество голоса меняется, имеет место «скрипучий» голос (creaky voice — cr.v). Если голосовые связки несколько разведены, имеет место «придыхательный» голос (breathy voice — br.v).

«Скрипучий» голос используется как фигура отрицания: (1) — *Как ты съездил?// — (Плохо.)* (cr.v); (2) — *Он все-таки ученый. // — (Какой он ученый!)*(cr.v) *Не ученый вовсе*. «Придыхательный» голос используется для маркировки высокой степени эмоции (в том числе удивленного восхищения): — *У Ивановой двойня родилась! // — (Что ты говоришь!)* (br.v). При положительной эмоции наряду с придыханием используется высокий уровень тона. Напротив, при отрицательной эмоции происходит переход на низкий тон: — *У Иванова инфаркт! // — (Какой ужас!)* (br.v).

Рассмотрим теперь второй признак. Голосовые связки обычно имеют некоторый нейтральный уровень напряженности. Однако они могут иметь и повышенную степень жесткости, что дает «напряженную» фонацию (tense voice — t.v). Ослабление напряженности относительно нейтрального состояния дает «расслабленную» фонацию (lax voice — l.v). «Напряженный» голос маркирует вербальный повтор или переспрос: (1) — *Я же вам сказал: (это стоит двести тысяч)* (t.v); (2) — *(Куда-куда ты уезжаешь?)* (t..v). «Расслабленный» голос используется как фигура уступки: — *Можно мелочью дать? // — Давайте (*l.v) [Просодический строй 1996: 103-104].

В целом роль фонетических, просодических и интонационных средств выше в ситуации спонтанного непринужденного бытового диалога, тогда как в подготовленной диалогической речи — в театрально-драматическом диалоге, в научной дискуссии или в медийном интервью, в политическом диспуте или деловых переговорах — эти средства используются точечно, в ряду других осознано применяемых приемов выразительности.

1.4.2. Лексические и морфологические средства диалогической коммуникации

Объединение лексических и морфологических средств речевой организации диалога основано на положениях В.З. Демьянкова, который, со ссылкой на Т. ван Дейка, выделяет разные уровни, слои речевой сущности диалога и включает лексику и морфологию в один ряд (между фонетическими и синтаксическими факторами): «морфологические и лексические свойства в упорядоченной смене реплик (специальные слова, "открывающие", "завершающие" реплику, передающие инициативу собеседнику, "прагматические частицы" и другие связывающие элементы)» [Демьянков 1992: 28].

Действительно, иногда, обсуждая языковые средства диалога, трудно разграничить, к какой категории их отнести: с одной стороны, принадлежность слов к определенной части речи (частицы, вводные слова, междометия) — это морфологическое свойство, с другой стороны — именно своеобразие лексического значения разного рода коммуникативов, дискурсивов, релятивов и пр. ставится во главу угла при их рассмотрении в качестве языковых средств организации диалога. Также на стыке лексики и морфологии лежат случаи перехода из одной части речи в другую, например, глагольной формы типа *знаешь* в служебную часть речи (морфология) с одновременной десемантизацией (лексический процесс). К явлениям такой переходной зоны можно отнести и лексикализацию определенных грамматических форм и пр.

Обязательная ориентация говорящего на адресата влияет на отбор лексических средств, используемых в диалоге, которые, помимо чисто информативных задача, характеризует «наличие знаков привлечения внимания, подготовка партнера к восприятию определенного рода сообщений, создание благоприятной атмосферы коммуникации, соблюдение принципов коммуникативного сотрудничества и т.п.» [Иванова 1999: 45].

Только в диалоге, например, возможны употребления сокращенных звательных форм обращения типа *Маш, Маш-а-Маш.* Исключительно для диалогической речи характерно и наличие неизменяемого класса знаменательных слов, которые по происхождению восходят к частицам. «Специфическое явление сугубо диалогических единств — это реплики, выражаемые так называемыми нечленимыми предложениями, которые как бы призваны быть в ответной реплике своеобразным сигналом подтверждения или отрицания того фрагмента смысла, который содержится в реплике-стимуле» [Мартыненко 2005: 76]. Это прежде всего слова-предложения *да, нет*; модальные выражения *конечно, разумеется, пожалуйста, простите* и т.д.

В концепции Н.Ю. Шведовой они именуются «заместители (эквиваленты) фразы» [Шведова 1960]. В коллективной монографии «Русская разговорная речь» они называются «релятивы», которым предписана особая синтаксическая функция — выражать реакцию адресата на слова говорящего или на ситуацию. «Фонетические релятивы представляют собой самостоятельные фразы со своим интонационным рисунком» [Земская и др. 1981: 35]. При этом, в отличие от обычных частиц, на релятивы падает синтагматическое ударение: — *Пойдем пройдемся! // — Да* ***ну****...* (выражается нежелание) [пример из работы — Кувшинова 2014: 106–109].

В другой терминологии эти единицы называются «коммуникативы»: «Они ориентированы на согласование коммуникативных стратегий и тактик собеседников и тем самым на обеспечение гармоничного диалога. Особенно это касается показателей согласия (*да; конечно; разумеется; безусловно*) и сигналов членения или сигналов речи, выражающих контактную функцию: *Не правда ли? Не так ли? (Не) так, что ли? Да? А?* и некоторых других. Так, среди русских вопросительных частиц в отдельную группу выделяются так называемые «контактоустанавливающие частицы»: *правда, не так ли, ведь так, да, а* и др.» [Халитова 2010: 97].

Кроме релятивов (коммуникативов), важную роль в диалоге играют слова и выражения, которые в работе Б.М. Гаспарова характеризуются как

«перебивы речи» «В устной речи функционирует большая группа незначимых слов, единственная позитивная функция которых — осуществлять разрыв речевой ткани. Ср. в русском языке — *вот, значит, ну, так* (и их комбинации между собой) и ряд др. В спонтанной речи данные элементы выступают в качестве заполнителей паузы, необходимой говорящему для подготовки следующего речевого построения, отыскания нужного слова и т.д.» [Гаспаров 1978: 81]. В концепции О.Б. Сиротининой эти информационно избыточные элементы именуются «пустыми частицами», которые порождаются говорящим бессознательно, автоматически и просто заполняют вынужденные в спонтанной речи паузы [Сиротинина 1974: 71]. В обыденной метаязыковой рефлексии они часто трактуются как «слова-паразиты».

В современном понимании обе эти группы слов (и некоторые другие) объединяются под общим понятием «дискурсивные слова» [Зализняк и др. 2005], «discourse markers» [Schiffrin 1987], «дискурсивы», [Халитова 2010; Викторова 2014 и др.]. Это модальные слова, междометия, наречия, частицы и некоторые выражения. Две группы указанных единиц разграничиваются в связи с двумя функциями — *регулятивной* и *организационной*: «Регулятивные функции связаны с выражением разной степени достоверности высказывания, дополнительных смыслов, своего мнения, оценок содержания и речи, эмоционального отношения, совершением речевых действий, расстановкой акцентов, выделением главного, регулированием отношений говорящего и слушающего. Организационные функции проявляются на уровне предложения и на уровне текста и дискурса. На уровне предложения дискурсивы связывают несколько предложений или их части — это сигналы логических отношений, введения примера, добавления информации, поиска слова. На уровне дискурса дискурсивы указывают на его компоненты (начало, переходы от темы к теме, заключение), очередность и последовательность тем, идей, отсылают к фрагментам того же текста или другим текстам» [Викторова 2014: 27].

В соответствии с функциональным разграничением диалогической коммуникации на информативную и фатическую обе группы дискурсивов, несомненно, относятся к фатической информации, выполняя «метакоммуникативную функцию» [Иванова 1999]. Но при этом они не просто выступают в роли формальных сигналов границ реплик или средства структурной организации диалога. Они также выражают широкий спектр модальных и эмоциональных смыслов, эксплицируя интенции коммуникантов, их установки и настроения. Так, например, в работе Т.И. Мартыненко указывается на достаточно широкий набор семантических функций частиц и междометий в диалоге: выражение чувства восторга говорящего, раздражение говорящего и его желание прервать разговор, удивление говорящего, согласие / несогласие собеседников, недоумение и пр. [Мартыненко 2005: 77–78].

К особому классу лексических и морфологических средств речевой организации диалога являются лексические показатели (маркеры) границ диалогического единства («минимального диалога») [Баранов, Крейдлин 1992а; Баранов, Иванова 1999; Иванова 1999 и др.], которые, в числе средств других уровней языка, принимают непосредственное участие в реализации категории «иллокутивного вынуждения». При этом разграничиваются отдельно пограничные маркеры начала и конца минимального диалогического единства, которые реализуются либо как самостоятельный речевой акт *(Господа!),* либо как часть более сложного речевого акта *(Знаешь, я ведь ему все рассказал об этом),* открывающих или закрывающих диалогическое единство.

Эти показатели обстоятельно проанализированы в диссертационном исследовании Е.А. Ивановой [Иванова 1999]. Автор различает сигналы говорящего и слушающего: «К сигналам говорящего относят маркеры установления контакта, его поддержания и окончания *(Извините; Вот это да!),* открывающие, возобновляющие (мини)диалог, позволяющие коммуниканту удостовериться в налаженности канала связи и правильном восприятии его слов собеседником или передающие коммуникативную роль слушающему. К сигналам слушающего относят показатели согласия, небезразличия, даже

«понукания», повторы, переспросы *(конечно, правда?, ну-ка, ну-ка),* а также перехват коммуникативной роли, перебивание, остановка коммуникации или конкретной МДЕ *(короче, стоп, нет-нет, ты не прав)* [Иванова 199: 52–53].

К единицам, открывающим диалог, относятся так называемые «метакоммуникативные единицы»: апелляторы, призванные устанавливать контакт с собеседниками (включающие обращения, средства выражения вежливости, выражения привлечения внимания типа *внимание, минуточку внимания, обрати(-те) внимание, смотри(-те), слушай(-те), послушай(-те), знаешь/те* и пр.); маркеры возвращения к теме и вывода (*итак, (и/но) все же, (и/но/так) все-таки, так вот* и пр.), маркеры прерывания диалогического единства и начала нового (*впрочем, между прочим, стоп, подожди(-те), постой(-те), кстати, (одну) минуточку, интересно* и пр.).

К единицам, закрывающим диалог, относятся иллокутивно вынужденные единицы: оценочные маркеры (маркеры верификативной оценки — согласие *это верно, вот-вот, вот именно, именно (так), (это) правда, (это) правильно, (это) разумно, совершенно верно, (совершенно) справедливо, (ну) то-то, (это) точно, точно-точно), да, конечно, разумеется, безусловно, бесспорно, еще бы* и пр., — и несогласие *какой / что за бред, какая / что за ерунда / чушь* и т.п., *нет, ни в коем случае, ни за что, вот еще, никогда* и пр.; маркеры аффективной оценки *вот как, вот это да, (это) грустно, да-а, да уж, досадно, жаль, забавно, занятно, здорово, интересно, ну, знаешь ли, ну как знаешь, (ну) как хочешь / хотите, ничего себе, кошмар, ловко, любопытно, н-да, невероятно, не может быть, неужели, ну и ну* и пр.; маркеры «оптативной» оценки *будем надеяться, дай то Бог, хотелось бы (надеяться), хорошо бы, надеюсь, не дай Бог* и пр.; маркеры вероятностной оценки *вероятно, возможно, (очень) может быть, наверно(-е), наверняка, посмотрим, это невозможно* и пр.); маркеры прерывания диалога (*все, разговор окончен, (ну) довольно, (ну) хватит; может, хватит (уже), тихо, тише, заткни(те)сь, (за)молчи(-те), замолкни(-те), заглохни(-те), отстань(-те), прекрати(-те), перестань (-те), не мешай(-те), отвали(-те), да иди(-те) ты*

/ вы и пр.); метатекстовые комментаторы завершения (*ну вот и всё, на этом заканчиваю, у меня всё, завершаю, (и) точка, на этом поставим точку, на этом точка, ну вот и точка, благодарю за внимание* и пр.); этикетные маркеры конца диалога (реакции на факт знакомства кого-либо с кем-либо *очень приятно, очень рад знакомству (с вами),* выражения формальной благодарности *(большое /огромное) спасибо, очень вам признателен, благодарю, я очень/так вам благодарен, не знаю как и благодарить (вас), чрезвычайно признателен,* выражения вежливости *извините, простите (за беспокойство), пожалуйста,* реакции на вежливую, этикетную реплику *ничего(-ничего), ничего страшного, все нормально, пожалуйста, не за что* и пр.

Кроме того, выделяются единицы, которые могут употребляться и в функции начала, и в функции конца диалогического единства: маркеры извинения (*извините, простите*): маркеры приветствия и прощания (*здравствуй // здравствуй, прощай // прощай* и пр.) и пр.

В целом для проанализированных в данном подразделе единиц значимым может оказаться их деление на *неспециализированные единицы диалога*, которые возможны и в других формах речи — они, как правило, отвечают за информативную сторону диалога, и на *специализированные единицы диалога*, которые не встречаются в других формах речи (коммуникативы, релятивы, дискурсивы и пр.) — они отвечают собственно за диалогизацию речи. Как будет показано далее, это деление релевантно и для единиц синтаксического уровня.

1.4.3. Синтаксические средства диалогической коммуникации

В концепции В.З. Демьянкова синтаксические свойства и отношения (неполные предложения, столь характерные для устной речи; дополнения со стороны собеседника, фразовые границы реплики, повторы, синтаксические способы выражения для придания реплике связанности, например, анафорические местоимения) относятся к автономному уровню речевой реализации

диалога, наряду с фонетическими, лексико-морфологическими, семантическими, прагматическими и социализированными [Демьянков 1991: 28].

Синтаксический аспект организации диалогического взаимодействия наиболее полно проанализирован в научной литературе. На начальном этапе изучения вопроса бытовало мнение, что для синтаксиса диалога характерно «разрушение границ между фразами», при котором «исчезают дискретные предложения, связанные между собой по определенным правилам межфразовой сочетаемости. Речь строится в значительной степени в виде нанизывания синтаксических сегментов с формально не отмеченной их группировкой в синтаксически самостоятельные единицы» [Гаспаров 1978: 79–80]. В настоящее время исследователи подчеркивают, что синтаксическая связность и оформленность имеются и в диалогической речи, только они реализуются в ней совершенно не так, как в других формах речи. Большую роль в этом играют прагматические факторы межличностного взаимодействия и когнитивные особенности коммуникантов —тенденция к экономии усилий, ограниченный объем оперативной памяти, недостаток времени и пр.

Практически все исследователи сходятся в том, что для диалогической речи характерна синтаксическая простота высказываний (незначительная представленность сложных предложений, причастных и деепричастных оборотов и пр.), повышенная роль неполных и эллиптических конструкций, нечленимых слов-предложений, номинативных и генитивных односоставных конструкций, обращений и других средств адресации и пр. Также отмечается преобладание вопросительных и побудительных предложений по цели высказывания, восклицательных предложений. Существует большая, в сравнении с другими формами речи, свобода порядка слов. Широко используются и разные средства «экспрессивного синтаксиса — парцелляция, сегментация, умолчание и др. [Шведова 1960; Орлова 1968; Сиротинина 1974; Изаренков 1979; Земская и др. 1981; Ширяев 1989 и 2001 и др.].

В частности, для диалога характерна сегментация — вынос в начальную позицию исходного слова в именительном падеже в нарушение правил

управления, т.е. независимо от того, какая форма внутри фразы требовалась для этого имени его структурными связями: ***Книга*** *эта — где покупали?* — или в инфинитиве для глагола: *Письмо написать — это я завтра.*

Нарушение структурных связей внутри высказывания и структурного оформления высказывания, когда словесная последовательность распадается на автономные, не связанные друг с другом отрывочные отрезки: *Пирожки свежие — только что купила — на углу магазин — свежие такие*; *Ты живешь второй этаж? // — Это я раньше второй — теперь пятый.*

Отмечается, что в диалоге существуют особые формы описательной номинации объекта или ситуации — *Дай мне во что завернуть* (= бумага); *Не забудь мыло и чем вытереться* (= полотенце); *Мусор убирает — не приходила?* (= уборщица) и пр.

Используется особый разговорный порядок слов, когда два непосредственно связанных слова могут быть разделены другими словами: – – *Красных купи мне пожалуйста стержней (красных стержней для ручки)*

Редуцированность лексических элементов в предложении приводит к неполноте конструкций; в отличие от других форм речи могут быть не одна, а несколько незамещенных лексически позиций, которые восстанавливаются из внеязыковой ситуации: — *Закипел // — Выключи* (= на кухне кипит чайник); Б. — *Пониже давай* (= А. ставит горчичники Б.) и пр.

Используются также разного рода специальные слова — актуализаторы ремы (местоимения, отрицательные или утвердительные частицы): — *Он что — уже в школу идет?; Ты завтра — да — уезжаешь?/; Он летом — нет — к нам приедет?* В роли актуализации рематической части при актуальном членении высказывания используется также повтор: — *Я по Волге этим летом поеду — по Волге* .

Связи между предикативными частями в высказывании не оформляются союзами и иными средствами: для диалога характерно синтаксическое нанизывание предикативных частей, которых редко бывает больше двух-трех: *Зайду в аптеку — аспирин мне нужен* (= Я должен сходить в аптеку, потому

что мне нужно купить аспирин); *Я завернула за угол — Ирина с мужем идет* (= Завернула за угол и увидела, что Ирина с мужем идет); *Вот такую мне шубу хочется — женщина прошла* (= ...шубу, которая на прошедшей мимо женщине) и пр.

При описании единиц диалогической речи на синтаксическом уровне, как и в случае с лексическими и морфологическими средствами, продуктивным оказывается разграничение *неспециализированных единиц*, у употребления которых имеются аналоги в других формах речи, и *специализированных единиц*, которые присущи исключительно диалогической форм речевого общения. Именно специализированные единицы рассматриваются в докторской диссертации Т.Н. Колокольцевой [Колокольцева 2001], где автор называет эти явления «специфическими коммуникативными единицами».

Это самостоятельные единицы, схожие с обычными предложениями-высказываниями по наличию коммуникативной функции, которые возможны лишь в диалогической речи: для них, в отличие от стандартных предложений-высказываний, такие признаки, как предикативность, структурное членение и синтаксическая оформленность, либо вообще не свойственны, либо носят факультативный характер. Автор выделяет два класса таких единиц: *коммуникативы* (мы рассмотрели их в предыдущем подразделе 1.4.2) и *незавершенные высказывания*: «Коммуникативы представляют собой нечленимых непредикативные высказывания, передающие разнообразные модусные значения, связанные с субъективной сферой адресата. Незавершенные высказывания являются синтаксически членимыми построениями, которые в конструктивном плане отличает обрыв синтагматической последовательности» [Колокольцева 2001: 63]. Подробнее остановимся на втором типе.

Незавершенные высказывания в основном характерны для таких функциональных зон (ФЗ) диалогической речи, как:

(1) ФЗ оценки: (а) с субстантивной группой: — *Ты что так долго не приезжала? // — Да у нас там, понимаешь, с* ***билетами****...* (= трудно, плохо); (б) с инфинитивной группой: — *Я знала, что он беспардонный! Но так*

говорить *с ней...* (= плохо, недопустимо, неприлично); с глагольным повтором: — *На нашем принтере* ***перепечатывай-не перепечатывай****...* (= бесполезно));

(2) ФЗ перечисления — незавершенные перечислительные ряды: — *В одной комнате тут семейные живут так там у них детские всякие,* ***велосипед****...* (= всякие детские вещи стоят: велосипед, игрушки и т.п.): — *Я никуда не хочу,* ***ни в гости****...*;

(3) ФЗ противопоставления, выраженного грамматически, с помощью союзов, или лексически: — *А у нас каждый день требуется писать!! // — Да у нас тоже требуется,* ***но*** *...* (= мы не пишем); — *У Димки у нашего по физике не блестяще. Вот* ***математика****...*;

(4) ФЗ времени: — *Раиса Степановна, мне из МБА не принесли книжечку? // — Подождите немного. Они* ***пока*** *оформят…*;

(5) ФЗ условия (опускается либо подчиненная предикативная часть, либо главная): — *Бр-р-р! Если так еще раз проехаться,* ***то****, боюсь...* (= это плохо для нас кончится, заболеем и т.п.); — *Вы по какому делу? // —. Я... я по личному вообще-то. // — Ну,* ***если*** *по личному...* (= моя помощь вряд ли нужна).

Делается важный вывод о том, что специфические коммуникативные единицы выступают как яркое проявление такого важного свойства диалогической коммуникации, как антропоцентризм общения: «В языке насчитываются сотни подобных единиц с богатейшей нюансировкой по модальным значениям. Таким образом, и в распоряжении каждого носителя русского языка имеется богатый арсенал специализированных показателей диалогической модальности» [Колокольцева 2001: 227].

В целом отметим, что синтаксические средства диалогической речи отличаются богатством и разнообразием, по-своему синтаксическая организация диалога не менее сложна, чем изощренный и разработанный синтаксис письменной речи. Синтаксические особенности диалога целиком и полностью посвящены коммуникативной задаче оптимизации речевого взаимодей-

ствия людей, и в решении этой задачи они выступают в неразрывной и органической связи с внеречевыми, паралингвистическими средствами.

1.4.4. Паралингвистические средства диалогической коммуникации.

Отличительной чертой диалогического взаимодействия является значительная роль невербальных компонентов в речевой коммуникации, на которое падает семантическая и прагматическая нагрузка, вполне сопоставимая с вкладом в коммуникацию средств языковых.

И.Н. Горелов делит невербальные компоненты коммуникации по физической природе на фонационные, мимико-жестовые, пантомимические и смешанные [Горелов 1980]. Фонационные компоненты в концепции Г.В. Колшанского составляют объект **паралингвистики**, которая изучает звуковые средства, сопровождающие речь, но не относящиеся к языку — тон речи, громкость, темп, паузы, заполнители пауз, а также такие качественные признаки голоса, как тембр, высота, диапазон, особенности произношения индивида, которые могут быть обусловлены диалектальной спецификой или индивидуальными особенностями — хриплостью голоса, пришептыванием, причмокиванием и т.п. Параязык помогает интерпретировать слова и фразы, иногда переворачивая их на прямо противоположные. Они являются функциональным компонентом речевой деятельности, включенным в любое речевое взаимодействие [Колшанский 2010: 32]. Также в качестве паралингвистического средства рассматривается семиотически значимое молчание [Арутюнова 1996]. Все перечисленные средства имеют диалогическую предназначенность и вне диалогического взаимодействия бессмысленны.

Б.М. Гаспаров в числе невербальных сторон речевого взаимодействия также выделяет **визуальный** и **кинесический** каналы передачи семиотически значимой информации. Визуальный канал, по Б. М. Гаспарову, охватывает невербальные компоненты, постоянно сопровождающие устную речь и

зрительно воспринимаемые адресатом сообщения. Его основными параметрами можно считать мимику, жесты и направление и характер взгляда. Мимика и жесты говорящего, во-первых, участвуют в образовании смысла передаваемого сообщения и могут существенно влиять на смысл передаваемого целого; во-вторых, говорящие на разных языках пользуются разными системами мимики и жестикуляции, т.е. данные системы регулируются определенными правилами, так что владение этими правилами оказывается обязательным для обеспечения адекватности языкового поведения. Направление и характер взгляда участвуют в установлении контакта и передают различные интенциональные состояния говорящего [Гаспаров 1978: 79–80].

Е.А. Гришина определяет **жест** как двусторонний знак, имеющий означающее (движение того или иного органа человеческого тела) и означаемое (значение, смысл этого знака) [Гришина 2011]. Г.Е. Крейдлин выделяет жесты симптоматические, которые человек совершает непроизвольно, в качестве проявления некоего физиологического или эмоционального состояния, и коммуникативные, которые есть продукт намеренной передачи информации от говорящего к адресату. Это и есть чисто **диалогические жесты**, среди которых различаются жесты-стимулы и жесты-реакции. Также коммуникативные жесты могут быть: (1) *дейктические* (указательные), которые указывают на участников коммуникации или на ситуацию общения, включая место и время — жест указательным пальцем в направлении кого-л. или чего-л., поднятый большой палец как выражение одобрения, кивок головы как знак согласие, покачивание головой в сторону как знак отрицания и пр.; (2) *этикетные*, которые отражают ритуалы общения, принятый в той или иной культуре, нормы общения, принятые в коллективе и пр. — рукопожатие, кивок в знак приветствия и пр. [Крейдлин 1998: 174-185].

Иногда в числе коммуникативных жестов выделяют еще ритуальные жесты, например, на богослужении, и драматические жесты, имеющие эстетическую значимость, например, в игре актеров и пр. Диалогическая функция всех семиотически значимых жестов состоит в регулировании хода диа-

логической интеракции и в выражении межличностных взаимоотношений участников диалога (например, симпатия, статус, социальная роль и пр.

Б.М. Гаспаров называет еще несколько фактов, важных для невербальной передачи информации в диалог: (1) кинетический фактор — перемещения говорящего относительно слушающего; (2) спациальный фактор — пространственное расположение говорящего и слушающего, или, точнее, расстояние между различными точками тела говорящего и слушающего; (3) тактильный фактор — соприкосновение говорящего и слушающего в процессе речи; (4) парафонетический фактор — наличие в речи звуков, не связанных с вербальными и мелодическими явлениями, таких как смех, плач, вздохи, прищелкивание пальцами, хлопки и т. д. [Гаспаров 1978: 80]. Сегодня обычно различают *кинесические* средства (взгляд, мимика, жесты, положение тела) и *проксемические* средства (расстояние между участниками коммуникативного акта и их пространственное расположение друг относительно друга), которые регулируются национально-культурными конвенциями.

Еще одним значимым компонентом паралингвистических средств в диалогической коммуникации является «речевое дыхание». В работах О.Ф. Кривновой указывается на существенную роль речевого дыхания в формировании интонационно-паузальных процедур [Кривнова 2007]. Специфика использования интонационных пауз для речевых вдохов выражается в том, что в организации дыхания находит отражение иерархия текстовых единиц, в основании которой лежат отдельные предикации-клаузы. Существенны также индивидуальные когнитивные характеристики отдельных говорящих.

Еще Б.М. Гаспаров говорил о многоканальности диалогического взаимодействия, благодаря которому при генерации смысла происходит наложение различных явлений, воплощающих разные каналы: «Например, некоторый жест, одномоментно переданный по визуальному каналу, может относиться к дальнейшему течению речи на значительном протяжении, и следовательно, накладываться на информацию, генерируемую вербальным и мелодическим каналом, на всем соответствующем участке; либо, напротив, жест

может замыкать вербальную последовательность, и ретроспективно аппли-цироваться к этой последовательности, внося соответствующую коррекцию в ее смысл» [Гаспаров 1978: 81]. Это позволяет поставить вопрос о **мультимодальности** диалогической коммуникации, осуществляемой в единстве ее речевой и внеречевой составляющих.

Мультимодальность диалогической коммуникации. Эта проблема рассматривается, в частности, в интересной работе Е.А. Гришиной с характерным названием «О мультимодальных кластерах в устной речи» [Гришина 2011]. Речь идет о разнообразных формах взаимодействия смысла, фонетико-интонационной формы и жестикуляции. Под «мультимодальным кластером» понимается явление, когда «одно и то же смысловое событие (семантическое, прагматическое, синтаксическое, стилистическое) сопровождается в устной речи одним и тем же набором жестовых и / или фонетических событий» [Гришина 2011: 243]. Особый интерес представляют выявленные ею *трехмодальные кластеры*, воплощающие единство смысла, звука и жеста.

К таким кластерам относится указательная частица *О*, выражение значения указания для которой сопровождается жестом —указанием пальцем, направленным либо вверх — знак важности произносимого говорящим, либо в сторону собеседника — знак того, что слушающий только что сделал или сказал что-то важное с точки зрения говорящего. Это сопровождается и особым произносительным эффектом — звук *О* в роли указательной частицы часто (примерно в 82% случаев) произносится с твердым приступом в начале, что предполагает относительно краткое (например, по сравнению с долгим протяжным произнесением междометие *О*, выражающим удивление), *точечное* произнесение этой частицы.

Также мультимодальным кластером является итоговое ударное *да,* с помощью которого говорящий подводит своего рода черту под своими размышлениями относительно какого-либо предмета. Это *да* в обязательном порядке сопровождается специфическими фонетическими явлениями: чаще всего это носовой призвук в начале произнесения, а также растяжка гласной

(поэтому на письме оно обычно отражается как *нда* или *мда,* а иногда как *да-а* или *да* …). Кроме того, для итогового *да* характерно специальное поведение взгляда говорящего, отличающееся от поведения взгляда на *да* в иных значениях — это так называемый «расфокусированный (нереферентный) взгляд», который освобожден от конкретной фиксации на объекте и направлен вдаль. Также итоговое *да* сопровождается двумя разными типами жестикуляции: (1) жесты, стандартно сопровождающие акт мысли, ситуацию сосредоточенного размышления: *взяться за подбородок, почесать затылок, сложить руки за спиной, чертить пальцем, нахмуриться*: (2) жесты отстранения, дистанцирования, относящегося либо к собеседнику или некоторому внешнему объекту, либо к смысловой, тематической зоне высказывания: *поднять брови, повести подбородком вбок, развести руками, отклониться назад, прищуриться* (т.е. трактовать предмет раздумий как находящийся далеко и, следовательно, плохо видный).

Также в работе Е.А. Гришиной рассмотрены и другие мультимодальные кластеры, связанные с речевыми актами передразнивания как особого случая неодобрительной цитации чужой речи с одновременным понижением ее в статусе относительно говорящего. На уровне речевого высказывания передразнивание вырежется в двойном-тройном повторе: — *О! Как родная вошла! А ты —* ***не войдет-не войдет***. На уровне фонации оно сопровождается ненатуральным для говорящего уровнем тона (выше или ниже обычного для говорящего). На уровне жестикуляции для передразнивания характерны жесты *скривиться* и *трясти головой*. Автор справедливо связывает рассмотренные явления с рефлексами таких свойств языка, как *иконичность* (повтор, имитация одного и того же значения средствами, относящимися к разным модусам устного высказывания) и *компенсация* (избыточное выражение одной и той же информации во избежание возможных потерь при ее передаче).

В целом отметим, что мультимодальность на уровне сочетания вербальных и невербальных средств диалогического взаимодействия выступает как проявления более общей многомерности и комплексности устройства

диалога в единстве речевых, прагматических, психологических, дискурсивных, когнитивных и социальных аспектов.

Выводы по содержанию главы I

В главе рассмотрены основы изучения диалогической коммуникации в науке о языке в историко-научном и научно-теоретическом освещении. Показано, что современные исследования диалога включают в себя и анализ внеязыкового окружения диалога, контекста и ситуации в широком смысле слова. Обоснованы различия между диалогом в широком смысле (диалогичностью) и диалогом в узком смысле, между диалогом и монологом.

На основе анализа обширного массива научной литературы по данному вопросу было сформулировано рабочее определение диалога как интегративного фрагмента совокупного диалогического дискурса, выступающего в качестве результата речевого взаимодействия двух и более участников на определенную тему, которые обладают определенной общностью знаний о мире и конвенций общения, объединены определенной коммуникативной ситуацией и связаны единством места и времени.

В главе проанализированы классификации диалогов по принадлежности к определенной форме существования языка, по формальным и коммуникативно-прагматическим основаниям, по сферам бытования диалога, по характеру деятельности коммуникантов и др. Также было обосновано важное для целей исследования деление диалогической речи на информативную и фатическую.

Далее были охарактеризованы единицы диалогического дискурса в рамках формально-структурного и функционально-прагматического подходов. В результате была выявлена наиболее общепринятая единица — диалогическое единство и определен ее базовый тип — двучленное диалогическое единство.

Согласно принятой в работе точке зрения, двучленное диалогическое единство представляет собой коммуникативное целое, образованное одной

инициативной репликой — стимулом и одной реагирующей репликой — реакцией, которые находятся в отношениях иллокутивного вынуждения.

Охарактеризованы основные классификации диалогических единств, которые осуществляются на основе коммуникативного типа входящих в их состав реплик, в том числе деление диалогических единств на схемы: *вопрос — ответ*; *сообщение — сообщение* (*согласие* и *возражение*); *побуждение — реакция на побуждение (выполнение / отказ от выполнения*).

Также освещены языковые и паралингвистические средства диалогической коммуникации. В числе языковых рассмотрены фонетические, лексические, морфологически и синтаксические средства, которые в целом предназначены для решения задач оптимизации коммуникативного взаимодействия.

Отличительной чертой диалогического взаимодействия является значительная роль в речевой коммуникации невербальных компонентов. Это явления фонационные, кинесические и проксемические. Крайне важными представляются охарактеризованные данной главе мультимодальные средства диалогической коммуникации, т.е. явления одномоментного выражения смысла, фонетико-интонационной формы и жестикуляции.

Выявленная на данном этапе исследования сложность и многомерность его объекта в единстве речевых, прагматических, психологических, дискурсивных, когнитивных и социальных аспектов требует адекватного комплексного метода его описания. Это соображение, а также определенная методологическая и методическая неразработанность в науке о языке заявленного нами лингвокультурологического подхода к анализу национально обусловленных моделей диалогического взаимодействия обусловили необходимость отдельной, методологической части исследования для обоснования его концепции, что и осуществляется в следующей, второй главе работы.

Глава II. МЕТОДЫ КОМПЛЕКСНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДИАЛОГА И ОБОСНОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В главе обсуждаются основные методы изучения диалога в науке о языке (разделы 2.1), а также рассматривается проблема методологии и методики комплексного лингвокультурологического изучения национальной и культурной обусловленности диалогического взаимодействия (раздел 2.2). На основе осмысления уже сделанного в науке о языке в этой области обосновывается принятая концепция исследования (раздел 2.3).

2.1. Характеристика основных существующих методов в изучении диалогического взаимодействия

В современном диалоговедении сложился ряд подходов к изучению диалога, или, в рамках современной методологической терминологии, «парадигм» [Кун 2003], к которым можно условно отнести такие, как структурно-семантическая, функциональная, риторическая, стилистическая, лингвопрагматическая, лингвопоэтическая, коммуникативная и когнитивно-дискурсивная парадигмы. В разделе рассматриваются методы изучения диалога в рамках сложившихся парадигм.

2.1.1. Структурно-семантические и функциональные методы анализа диалога

Структурно-семантические методы анализа диалога были исторически первичными и являются наиболее разработанными в современном диалогове-

дении. Широко представлены методы анализа системного устройства диалогического взаимодействия: структуры диалога [Орлова 1968; Занько 1971; Теплицкая 1975; Изаренков 1979; Ленерт 1988; Блох, Поляков 1992; Бырдина 1992; Борисова И. 2001; Ширяев 2001; Федотова 2006 и др.] и его строевых единиц [Бизева 2000; Колокольцева 2001; Косогорова 2006; Плотникова 2012; Садикова 2015 и др.] (в частности, диалогических единств [Шведова 1956; Купина 1990; Мартыненко 2005 и др.] и реплик [Виноградов 1980; Якубинский 1986; Кожина 1986 и др.]). Осуществляется построение различных классификаций: диалогической коммуникации в целом [Гельгардт 1971; Винокур Т. 1993б и 1998 и др.], единиц диалога [Гастева 1990; Купина 1990; Адмони 1994; Серова, Фролова 2014; Казакова, Хохлова 2015 и др.] и реплик в частности [Святогор 1967; Арутюнова 1970 и 1998; Булыгина, Шмелев 1982; Голубева-Монаткина 1991; Баделин 1997; Долгова 2000; Депутатова 2004 и др.].

Разработаны также методики описания специфики языковых средств разных уровней, используемых в речевой организации диалога [Соловьева 1965; Романов 1988; Адмони 1994], в том числе лексических единиц [Арутюнова 1988; Сулименко 1992; Баранов, Крейдлин 1992б; Баранов, Иванова 1999; Долгова 2000 и др.], синтаксических единиц [Винокур Т. 1955; Фирбас 1972; Теплицкая 1984; Михайлов 1986; Голубева-Монаткина 1990; Кононова 1991; Тураева 1994; Ремизова 2001; Столярова 2001; Ружникова 2004; Косогорова 2006 и др.], интонационных и просодичсеких средств [Галкина-Федорук 1958; Торсуева 1976; Якубинский 1986; Муханов 1995; Янко 2001 и др.], средств выражения экспрессивности и оценочности в диалоге [Галкина-Федорук 1958; Буренина 1991; Анипкина 2000; Колесникова 2005; Есенина, Щербатых 2014; Матвеева 2018 и др.].

Отмечает, что выбор определенных конструкций связан со спецификой устной речи и спецификой диалога как речевого взаимодействия. Эллипсис, простота синтаксического построения, употребление предложений различных функциональных типов, модальных слов, повторы, присоединительные конструкции и другие характерные черты, обязаны своим происхождением в

диалоге его специфике как особого речевого построения. Характерный для диалогических предложений порядок слов, своеобразное актуальное членение предложений в диалоге и пр. связаны также с действием многообразных условий, в которых протекает диалог как воплощение устной перемежающейся речи [Винокур 1955]. В отличие от письменных форм речи, существенную роль в формировании единства и связности диалога играет интонация. Интонация определяет смысловые акценты реплик в диалогическом взаимодействии и выражает интенциональные состояния участников диалога [Галкина-Федорук 1958; Гельгардт 1971; Якубинский 1986; Муханов 1995 Муханов 1995; Колокольцева 2001; Янко 2001; Ухова 2014 и др.].

Уже в рамках структурного подхода развиваются идеи его функционального описания, основанного на идее подчиненности структурных особенностей диалога функциям его строевых элементов в коммуникации: «Исследование диалога невозможно без учета целого ряда внеречевых моментов: цели и предмета высказываний, степени подготовленности говорящих, отношений между собеседниками и отношения их к высказанному, конкретной обстановки общения. Характер диалогической речи определяется действием всех этих факторов в совокупности, и в результате конкретного проявления каждого из них создается диалог определенной структуры» [Ухова 2014: 16-17].

Определяющими функциональными особенностями диалога выступают отношения говорящего и адресата — попеременная адресация речи, обязательная смена говорящих [Арутюнова 1970 и 1981; Красных В.И. 1970; Золотова и др. 1982; Галактионова 1988; Винокур Т. 1989; Воробьева 1993; Богданов 1994; Баделина 1997; Цирельсон 2002; Казаковская 2004; Букин 2014; Казаковская, Хохлова 2015 и др.]; спонтанность речевого взаимодействия [Якубинский 1986; Ахутина 1989; Арутюнова 1990; Матвеева 1994; Леонтьев 1997 и др.]; роль невербализованной информации, входящей в фонд общих знаний говорящих о мире, и оперативной памяти по ситуации общения [Арутюнова 1976 и 1996; Падучева 1982 и 1996; Федосюк 1988; Селиверстова, Прозорова 1992; Человеческий фактор 1992; Радбиль 1999 и 2006; Ширяев

2000 и др.]; изменчивость диалогической ситуации и открытость ее окончания [Гак 1973] — ср. в этом плане также мысль Т.Н. Колокольцевой: «Устный диалог, даже публичный, почти никогда не может быть разыгран как по нотам. Он не исключает элементов *неожиданности* и *непредсказуемости*» [Колокольцева 2001].

Таким образом, органичное взаимодействие структурно-семантического и функционального подходов в анализе диалога приводит ученых к убеждению, что действие всех внеречевых факторов в совокупности решающим образом отражаются на структуре диалога и на особенностях его языковой организации, что позволяет на данном этапе развития исследований диалогического взаимодействия получить достаточное представление о семантике, структуре и функциях диалога, о системе языковых средств его реализации в речи.

2.1.2. Риторические и стилистические методы анализа диалога

Риторические методы изучения речевого взаимодействия имеет давние традиции исследования логико-смысловых и языковых способов и механизмов речевого воздействия и эффективной межличностной коммуникации в разных сферах общения. В этой связи рассматриваются особенности межличностной коммуникации в деловой, педагогической, политической и других сферах. В риторике диалог рассматривается через призму категорий этоса, пафоса, логоса [Рождественский 1997], в свете разделов в классической риторике — инвенция, диспозиция, элокуция.

Так, Е.В. Клюев в пределах инвенции, отвечающей за правильный сбор информации о реальной действительности, рассматривает топику (темы обсуждения в диалоге) как технику «задавать вопросы», как правильно их формулировать и какие формулировки применительно к какому случаю использовать, и формулирует требования к грамотно поставленным вопросам, при ответе на которые говорящий: а) не выходит за пределы текущей рече-

вой ситуации; б) сообщает релевантные сведения о соответствующем «фрагменте действительности»; в) точно располагает данный «фрагмент действительности» по отношению к прочим «фрагментам действительности»; г) отделяет главное от второстепенного; д) структурирует сообщение наилучшим (естественным) образом; е) не обременяет сообщения лишними сведениями; ж) исключает пропуск необходимых для понимания сообщения моментов; з) предвосхищает появление само собой разумеющихся вопросов слушателей. В разделе элокуции в качестве риторических средств воздействия рассматриваются вопросно-ответные единства [Клюев 2005].

Риторические классификации вопросов и ответов отражают практические потребности людей в эффективном речевом взаимодействии и опираются на логику и психологию общения. Так, выделяют два класса диалогов: информационный и интерпретационный. *Информационный* диалог характерен для ситуаций, в которых к началу общения между партнерами имеется разрыв в знаниях. *Интерпретационный* диалог характеризуется тем, что знания у партнеров примерно равны, но получают разную интерпретацию [Гойхман, Надеина 2008]. По другому принципу различает типы диалогического воздействия Ю.В. Рождественский, в частности, по степени интенсивности развертывания, по цели, по соотношению реплик и по предметам обсуждения: в рамках последнего противопоставлены диалог семейный и диалог властный в т.ч. государственный), который подразделяется на военный, дипломатический, разведывательный, следственный и судебный, финансовый, административный, образовательный, ученый (познавательный), деловой и ритуальный [Рождественский 1997: 383-387, 440-443].

В целом риторический подход к диалогу имеет ярко выраженный предписательный, рекомендательный характер, в связи с чем формулируются разнообразные требования к правильному ведению диалога, правила эффективного диалогического общения (типа «Не превращай диалога в монолог», «Не употребляй слов, значение которых было бы непонятно твоему словесному противнику», «Не употребляй двусмысленных слов и выраже-

ний» и пр.), а также приводятся многочисленные типологии личностей собеседников, например, доминантные, мобильные, ригидные и интровертные собеседники; авторитарная, либеральная и коллаборативная позиция личности в ведении диалога и пр.

Современный стилистический подход к анализу диалога рассматривает диалог в контексте функционально-стилевой стратификации языка как наиболее яркое воплощение живой разговорной речи в противовес книжным стилям и в аспекте стилистических, в том числе эмоционально-экспрессивных, средств речевой организации диалога.

Функционально-стилевые особенности диалога как репрезентанта разговорной речи активно изучаются представителями Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН [Земская и др. 1981; Земская 1988; Голанова и др. 1998; Ширяев 1989, 2000 и 2001 и др.] и Саратовской стилистической школы [Гольдин, Сиротинина 1993; Сиротинина 1995 и др.]: рассматриваются такие признаки диалога в разговорной речи, как равноправие участников диалога, неофициальность отношений коммуникантов, неподготовленность (спонтанность) речевых актов, сплавленность речи с ситуацией общения.

Стилистическая специфика диалогического взаимодействия, стилистические средства его организации, которые заключаются в широком арсенале языковой экспрессивности, в интенсивном применения стилистических ресурсов языка на всех уровнях: фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом, также широко освещаются в работах отечественных исследователей [Галкина-Федорук 1958; Буренина 1991; Анипкина 2000; Есенина, Щербатых 2014 и др.].

В этой связи следует отметить и постановку вопроса о лингвоэкологических аспектах диалогической речи, осуществленную в работах Уральской стилистической школы: «В области диалогического общения возможны как проявления высоких образцов и норм национального общения, так и явления речекультурной деградации, языкового нигилизма и цинизма. <….> Непринужденные диалоги в их совокупности создают ту или иную атмосферу, тот

воздух общения, который характеризует нацию в целом» [Матвеева 2014: 123]. Это представляется особенно важным в целях нашего исследования, потому что речь идет о национальных культурных ценностях и приоритетах, транслируемых в моделях диалогического взаимодействия.

2.1.3. Лингвопоэтические методы анализа диалога

Подл лингвопоэтическими методами в нашей работе условно именуется целый спектр разнообразных школ и направлений, изучающих художественное воплощение диалога в разных родах литературы — главным образом, в прозе и в драме. Изучение особенностей диалогического взаимодействия в художественной речи активизировалось в отечественной науке в 40-е–50-е гг. XX в. в связи с пионерскими работами М.М. Бахтина [Бахтин 1979 и 1986б], Г.О. Винокура [Винокур 1959], В.В. Виноградова [1980], М.Б. Борисовой [Борисова М. 1956] и др. В.В. Виноградов указывал, что «речь художественных произведений складывается из разных типов монолога и диалога, из смешения многообразных форм устной и письменной речи» [Виноградов 1980: 40]. Эти традиции были развиты в современных исследованиях [Полищук, Сиротинина 1979; Долинин 1985; Лагутин 1991; Будагов 2000; Косогорова 2006; Изотова 2010; Голованева 2013; Садикова 2015; Хисамова 2015; Масленников 2017 и др.].

Художественный диалог существенно отличается от «естественного» разговорного диалога по всем значимым параметрам. Художественный диалог представляет собой взаимосвязанную систему функций, ядро которых составляют: эстетико-коммуникативная, сюжетообразующая, текстообразующая, характерологическая, оценочная функции [Хисамова 2009]. Это существенным образом отличает его от функций естественного диалога, которые в целом соответствуют стандартным функциям языка, выделенным еще Р.О. Якобсоном [Якобсон 1975].

Как пишет В.А. Садикова, «надо учитывать противоположную направленность дискурса в бытовом диалоге и диалоге художественном: если диалог бытовой есть следствие сложившейся ситуации и интенций говорящих, то диалог художественный эстетически самоценен и сам каузирует дискурс, является его причиной» [Садикова 2015: 20]. «В фиктивных диалогах персонажей совершаются речевые акты подобно реальному диалогу в жизни, в сущности же речевые акты персонажей есть средство выражения интенций автора» [Лагутин 1991: 89]. Художественный диалог обладает свойством *миметичности*, он как бы подражает реальному диалогу, но не тождествен последнему: «.....художественная литература всегда отражала и отражает подлинную разговорную речь не «один к одному», а сугубо условно. Диалоги действующих лиц в прозе и в драматургии не фотография, а творческий процесс, порой достаточно далекий от оригинала» [Долинин 1985: 230].

Это предопределяет сущностные коммуникативно-прагматические отличия художественного диалога от естественного, которые связаны с письменным характером художественного диалога, обусловливающим обдуманность художественного диалога, в отличие от спонтанности диалога естественного, и завершенность, в отличие от открытости. М.А. Голованева в диссертации о диалогах в драме указывает на следующие отличие драматического диалога от естественного: «Специфика драматургического диалога (в сравнении с наиболее близким к нему разговорным диалогом) обусловливается следующими свойствами: 1) монологизацией реплик персонажей; 2) моноцентричностью (принадлежностью только автору) замысла; 3) наличием общественно обусловленного когнитивного диссонанса между коммуникантами; 4) минимумом резких тематических переходов; 5) неспонтанным характером драматургического диалога» [Голованева 2013: 13].

Однако, по утверждению В.И. Лагутина, «в основе реального и художественного диалогов лежит единый опыт человеческого общения, накопленный в течение многих лет, имеющий определенные формы и закономерности в каждый период развития общества» [Лагутин 1991: 35]. Это обуслов-

ливает существенное сходство прагматических моделей художественного диалога и диалога естественного. Кроме того, из всех форм выражения «чужой» речи, используемых в художественных произведениях, именно диалог в наибольшей степени отражает особенности бытового разговорного языка. Художественный диалог передает живые интонации разговорной речи, включает большое количество разговорных, просторечных, диалектных и жаргонных выражений, широко использует разные виды эмоционально-экспрессивной лексики и средств «экспрессивного синтаксиса».

В целом отметим, что в художественном произведении диалог носит двойственный характер. С одной стороны, диалогическая речь предполагает обработанность ее автором, а, с другой стороны, — эта речь необходимо основана на живой разговорной речи.

Последние соображения важны и в целях предпринятого нами исследования, в котором примеры из художественного дискурса рассматриваются в одном ряду с примерами из реального речевого общения именно в силу указанной выше коммуникативной и языковой изоморфности самих моделей человеческой интеракции, ставших предметом анализа в данной работе.

2.1.4. Коммуникативно-прагматические методы анализа диалога

Диалог как многокомпонентное образование, помимо языковой составляющей, имеет еще один немаловажный аспект — акциональный. Диалог — это прежде всего действия людей, точнее, взаимодействия, осуществляемые посредством речи: «Нормальный ход диалога предполагает согласование иллокутивных намерений (коммуникативных целей) участников диалога, заключающееся в удовлетворении их взаимных претензий. Участники диалога вынуждены выполнять разнообразные речевые и неречевые действия, заставляющие партнера реагировать на них определенным образом» [Федотова

2006: 29]. Действенная сторона диалогического взаимодействия обусловила актуализацию **лингвопрагматических методов** его изучения.

Теоретической основой прагматического анализа диалога выступают труды основателей теории речевых актов — Дж.Л. Остина [Остин 1986: 22-130] и Дж.Р. Серля [Серль 1986б: 151–169]. Представление о том, что люди ни просто говорят слова и предложения, но совершают определенные действия с помощью слов, нашло свое выражение в понятии *речевого акта*, в основе которого лежит *иллокутивная сила высказывания* — коммуникативное намерение говорящего, ориентированное на распознавание адресатом посредством определенных языковых показателей, знания о предмете речи, специфики условий общения и пр. Как и обычное действие, речевой акт характеризуется интенциональностью, целенаправленностью и конвенциональностью (он регулируется определенными правилами, принятыми в той или иной культуре) [Серль 1986а: 170–195].

В работе «Linguistic communication and speech acts» демонстрируются самые разнообразные возможности приложения классической теории речевых актов к анализу речевого общения [Bach, Harnish 1979]. Акторечевой анализ диалога обосновывается и в работе В.З. Демьянкова «Тайны диалога». Диалог приравнивается упорядоченной смене речевых актов, представляющих спор, обсуждение, приобретение или передачу чего-либо, обмен посланиями, рассказ. Каждый иллокутивный акт создает возможность для конечного, обычно весьма ограниченного набора уместных иллокутивных актов в качестве реакции. Разговор, подобно игре, порождает и ограничивает спектр допустимых контр-шагов для каждого речевого акта. Диалогические намерения принадлежат сразу нескольким говорящим [Демьянков 1991: 18–19].

Кооперативная сторона речевой коммуникации в целом и диалогического взаимодействия в частности нашла свое отражение в **коммуникативном подходе** к речевому общению, заложенном в работах Г.П. Грайса, который сформулировал принцип кооперации и четыре знаменитых постулатов общения (*conversational maxima*) [Грайс 1985], и Дж. Лича, который указал на

значимость принципа вежливости, в соответствии с которым обозначил шесть постулатов правильного речевого общения [Leech 1983]. Как пишет Н.В. Федотова: «Обсуждая результат физического или речевого действия, имея в виду изменения в положении дел, следует исходить из того, что суть любого действия, речевого акта состоит в том, чтобы способствовать успеху взаимодействия между его участниками» [Федотова 2006: 29]. Для этого у участников межличностной коммуникации имеются соответствующие психологические механизмы и языковые средства [Вежбицка 1985: 251–275], которые характеризуются специфической, «диалогической модальностью» [Арутюнова 1992; Богданов 1994].

Опираясь на сформулированные Дж.Р. Серлем понятия условий успешности речевого акта (felicity conditions) [Серль 1986 а и 1986б], обнаруженные Г.П. Грайсом явления импликатур дискурса (conversational implicatures) [Грайс 1985], отечественные лингвисты показали, что условия успешности реально составляют особый компонент значения высказывания в речевом акте и, соответственно, в диалогическом взаимодействии [Падучева 1996; Красина 1999; Федотова 1996], а импликатуры дискурса, пресуппозиции, импликации и другие виды имплицитной информации играют существенную роль в правильной интерпретации высказывания в коммуникативной ситуации диалога, т.е. являются неотъемлемой частью совокупной семантической информации, которой обмениваются коммуниканты [Булыгина 1981; Падучева 1982 и 1996; Исенина 1983 и др.].

Так, в работе Е.В. Падучевой «Прагматические аспекты связности в диалоге» формулируется тип связности, специфичный именно для диалога — это *прагматическая связность*: «Прагматические связи — это такие, в которые существенным образом включается речевой акт, с его условиями успешности, его участниками, презумпциями этих участников, с естественными законами сочетаемости речевых актов друг с другом и т.п.» [Падучева 1982: 306]. На этом основании ученый выделяет 4 типа прагматической связности, важные для целей предпринятого нами исследования: 1) согласование реплик

по иллокутивной функции; 2) связь реплики с условиями успешности предшествующего речевого акта, минуя содержание высказывания; 3) направленность реплики на презумпцию предшествующего высказывания; 4) связь реплик, устанавливаемая на основе обращения к импликатурам дискурса [Падучева 1982: 313].

В целях нашего исследования представляется важным такой аспект взаимодействия между коммуникантами в диалоге, как понятие *иллокутивного вынуждения (вынужденности)*, которое обстоятельно рассматривается в работе А.Н. Баранова и Г.Е. Крейдлина [Баранов, Крейдлин 1992а]. Иллокутивное вынуждение формируется не только под влиянием иллокутивной функции речевых высказываний, но и находится под воздействием общих законов функционирования диалога, сформулированные в работах Дж. Лича, Г.П. Грайса, Дж. Р. Серля и др. [Leech 1983; Грайс 1985; Серль 1986а и 1986б; Падучева 1996; Булыгина, Шмелев 1997 и др.]. Соответственно, речевые акты коммуникантов и выражающие их реплики в контексте диалогической интеракции могут быть *иллокутивно независимыми* (назначение их определяется интенциями самого говорящего) и *иллокутивно зависимыми* (их назначение определяется иллокутивным назначением какой-либо предшествующей реплики) [Баранов, Крейдлин 1992а: 84–99]. Языковыми маркерами связности внутри минимальной диалогической единицы выступают пауза, скорость, темп и модуляция речи, интонация, а также специфические лексические показатели начала и конца минимальных диалогических единиц [Баранов, Крейдлин 1992б: 8–17].

В ряде работ осознание коренной общности прагматического и коммуникативного аспектов приводят к возможности рассмотрения диалога с позиции единого, **коммуникативно-прагматического подхода**: см., например, работы «Коммуникативно-прагматический аспект английской диалогической речи» [Комина 1984], «Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения» [Формановская 1998] и др., о едином коммуникативно-

прагматическом подходе говорится и в работах Т.Б. Радбиля [Радбиль 1999 и 2006] и т.д.

Важным аспектом коммуникативно-прагматических методов анализа диалога является проблема речевого воздействия в диалоге [Федорова 1991; Федорова и др. 2007]. Именно речевое воздействие оказывается более высоким уровнем в структуре общения, на нём формируются цели и стратегии взаимодействия [Федорова 1982; Федорова и др. 2007]. В целях нашего исследования важно, что на вышеуказанных основаниях можно различать два типа диалога: фатический, построенный на фатических речевых воздействиях, и информативный, содержащий сообщения.

Указанное выше речевое воздействие в диалоге не всегда может осуществляться говорящими в целях достижения кооперативного сотрудничества. Так, в работе М.Л. Макарова противопоставляются диалоги, развивающиеся в русле соблюдения норм кооперативности и диалоги-конфликты, где наблюдается борьба за коммуникативную инициативу, за право подчинить диалог своим целям [Макаров 2003]. Дальнейшие приложения коммуникативно-прагматического подхода к изучению диалога как раз и демонстрируют возможность исследовать разного рода нарушения правил диалогического взаимодействия. Так, в работах Т.Б. Радбиля в рамках коммуникативно-прагматических аномалий рассматриваются аномалии диалогического взаимодействия: имеется в виду коммуникация, нарушающая принцип Кооперации, «постулаты общения» Грайса, условия успешности речевого акта Серля и т.п. [Радбиль 2006 и 2017].

В этом плане интересны исследования, в которых рассматриваются разнообразные некооперативные или конфликтные виды диалогического взаимодействия — см., например, работы «“Извращенная” фатика» [Дементьев 1993], «Структура интенциональных конфликтных диалогов» [Ширяев 2000] или «Проблема некооперативного диалога» [Букин 2014]. В частности, исследуются коммуникативные неудачи [Ермакова, Земская 1993: 30–64], виды коммуникативно-речевой дисгармонии [Шалина 2000: 194–196], разно-

видности вербальной агрессии в диалоге [Шейгал 1999 и 2004; Щербинина 2018 и др.], манипулятивные стратегии в диалоге [Булыгина, Шмелев 1997; Иссерс 1999; Радбиль 2017 и др.].

В целом, как мы попытаемся показать далее, именно коммуникативно-прагматический подход к анализу диалога, особенно в части изучения речевого воздействия, фатического общения и некооперативных, конфликтных типов диалогической интеракции, является наиболее оптимальным для предпринятого исследования национально обусловленных моделей диалогической коммуникации.

2.1.5. Лингвокогнитивные методы анализа диалога и методы дискурс-анализа

Многомерная природа диалога как важнейшего аспекта человеческой деятельности вызвало к жизни такое направление в изучении диалогического взаимодействия, как анализ речемыслительных основ речевого общения, которое, с одной стороны, берет начало в когнитивных и психолингвистических стратегиях научного поиска XX в. [НЗЛ-23 1988; ЛЭС 1990; КСКТ 1996; Булыгина, Шмелев 1997; Леонтьев 1997; Матвеева 2010], а с другой — коренится в исследовательских моделях дискурс-анализа [Дейк 1989; Coulthard 1992; Sinclair 1992; Wardhaugh 1995; Макаров 2003; Кристева 2004; Beaugrande, Dressler 2004 и др.].

О взаимосвязи этих двух планов диалога говорил еще Т. ван Дейк, подчеркивая важность именно когнитивной деятельности человека, то есть его способности осуществлять ментальную деятельность и активировать ментальные репрезентации, для порождения и понимания дискурса [Дейк 1989]. Понимание взаимообусловленного единства двух аспектов человеческой коммуникации — когнитивного и дискурсивного — нашло свое выражение в формулировке Е.С. Кубряковой *когнитивно-дискурсивный анализ* [КСКТ 1996]. В соответствии с подобным, комплексным пониманием

«диалогическое взаимодействие в совокупности определяющих его экстралингвистических (ситуативных, коммуникативных и социолингвистических) признаков рассматривается как коммуникативное событие. Последнее является экстралингвистическим субстратом выделения разговорного диалога — особого типа речевой организации и базовой единицы коммуникации» [Борисова И. 2009: 12].

В отечественной лингвистической традиции основы изучения диалога в аспекте его речемыслительной основы закладывались в психолингвистической теории речевой деятельности [Горелов 1980; Исенина 1983; Кучинский 1983; Леонтьев 1997 и др.], а то, что сегодня именуется дискурсивным аспектом, изучалось в отечественной лингвистике текста [Тураева 1994; Воробьева 2003; Чернявская 2009 и др.]. В настоящее время, во многом отталкиваясь от исследовательской программы Т. ван Дейка [Дейк 1989], формируется отечественное направление в исследовании диалогического дискурса как социально-психологического и культурного феномена [Арутюнова 1996; Карасик 2000 и 2003; Красных 2002; Стернин 2003; Кудрявцев 2014 и др.], как лингвокогнитивного аспекта коммуникации — динамического процесса языковой концептуализации мира [Диалоговое взаимодействие 1985; Демьянков 1991; Булыгина, Шмелев 1997; Макаров 2003; Чернявская 2003; Сковородина 2004; Радбиль 2017 и др.].

В результате формируется понимание диалогического взаимодействия как особого типа дискурса — *диалогического дискурса* [Колокольцева 2001; Ружникова 2004; Сковородина 2004; Федотова 2006; Борисова И. 2009; Кудрявцев 2014; Матвеева 2014 и др.]. В этих методах исследования дискурс не является лишь изолированной текстовой или диалогической структурой, а представляет сложный коммуникативный процесс, который включает в себя социальный контекст, образуя сложное единство языковой формы, значения и действия [Дейк 1989: 113, 121-122].

.В работе Т.Н. Колокольцевой под *диалогическим дискурсом* понимается «результат совместной коммуникативной деятельности двух или более

индивидуумов, включающий помимо собственно речевого произведения определенный набор экстралингвистических признаков (конситуативные показатели, определенные пресуппозиции и т.п.)» [Колокольцева 2001: 36]. И.Н. Борисова определяет его как «эмпирически наблюдаемый и фиксируемый в тексте поток речевого поведения коммуникантов» [Борисова И. 2009: 10].

Как и все другие виды дискурса (например, монологический), диалогический дискурс разворачивается во времени и осуществляется по определенным коммуникативным, психологическим, поведенческим, логическим и языковым принципам и правилам, которые конвенционально разделяются всеми коммуникантами. При этом, разумеется, эти принципы и правила могут сознательно или бессознательно игнорироваться, нарушаться или изменяться участниками диалогического взаимодействия. Коммуниканты в процессах порождения диалогической дискурсивной деятельности и декодирования ее результатов используют необходимые коммуникативные стратегии как на мыслительном, так и на интеракциональном уровне для реализации определенных коммуникативных и социальных целей.

Опыт комплексного анализа разговорного диалога на когнитивно-дискурсивной основе представлен в книге И.Н. Борисовой «Русский разговорный диалог: Структура и динамика». Автор выделяет четыре аспекта разговорного диалога: коммуникативно-ситуативный, когнитивный, психолингвистический, собственно дискурсивный (речеповеденческий), которые конституируют его специфические свойства, противопоставляющие его другим типам дискурса, и совместно формируют его *интегративность* (единство и целостность), которая понимается «как коммуникативно ориентированное, структурированное представление замысла в тексте; как принципы эксплицитной структурной упорядоченности, применимые не только к продукту, но и к процессу его формирования в коммуникации» [Борисова И. 2009: 9]. Интегративность проявляется в четырех аспектах диалога: коммуникативно-ситуативном, когнитивном (ориентировочном), психолингвистическом (ре-

чедеятельностном), и дискурсивном (речеповеденческом). В соответствии с этими четырьмя уровнями и осуществляется анализ разговорного диалога.

На первом этапе исследования проводится анализ коммуникативно-ситуативных факторов порождения и функционирования разговорного диалога. Разговорное диалогическое взаимодействие понимается как особый тип коммуникативного события — дискретная макроединица членения коммуникативного потока в условиях обиходно-бытового общения, одной из основных репрезентаций которой является коммуникативная ситуация.

На втором этапе исследования на базе обобщения стандартных структурных компонентов коммуникативной ситуации моделируется типовая пресуппозиция — константная на протяжении коммуникативного события когнитивная структура, которая является ориентировочной основой речевого поведения коммуникантов в заданных условиях деятельности.

Задача третьего этапа исследования — продемонстрировать влияние структуры речевой деятельности (в условиях спонтанности взаимодействия) на интегрирование продукта коммуникации, для чего рассматриваются особенности замысла и специфика его речевой реализации в разговорном диалоге в контексте проявления категории спонтанности.

На четвертом этапе исследования рассматриваются механизмы структурирования дискурса разговорного диалога в процессуально-динамической перспективе. За единицу описания принимается *речевой поступок* — адресованное, мотивированное, интенциональное, контекстуально и социально обусловленное коммуникативное действие, осуществляемое языковыми средствами. В качестве одного из интегрирующих факторов описывается категория коммуникативной координации речевого поведения участников диалогического взаимодействия, реализующаяся в ряде типовых разновидностей, и механизмы диалогического развертывания. [Борисова И. 2009: 10].

С учетом вышеизложенного мы можем постулировать, что оптимальным для предпринятого нами комплексного исследования национально обусловленных форм диалогического взаимодействия является включение в

процедуру анализа, помимо коммуникативно-прагматических методов, методы лингвокогнитивного анализа и дискурс-анализа диалога, что как раз и будет способствовать выявлению неких имплицитных «правил национального речевого поведения» [Матеева 2014: 123], конвенций, установок, наконец, привычек обсуждать те или иные темы, осуществлять речевое воздействие на собеседника или самовыражаться в речи определенным, культурно-обусловленным способом.

2.2. Методы комплексного анализа национальной и культурной обусловленности диалогического взаимодействия в современной лингвистике

2.2.1. Проблема построения комплексной методики анализа диалога

Кроме рассмотренных выше методов теоретико-аналитического изучения диалога, диалог как многофункциональный комплекс активно изучается и в рамках прикладных методов, которые демонстрируют возможность своего приложения к самым разным областям бытования диалогического взаимодействия.

Это лингводидактические методы анализа диалога в рамках обучения иностранному языку и русскому языку как иностранному [Михайлов 1986; Ланцева 2013; Кувшинова 2014; Серова, Фролова 2014 и др.]. Это корпусные методы анализа диалога, основанные на формировании корпусов устной диалогической речи [Гришина 2011], разработке разметки и систем запросов [Казаковская, Хохлова 2015]. Это методы интент-анализа, осуществляющие реконструкцию интенций говорящих на основе контент-аналитической процедуры исследования больших массивов записей диалогической публичной речи политиков [Павлова, Гребенщикова 2017]. Это разного рода экспери-

ментальные методы фонационного, просодического и интонационного анализа устной диалогической речи [Кривнова 2007]. В последнее время активно развивается методика анализа фонограмм устной диалогической речи в производстве судебной лингвистической экспертизы: исследуются записи переговоров, в том числе телефонных [Радбиль 2014; Радбиль, Юматов 2014], записи текстов допроса [Шишкина 2011] и пр.

Проблема комплексности методики изучения диалога органично вытекает из комплексности устройства самого объекта. В.З. Демьянков, со ссылкой на Т. ванн Дейка и др., выделяет следующие уровни диалога, подлежащие анализу:

«- фонетические и фонологические отношения между предложениями, репликами и ходами в вербальном взаимодействии (интонация, ударение, тон), а также паравербальные действия;

- морфологические и лексические свойства в упорядоченной смене реплик (специальные слова, «открывающие», «завершающие» реплику, передающие инициативу собеседнику, «прагматические частицы» и другие связывающие элементы);

- синтаксические свойства и отношения (неполные предложения, столь характерные для устной речи; дополнения со стороны собеседника, фразовые границы реплики, повторы, синтаксические способы выражения для придания реплике связанности, например, анафорические местоимения);

- семантические отношения, как интенсиональные, так и экстенсиональные: локальная или глобальная несамопротиворечивость (отношения условия и следствия, установление топиков в разговоре и смена этих топиков);

- прагматические свойства диалога, взятого как последовательность речевых актов: локальная и глобальная прагматическая связность (уместность речевого акта, глобальная прагматическая нацеленность его); структуры схем (сценариев) диалога;

- поддержание взаимодействия по ходу диалога, взятого как последовательность «ходов» или реплик (занятие инициативы и смена реплик; стратегии диалога и средства их риторического и стилистического воплощения);

- социокультурные свойства последовательности действий в диалоге» [Демьянков 1991: 28].

Предполагается, что поставленные в нашем исследовании цели и задачи описания национально обусловленных моделей диалогической коммуникации требуют методики анализа, учитывая указанную выше многофакторность и многоуровневость диалогического взаимодействия. Иными словами, весь комплекс семантических, структурных, собственно языковых, коммуникативно-прагматических и когнитивно-дискурсивных свойств диалога должен в перспективе получить лингвокультурологическую интерпретацию.

2.2.2. Диалогическое взаимодействие в свете лингвокультурологической интерпретации

Возможности понимания диалогического взаимодействия в рамках национально-культурной обусловленности в современном диалоговедении становятся предметом внимания исследователей примерно с конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. в рамках становления антропоцентрической парадигмы в гуманитарном знании.

Однако сама постановка вопроса возникает несколько ранее, в рамках практически ориентированных лингводидактических исследований диалогического взаимодействия в преподавании иностранных языков и в обучении русскому языку как иностранному. Важно было понять, каковы значимые отличие моделей коммуникации на родном и на изучаемом языке на уровне фонетических, лексических, грамматических и прагматических особенностей, как влияет возможная «интерференция» этих моделей на разных уровнях языка в языковом сознании обучаемого на практические задачи обучения языку [Кувшинова 2014 и др.].

Впоследствии эти изыскания получают свое теоретическое и методологическое обоснование в рамках **сопоставительных полилингвальных методов** изучения диалога. Сопоставляется как семантика и структура диалогической речи в целом — см., например, работу «Диалогическая немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской» [Девкин 1981], — так и отдельные стороны диалогического взаимодействия, например, средства выражения побудительности [Депутатова 2004], вопросительности [Ремизова 2001], контактоустанавливающие средства [Халитова 2010] и пр. Причем исследования проводятся как на материале двух языков — Русский и немецкий [Девкин 1981], русский и английский [Депутатова 2004], так и на материале трех и более языков — русский, английский, немецкий [Ремизова 2001], русский, английский и татарский [Халитова 2010] и др.

На начальной стадии эти исследования касались в основном сопоставления формально-структурных и собственно речевых средств диалогического взаимодействия. Однако впоследствии, в рамках модели структурных сопоставлений, появляются и работы, посвященные контрастивному исследованию и лингвокультурных особенностей диалогической речи — ср., например, работу Е.В. Шишкиной «Коммуникативные стратегии как средство установления истины участниками диалогического единства «допрос» в русской и немецкой лингвокультурах» [Шишкина 2011: 169–173].

Методологическими основами лингвокультурологического изучения диалога становятся идеи теории кросс-культурной коммуникации, заложенные в работах Э. Холла и др. [Hall 1983; Hurn, & Tomalin 2013 etc.]. В учебном пособии В.В. Красных «Этнопсихология и лингвокультурология» [Красных 2002] указывается, что этнопсихологи различают **высококонтекстные** и **низкоконтекстные** культуры. Имеется в виду, на что обращается большее внимание — на содержание сообщения, т.е. *что* говорится, или на «контекст» общения, т. е. *как* говорится, *с кем* и *в какой ситуации* происходит общение. По этому признаку (в том числе) противопоставляются, например, культуры «индивидуалистические западные» и «коллективистские», к числу

которых относятся многие восточные культуры. Например, в низкоконтекстных культурах акцент делается на содержание общения, на информативность речевого взаимодействия. Для ситуативно обусловленных и контекстно ориентированных культур, напротив, характерна значительная неконкретность и неопределенность дискурса, желание избегать категоричности в речи. Думается, что указанные различия не могут не влиять на характер протекания диалогического взаимодействия в разных лингвокультурах.

Вот пример типично «высококонтекстной» реакции на содержательный вопрос, присущий русской диалогической лингвокультуре. Давно отмечено, что русской оценочной реакцией на ситуацию, в том числе и на вопрос, выступает идиоматичное употребление слова *ничего* в значении ʻни хорошо, ни плохоʼ:

— *Хорошо учишься? //* — ***Ничего*** (НКРЯ — И. Грекова. В вагоне (1983));

— *Ну как? — спрашивает Мила. //* — ***Ничего****!* (НКРЯ — Григорий Горин. Чем открывается пиво? (1960-1985));

— *Ну как? //* — ***Да ничего.*** *// Юноша разочарованно приподнял брови…* (НКРЯ — Сергей Довлатов. Чемодан (1986)).

В работах А. Вежбицкой разрабатывается идея «культурных скриптов», т.е. культурно обусловленных сценариев, которые представляют собой одно или несколько предложений, сформулированных на разработанном ею метаязыке «семантических примитивов» и показывающих, как в разных культурах существуют разные установки по поводу того, как выражать свои мысли и чувства и как на этой основе говорить с собеседником [Вежбицкая 1997 и 2001]. В свою очередь, в работах Т.Б. Радбиля обосновывается наличие особых национально обусловленных речеповеденческих моделей как репрезентантов особого, коммуникативно-прагматического, уровня национального менталитета, в число которых входят в качестве основного компонента и модели диалогической коммуникации [Радбиль 2011 и 2017].

Таким образом, в современном диалоговедении возникает лингвокультурологическое направление в анализе диалогов, в основе которого лежит положение, сформулированное в афористической форме Т.В. Матвеевой: «Непринужденные диалоги в их совокупности создают ту или иную атмосферу, тот воздух общения, который характеризует нацию в целом» [Матвеева 2014: 123]. О неповторимой эмоциональной тональности русского дискурса, об особой ауре высказываний на русском языке говорит и А. Вежбицкая [Вежбицкая 1997]. Проблематика исследований в этом направлении тесно связано с вопросами культуры речи как «взаимодействия внутринациональных культур» [Гольдин, Сиротинина 1993: 9-19], с проблемами «ведения диалога как сферы лингвоэкологии» [Матвеева 2014: 121-131]. На этой основе можно поставить вопрос о национальном своеобразии совокупного речевого общения в целом, как это делается в работе Н.Д. Арутюновой «Национальное сознание, язык, стиль» [Арутюнова 1995: 32-33], и отдельных видов общения [Зализняк и др. 2005; Радбиль 2017].

Дискурс в целом и диалогический дискурс в частности, будучи отражением представлений о мире, ценностных приоритетов и речеповеденческих установок носителей языка, не может не быть национально и культурно обусловленным [Булыгина, Шмелев 1997; Карасик 2000 и 2003; Красных 2002; Зализняк и др. 2005 и др.]. Примечательна в этой связи и сама постановка вопроса о «коммуникативных ценностях русской культуры» [Дементьев 2013], которые являются неотъемлемой частью дискурсивных практик этноса и которые, в силу этого, проявляются на всех уровнях и планах диалогического взаимодействия (выражение позиции говорящего, адресованность, импликатуры дискурса, пресуппозиции и инференции как способы выражения невербальной стороны коммуникативной ситуации и пр.).

Особое внимание не к содержательной, а к межличностной стороне речевой коммуникации, согласно А. Вежбицкой, вообще является яркой национально-специфичной чертой именно русских моделей речевого взаимодействия. Это может свидетельствовать об ориентации «совокупного мира дискур-

са» русских людей на высококонтекстный тип культуры [Красных 2000] и проявляется, с одной стороны, в ориентации участников диалога на поддержание «эмоционального градуса» общения, а с другой — в их тяготении к категорическим моральным суждениям и, как следствие, к постоянному «выяснению отношений» [Вежбицкая 1997].

Как мы покажем далее, модель диалогического взаимодействия «выяснение отношений» обладает большим потенциалом в плане национальной обусловленности: — *Это, по-твоему, обувь? А может, по-твоему, это не заплата? А здесь, по-твоему, не зашито? //* ***— Да ты посмотри, в каких я хожу!*** (НКРЯ — А.С.Макаренко. Книга для родителей (1937)).

Контуры исследовательской программы комплексного описания национально обусловленных моделей диалогического взаимодействия в русской речи намечены в работе Т.Б. Радбиля «Импликатуры дискурса в национально обусловленных моделях фатической коммуникации в русской разговорной речи» [Радбиль 2017: 118–124].

Исследователь рассматривает явления типизированных инициальных и ответных реплик в минимальном (двучленном) диалогическом единстве через призму отношений иллокутивного вынуждения, которые, в концепции исследователя, сами по себе имеют национально обусловленный характер: «В интересующих нас моделях диалогических единств «иллокутивная вынужденность» имеет чисто формальный характер: на вопрос следует формальный ответ, на предложение — формальное согласие или отказ, на выражение какой-то мысли — формальное подтверждение» [Радбиль 2017: 118].

Примером подобных единств могут быть псевдо-тавтологические вопросно-ответные единства типа: — *Ты откуда, Миша? //* ***— Да все оттуда...*** (СНА); — *Почему ты вчера не пришел? //* ***Потому***... (СНА[1]) — Под псевдо-тавтологическими диалогическими единствами понимаются единства, в которых ответная реплика на внешнем, языковом уровне либо повторяет (пол-

[1]Аббревиатура СНА при паспртизации языкового примера здесь и далее означает, что пример взят из картотеки собственных наблюдений автора за русской живой разговорной речью.

ностью или частично) какой-либо словесный фрагмент предыдущей реплики, либо отражает какой-либо иной вид языковой избыточности, но при этом на уровне импликатур дискурса выводится нетривиальная информация (о подобных тавтологиях см. работы [Вежбицкая 1997; Булыгина, Шмелев 1997]). См., например, диалог: — *Почему ты не спишь? // — Не спится…*, — который внешне тавтологичен, но в ответе, в его имплицитном компоненте, содержится нетривиальная информация о причинах состояния адресата.

Вынужденность реплик в подобных единствах определяется не содержанием и не условиями коммуникации, а культурными конвенциями фатического взаимодействия — в смысле «именно так принято отвечать на поставленные подобным образом вопросы в данной лингвокультуре»: по мысли Т.Б. Радбиля, «…ответная реплика в таких случаях порождается специфической, порою негативной реакцией адресата не на пропозициональное содержание реплики инициатора, а на его личность, на свое или его психологическое состояние, настроение» [Радбиль 2017: 118-119]: — *Я просто заранее все знаю. //* **—** *А* ***что ты знаешь****? //* *— Не надо придираться // — А я и не придираюсь* (НКРЯ — Марина Ахмедова. Место подвига // «Русский репортер», 2012).

Комплексность предпринятого исследования выражается в том, что анализируются коммуникативные, иллокутивные, прагмасемантические и структурные особенности импликатур дискурса в их единстве. Вот пример типизированной ответной реакции на инициальную реплику с иллокутивной силой сообщения: — *А я вчера наконец в отпуск ушел! //* **— *Хорошо тебе...***. Подобное единство обладает рядом примечательных коммуникативных, функциональных, семантических и структурных свойств:

(1) с коммуникативной точки зрения, это всегда неформальная реакция особого типа на речь говорящего или ситуацию, созданную говорящим, в ситуации неформального общения, при которой речь говорящего или ситуация, созданная говорящим, должны как-то задевать отвечающего, во всяком случае — как-то затрагивать его интенциональную сферу, осозна-

ваться, что называется, как «личностно близкие» для него: ***— Ты так думаешь или знаешь точно**? // —* *Так думаю. По слухам, он взял у кого-то крутую сумму, хотел вложиться в одно дело, но или у него потребовали деньги обратно, или вложился и прогорел — не знаю* (НКРЯ —Эдуард Володарский. Дневник самоубийцы (1997));

(2) с точки зрения иллокутивной функции — это всегда экспрессивно-оценочная реакция сложной природы, которая выражает не столько оценку адресатом конкретной речи или ситуации в сфере говорящего, сколько позицию самого адресата, его настроение (нежелание развивать тему, предложенную говорящим, уход от ее обсуждения и пр.): ***— Кто тебе сказал**, что ты страшная? Глупости какие! // — Нет, правда, у меня все лицо в прыщах, и спина тоже* (НКРЯ — Александра Маринина. Иллюзия греха (1996));

(3) с точки зрения прагмасемантической — это типичная импликатура дискурса, которая, в зависимости от ситуации, может иметь целый спектр нерасчлененных выводных смыслов эмоционально-личностного характера — от сожаления или даже разочарования до легкой зависти с оттенком упрека: ***— И тебе не стыдно**?! // —* *Почему же мне должно быть стыдно? — удивился Ёжик* (НКРЯ — Сергей Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969-1981));

(4) с точки зрения структурной — всегда характеризуется особой просодией, особым интонационным контуром с эмфатическим выделением сегмента *хорошо* (с повышением интонации), а также обязательным ограничением на заполнение актантной валентности — невозможностью иметь в качестве актанта дейктический показатель I лица (возможно: *Хорошо тебе / вам / ему / ей / им / Мише* и пр., но невозможно — **Хорошо мне / нам*): ***— Что ты хочешь получить взамен**? // — Я скажу, чего я не хочу получить, великий хан* (НКРЯ — Борис Васильев. Ольга, королева русов (2002)).

Аналогичным методом анализируются специфические реакции адресата — псевдо-тавтологическая вербализация иллокутивной силы инициирую-

щей реплики (— *Спрашиваешь…*) или метаязыковой модальной рамки ‘Я говорю тебе, что…’.(— *Скажешь тоже…*) и пр. В целях нашего исследования важно, что предлагаемая Т.Б. Радбилем исследовательская модель включает анализ примеров, представляющих три класса фатического диалогического взаимодействия — это фатическая кооперативная коммуникация и фатическая некооперативная коммуникация с двумя ее разновидностями (конфликтная и манипулятивная) [Радбиль 2017: 123]. Модели коммуникации на уровне каждого из трех классов демонстрируют рефлексы возможной национальной и культурной обусловленности на разных уровнях диалога.

Дальнейшее развитие и обогащение предложенной выше исследовательской модели позволяет нам обосновать концепцию предпринятого исследования национально обусловленных форм фатического кооперативного и некооперативного (конфликтного и манипулятивного) диалогического взаимодействия в речевой практике носителей русского языка.

2.2.3. Обоснование концепции исследования

В методологических целях в настоящей работе разводятся понятия *национальная специфика (специфичность)* и *национальная обусловленность*. Различение этих понятий осуществляется в духе положений, развиваемых в коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [Зализняк и др. 2005].

Национальная специфика того или иного явления языка и речи состоит в его уникальности на когнитивном, коммуникативном или вербальном уровне, в так называемой «безэквивалентности», т.е. в отсутствии прямых соответствий в других лингвокультурах, что выявляется в обязательных межъязыковых сопоставлениях фактов разных языков.

Национальная обусловленность того или иного явления языка и речи, в свою очередь, заключается в том, что оно может быть выведено из каких-

либо идей или принципов национальной языковой концептуализации мира, системы этнических идеалов и ценностей, речеповеденческих стереотипов и установок или каким-то иным образом соотнесено с ними, независимо от того, имеет ли данное явление соответствие в других языках и культурах или не имеет. В этом случае, наряду с межъязыковым сопоставлением, используется внутриязыковое сопоставление диахронического типа (состояний системы в разные хронологические периоды) или синхронического типа (разных уровней языка и его речевой реализации, разных стилей и дискурсивных практик и пр.), а также другой тип методов (когнитивный анализ, дискурсивный анализ, функциональный анализ и пр.).

Например, сама модель ответного «передразнивания», видимо, существует в различных типах речевого взаимодействия во многих языках но ее иллокутивная доминанта может быть национально обусловленной в плане реализации типично русских способов межличностного общения: — *Как вы себя чувствуете, Юрий Иванович? //* — ***Ну как вы думаете, как я могу себя чувствовать?*** (НКРЯ — Даниил Гранин. Зубр (1987)). — Здесь можно видеть установку на эмпатию и связанный с этим упрек к спрашивающему — он не понимает чувств отвечающего, хотя должен это делать, исходя из презумпции наличия «хороших чувств по отношению друг к другу» [Вежбицкая 1997; Зализняк и др. 2005].

В целом в случае национальной обусловленности уникальным может быть не столько само явление (например, представление о судьбе в русской ментальности), сколько «конфигурация смыслов» [Зализняк и др. 2005] и культурно-фоновых ассоциаций, стоящих за данным явлением и выражающихся на разных участках языковой системы. Поэтому для того чтобы обосновать концепцию исследования национально обусловленных моделей диалога, надо сначала эмпирическим путем задать тот круг идей и представлений, которые мы, предположительно, будем искать в моделях диалогического взаимодействия, присущих русской речи.

В работах А. Вежбицкой очерчен примерный круг представлений, которые формируют «семантический универсум» русского языка: иррациональность, неагентивность, тяготение к представлению активного действия субъекта как его пассивного состояния, неконтролируемость субъектом собственного действия как отказ от субъектной ответственности за событие, «моральная страстность», «практический идеализм» и пр. [Вежбицкая 1997: 33-37 и далее]. Более детально концепция ключевых идей русской языковой картины мира представлена в коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [Зализняк и др. 2005].

Авторы выделяют восемь «ключевых идей», в числе которых следующие: (1) Идея непредсказуемости мира *(а вдруг, на всякий случай, если что, авось; собираюсь, постараюсь; угораздило; добираться; счастье);* (2) Представление, что главное — это собраться (чтобы что-то сделать, необходимо мобилизовать свои внутренние ресурсы, а это трудно) *(собираться, заодно);* (3) Представление о том, что для того чтобы человеку было хорошо внутри, ему необходимо большое пространство снаружи; однако если это пространство необжитое, то это тоже создает внутренний дискомфорт *(удаль, воля, раздолье, размах, ширь, широта души, маяться, неприкаянный, добираться)*; (4) Внимание к нюансам человеческих отношений *(общение, отношения, попрек, обида, родной, разлука, соскучиться)*; (5) Идея справедливости *(справедливость, правда, обида)*; (6) Оппозиция «высокое — низкое» *(быт — бытие, истина — правда, долг — обязанность, добро — благо, радость — удовольствие; счастье)*; (7) Идея, что хорошо, когда другие люди знают, что человек чувствует *(искренний, хохотать, душа нараспашку)*; (8) Идея, что плохо, когда человек действует из соображений практической выгоды *(расчетливый, мелочный, удаль, размах)* [Зализняк и др. 2005: 11].

В работах [Новые тенденции 2014; Радбиль 2017; Радбиль, Рацибурская 2017 и др.] указанные положения были обобщены в ряд лингвокультурологических параметров, по которым предлагается судить о национальной

обусловленности того или иного явления в русском языке и речи. Назовем некоторые из них, наиболее репрезентативные в плане нашего исследования:

- установка на эмпатию [Вежбицкая 1997], на личностную вовлеченность в характеризуемую ситуацию в целом или по отношению к отдельным ее аспектам (участникам, теме, контексту и пр.): — *Ты мне не веришь? //* **— *Как тебе не верить?*** (НКРЯ — Елена Белкина. От любви до ненависти (2002)). — Здесь под видом ответного вопроса содержится усиление утверждения доверия собеседнику;

- чрезмерная гиперболизация в языковой концептуализации ситуации [Радбиль, Рацибурская 2017]: — *Ты ведь им с тех пор не звонила, да? //* — ***Не звонила и не собираюсь.*** *И про Гарика ты не все знаешь* (НКРЯ — Екатерина Завершнева. Высотка (2012));

- гипертрофия общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий («моральная страстность», по А. Вежбицкой [Вежбицкая 1997]): **—** *А это правда, будто Федул оживляет чучела? //* **— *Кто тебе сказал эту чушь?*** (НКРЯ — Виорель Ломов. Музей // «Октябрь», 2002);

- острая реакция на ложные, с точки зрения носителя языка, ценности или претензии (на «пошлость» [Зализняк и др. 2005]): **—** *Почему ты появляешься лишь когда мне плохо?.. //* **—** *Когда тебе* ***хорошо****, с тобой скучно. Ты такой глупый… — она хихикнула* (НКРЯ —Вячеслав Рыбаков. Сказка об убежище (1990));

- соотнесенность самых простых вещей, свойств, процессов или явлений с духовным идеалом [Социокультурные и прагматические аспекты 2018]: — *Почему ты молчишь? //* **—** *Мне* ***нечего ответить****. Если ты до сих пор не поверила в мое чувство, к чему слова?* (НКРЯ — А. Н. Вербицкая. Ключи счастья (1909));

- ироническое «остранение» карнавального типа и пр. [Радбиль, Рацибурская 2017; Социокультурные и прагматические аспекты 2018]: **—** *Что*

тебе надо? — спросила Агриппина. // — А ***что тебе надо****?* (НКРЯ — Иржи Грошек. Легкий завтрак в тени некрополя (1998));

- неконтролируемость и неагентивность [Вежбицкая 1997] — *Муха летает, — говорит Рустам официанту. // —* ***А что я могу сделать****?* (НКРЯ – – Букур В. И, Горланова Н. В.. Белый кофе // «Волга», 2013):

- иррациональность и ощущение неподвластности человеку хода событий [Вежбицкая 1997; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]: — *Юрий Васильевич, есть ли у союза связи с военными структурами? //* — ***Что можно ответить*** *на этот вопрос? И да, и нет* (НКРЯ — А. Беликов. Союз жив — Союз будет жить // «Военный вестник Юга России» (Ростов-на-Дону), 2003.10.03), — и др.

Эти и некоторые другие черты предполагается обнаружить и в моделях диалогического взаимодействия в речевой практике носителей современного русского языка.

Также важно различать информативную и фатическую коммуникацию в духе работ [Винокур Т. 1993б; Клюев 1996; Федорова и др. 2007 и др.]. Применительно к нашему материалу, стандартный диалог типа: — *Откуда ты идешь? //* — ***Из библиотеки*** (СНА), — трактуется как информативный, а диалог типа: — *Откуда ты идешь? //* — ***Да оттуда!*** (СНА), — с соответствующей просодией, рассматривается как фатический, потенциально некооперативный (конфликтный). В нашей работе рассматриваются только модели фатической коммуникации, как кооперативного, так и некооперативного типов: последний включает такие разновидности, как модели конфликтной и модели манипулятивной коммуникации.

Еще одна важная для целей предпринятого исследования классификация — это деление фатических диалогов по функции на *регулятивный* и *организационный (метакоммуникативный)* типы речевых взаимодействий [Иванова 1999; Викторова 2014 и др.]. Под регулятивным типом понимается иллокутивно вынужденная или невынужденная реакция на иллокутивную функцию инициальной реплики (предоставление / непредоставление запра-

шиваемой информации, уточнение, переспрос, выражение отношения, выполнение просьбы, согласие / несогласие, разные типы оценочных реакций и пр.: — *А я вчера наконец в отпуск ушел!* // **— *Хорошо тебе*** (СНА). Под метакоммуникативным типом понимается реакция «выхода на метауровень», т.е. псевдо-тавтологическая вербализация в ответе иллокутивной силы инициальной реплики или самого факта говорения: — *Ты идешь завтра с нами?* // — ***Спрашиваешь***… (СНА).

В соответствии с приведенными выше теоретическими и методологическими соображениями мы можем обосновать принятую в работе концепцию исследования.

На предварительном этапе исследования осуществляется сбор материала. На основе Национального корпуса русского языка (НКРЯ), включая основной, мультимедийный и устный подкорпусы, формируем собственный подкорпус минимальных двучленных диалогических единств, который дополняется данными интернет-мониторинга автора (ИМ) и его собственными наблюдениями за живой разговорной речью (СНА).

На начальном этапе исследования осуществляется многоуровневая иерархическая классификация собранного материала. Сначала материал последовательно членится и характеризуется по структурно-семантическим и функциональным разновидностям. Затем каждому из типов приписывается соответствующая дискурс-аналитическая квалификация по характеру коммуникации — кооперативная или некооперативная (последняя, в свою очередь, подразделяется на конфликтную и манипулятивную).

На завершающем этапе дается лингвокультурологическая интерпретация национально обусловленных моделей коммуникативной ситуации в целом, включая ее психолингвистические и когнитивно-дискурсивные характеристики, в плане их соотнесения с обозначенными в нашем исследовании ранее «ключевыми идеями русской языковой картины мира».

Выводы по содержанию главы II

В главе охарактеризованы существующие в современном диалоговедении методы изучения диалогического взаимодействия, в число которых входят структурно-семантические, функциональные, риторические, стилистические, лингвопрагматические, лингвопоэтические, коммуникативные и когнитивно-дискурсивные методы. Также освещены прикладные методы анализа диалога, такие как лингводидактические, корпусные, интент-аналитические, экспериментальные и лингвоэкспертные.

На основе изучения существующих методов рассмотрена проблема построения методики комплексного описания диалогического взаимодействия. Показано, что изучение национально обусловленных моделей диалогической коммуникации предполагает лингвокультурологическую интерпретацию всего комплекса семантических, структурных, собственно языковых, коммуникативно-прагматических и когнитивно-дискурсивных свойств диалога.

Для достижения поставленной цели обосновано разграничение понятий *национальная специфика* и *национальная обусловленность*, разграничены функциональные типы диалогических единств — регулятивные и метакоммуникативные, модели информативной и фатической коммуникации, в составе последней разведены ее кооперативные и некооперативные типы (конфликтные и манипулятивные подтипы).

В соответствии с рассмотренными в главе теоретическими и методологическими положениями была обоснована концепция исследования, которая включает в себя этапы предварительного сбора и классификации материала, этап комплексного описания регулятивных и метакоммуникативных диалогических единств, этап обобщающей лингвокультурологической интерпретации национально обусловленных моделей коммуникативной ситуации в плане их соотнесения с «ключевыми идеями русской языковой картины мира».

Глава III. ТИПЫ И ФУНКЦИИ НАЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫХ ФОРМ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РУССКОЙ РЕЧИ

В главе последовательно рассматриваются структурно-семантические и функциональные разновидности национально обусловленных моделей вопросно-ответных единств (соответственно, разделы 3.1 и 3.2), дается дискурс-аналитическая характеристика материала в соответствии с типами фатической коммуникации (кооперативной, некооперативной конфликтной и манипулятивной) (раздел 3.3). В каждом разделе осуществляется лингвокультурологическая интерпретация выявленных моделей диалогической коммуникации.

3.1. Структурно-семантическая типология национально обусловленных моделей вопросно-ответных единств в речевом взаимодействии

В разделе представлены результаты анализа видов инициальных и реактивных реплик, а также целостной структуры диалогического взаимодействия с точки зрения функциональной согласованности ролей участников коммуникации и прагматической связности реплик диалога.

3.1.1. Разновидности инициальных реплик

В соответствии с рассмотренными в подразделе 1.3.2 главы I видами инициирующих вопросительных реплик в нашем материале мы выявили следующие классификационные разновидности реплик в фатическом диалоге в

соответствии с классификацией вопросов на диктумные (диктальные), обращенные к запросу сведений об объективной реальности, и модусные (модальные), обращенные к запросу сведений о внутреннем состоянии адресата [Казаковская, Хохлова 2015].

Диктумные (диктальные) вопросы обращены к запросу сведений об объективной реальности. В обследованном материале представлены следующие их разновидности (напомним, что мы рассматриваем только модели фатической диалогической коммуникации).

Вопросительные реплики **ситуативные**, обращенные к запрашиваемой информации о ситуации в целом:

— *Нормально.* ***А как твой Шекспир?*** *// —* *Ой, сегодня было так прикольно! Костельцева такое отмочила!* (НКРЯ — Дина Сабитова. Где нет зимы (2011)).

— Ну, как твой новый дом? Родня как? *// —* *Родня от старого бродня!* (НКРЯ — Виктор Астафьев. Последний поклон (1968-1991)).

Нетрудно видеть, что часто такие вопросы вводятся посредством частицы в функции апелляции к точке зрения собеседника.

Вопросительные реплики **предикатно-актантные**, включающие в себя следующие разновидности по характеру того или иного фрагмента ситуации:

- целевые:

— И зачем тебе это было надо? *// —* *Как зачем? Я же должна знать, что за девка?* (НКРЯ — Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011));

Мне вообще неприятно здесь работать, понимаешь? ***И зачем тебе меня такую видеть?*** *// —* *А какую я тебя еще могу увидеть?* (НКРЯ — Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003-2005));

- причинные:

— А почему ты мне не писал? *// —* *О чём? — не понял Саша. — Я написал, когда Максим родился* (НКРЯ — Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002);

— А почему ты *от нас прячешься? // — А я не прячусь вовсе. Я просто невидимка…* (НКРЯ — Марк Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы (1971));

- локативные:

Через минуту он снова спросил: ***— Ну и где же они?*** *// — Да откуда я знаю?! — раздраженно крикнула Мира* (НКРЯ — Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011);

— И куда ты ее дел? // *— Куда денешь? В погреб обратно спустил…* (НКРЯ — Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013);

- темпоральные:

— Это неприятно. ***И когда ты об этом вспомнил?*** *// — К сожалению, только тогда, когда принес жене зайца* (НКРЯ — Коллекция анекдотов: охотники и рыболовы (1970-2000));

— И когда ты перестала надеяться? // *— Ну что вы, Федя, я и сейчас надеюсь* (НКРЯ — Эдвард Радзинский. Старая актриса на роль жены Достоевского (1981));

- посессивные:

— Это чей такой? *Либо землячок? // — Угадал* (НКРЯ — Борис Екимов. Фетисыч // «Новый Мир», 1996);

— А это чье*? // — Антонелло да Мессина такой. Моя любимая картина* (НКРЯ — Владимир Дудинцев. Белые одежды / Первая часть (1987));

- квалитативные:

— И сколько тебе лет? *// — О, профессиональный вопрос сочинительницы любовных историй… Отвечаю по порядку* (НКРЯ — Татьяна Тронина. Русалка для интимных встреч (2004));

— И сколько тебе не хватает денег? — *горячо спросила она. // — Что об этом толковать?!* (НКРЯ — П. Д. Боборыкин. Василий Теркин (1892)).

Фатическая составляющая в приведенных выше примерах заключается в том, что на вопрос, запрашивающий информацию об объективном мире, собеседник часто включает в свой ответ (частично или полностью) информацию не о запрашиваемом фактическом положении дел, а о своем внутреннем состоянии или отношении к говорящему. Это очень характерно для «русского мира дискурса» [Радбиль 2017] как воплощения культуры «высоконтекстного типа» [Красных 2002], для модели «выяснения отношений».

Модусные (модальные) вопросы обращены к запросу сведений о внутреннем состоянии адресата. В обследованном материале представлены следующие их разновидности.

Модусные общие (*«да / нет»*-вопросы), содержание которых представляет собой «требование подтвердить или опровергнуть высказанное предположение о соответствующем компоненте исходного высказывания; иными словами, это требование выразить согласие / несогласие и / или верифицировать истинность выдвигаемой гипотезы» [Казаковская, Хохлова 2015: 410–411]:

— ***Думаешь***, ***они умеют развлекаться*****?** // — *Ты шутишь? Еще как умеют! Картишки, ширево, то-се...* (ИМ — URL: ?&source=bl&ots=4VDWerPV1X&sig=ACfU3U0fUas56ONHWYsm8sP5m8QYRtVF4g&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwjQxdnBztjoAhVo_SoKHbaIAlQQ6AEwAnoECAgQOA#v=onepage&q=-%20A%20ты%20думаешь%2C%20они%20умею т%3F&f=false);

— *Хочу, чтобы ты отомстил этому зверю, хотя неволить не могу.* ***Сам-то как думаешь****? // Павел порывисто сжал сухую руку собеседника. — Это я для себя ещё мальчишкой решил* (НКРЯ — Золото Ваньки Каина // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.20).

Альтернативные вопросы (*«или»*-вопросы) во многих классификациях рассматриваются как разновидности общих:

— Блаженным считаешь или шизиком? // — *Так ведь я ж тебе не жена!* (НКРЯ — Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)).

Модусные частные (*«кто / что»*-вопросы), которые «требуют в ответе новой информации — сведений о предметах, признаках, обстоятельствах. Эта

информация расширяет знания спрашивающего, сообщая о том, что не содержится в вопросе» [Казаковская, Хохлова 2015: 411]:

— Но я теперь знаю. // — ***Что ты знаешь****? // —* *Про тебя. Про тебя и вашу Великую Мышь* (НКРЯ — Виктор Пелевин. Бэтман Аполло (2013)).

Большое количество таких фатических вопросов не ориентировано на реальное получение запрашиваемой информации о ментальном состоянии собеседника. Они, как и в предыдущих случаях, направлены на выражение отношения к позиции собеседника, к нему самому в целом или к его ситуативному психическому состоянию, что так же во многом является национально обусловленной характеристикой диалогического дискурса. Поэтому очень частотны тавтологические (в нашей терминологии — «псевдотавтологические») ответные реплики, в которых ответ на вопрос предполагает освещение состояния самого спрашивающего (как будто бы он до вопроса ничего про себя не знает и сам спрашивает про себя):

— Владик, ну что ты со своим профессором носишься? ***Кому это интересно****? // —* *Тебе. Ты же сама спрашивала меня, не знаю ли я такого ученого…* (НКРЯ — коллективный. Тайник // «Огонек». №№ 5-6, 8-13, 1970).

Одной из самых частотных разновидностей подобных вопросов выступают вопросы, касающиеся обнаружения автора, источника информации или знания. «С их подошью осуществляется запрос об источнике информации или о способе ее получения» [Казаковская, Хохлова 2015: 404]:

— Честно говоря, не очень. И ***кто тебе сказал*** *про блат? Гарик? // — Да ну тебя* (НКРЯ — Екатерина Завершнева. Высотка (2012));

— Да, действительно, — невесело протянул генерал, стараясь не наступать на бурые разводы. ***— И что****,* ***по-твоему****,* ***здесь произошло? // —*** *Трудно пока сказать, товарищ генерал-полковник, это будет выяснено на следствии* (НКРЯ — Евгений Сухов. Делу конец — сроку начало (2007)).

В национально обусловленных моделях фатической вопросно-ответной коммуникации подобные вопросы вообще превращаются в фигуру речи, которая утрачивает иллокутивную силу вопроса и становится идиоматическим

выражением других интенций говорящего — выражение сомнения в адекватности собеседника, недоверия к его знаниям или чувствам, категорическое утверждение своей позиции и вообще значимости и пр., т.е. того, что А. Вежбицкая именовала «моральной страстностью» как специфической чертой русского диалогического дискурса [Вежбицкая 1997].

Также модусные вопросы подразделяются **по типу модуса** [Арутюнова 1996]. В нашем материале представлены следующие виды:

Ментальные (эпистемические):

— *Это уже интересно.* ***Как полагаешь****? //* — *Так и полагаю. Затем и Глеба послал* (НКРЯ — Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985));

— *У нее отрицательное обаяние, — словно поймав мою мысль, объяснил Николай Сергеевич.* — ***Как считаешь****, Макс? //* — *Что я могу сказать…* — *отозвался Борисов* (НКРЯ — Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998-2004).

Эмотивные:

— *И* ***что ты чувствуешь****? //* — *Больно! — кричала мама* (НКРЯ — Маша Трауб. Домашние животные (2009));

— *Слышишь, Раиса? Сумасшедшая,* ***чему ты радуешься****?.. //* — *Ой, да, правильно… Надо найти людей…* (НКРЯ — Наталия Медведева. Любовь с алкоголем (1988-1993));

— ***Ты меня любишь****? //* — *А хрен его знает! В общем, надеюсь, Александра Николаева вы себе уже представляете* (НКРЯ — Александр Володарский. ЖЗЛ (Жизнеописание занимательных личностей) // «Сибирские огни», 2012).

Перцептивные:

— ***Что ты видишь****, любовь моя? — спросила его шепотом Лис. //* — *Я думаю, то же, что и ты, ангел мой, — шепотом ответил Тадам* (НКРЯ — Максим Тихомиров. Национальная демография (2014));

— Алло! ***Ты меня слышишь****? //* ***—*** *Я тебя не слышу. Я даже видеть тебя перестал…* (НКРЯ — Анатолий Кирилин. Нулевой километр // «Сибирские огни», 2013);

— А ты слышал*? //* ***—*** *Мне что. Кричат и кричат* (НКРЯ — З.Н. Гиппиус. Дневники (1914-1928));

— *Слушай,* ***чем пахнет****? — спросила я Веру. //* ***—*** *Не знаю, чем-то странным* (НКРЯ — Маша Трауб. Не вся la vie (2008)).

Волитивные (желание и волеизъявление / необходимость):

Лукашин открыл форточку. // ***— Что ты собираешься делать****? — насторожилась Надя. //* ***—*** *Пусть подышит воздухом, ему полезно!* (НКРЯ – – Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Ирония судьбы, или С легким паром (1969));

Рука, коснувшаяся его голого предплечья, была холодной и влажной, как лягушачья лапа. // ***— Что тебе нужно****? //* ***—*** *Митя, прости меня, пожалуйста,* ***—*** *скороговоркой забормотала она* (НКРЯ — Татьяна Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003)).

Собственно-речевые, направленные на интерпретацию речи собеседника [Гак 1978]:

— Что значит — не тому? *//* ***—*** *А то ты не знаешь?! Не знаешь? А ну-ка напрягись!* (НКРЯ — Вера Белоусова. Второй выстрел (2000));

— *И* ***что ты сказал****?.. //* ***—*** *А что на это скажешь?..* (НКРЯ — Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990));

Лэсси мгновенно насторожилась. ***— Что ты хочешь сказать****? //* ***—*** *А ты что хочешь сказать?* ***—*** *фыркнула Тилли* (НКРЯ — Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/ Девочки из колодца (2004));

— *Да какое совпадение?* ***О чем вы говорите****? //* ***—*** *Подумайте сами. Седьмое число седьмого месяца семьдесят седьмого года* (НКРЯ — Наталья Александрова. Последний ученик да Винчи (2010)).

Нетрудно заметить, что и в этой группе вопросов наблюдаются отмеченные ранее тенденции в ответах — повтор вопроса, тавтологическая ответная реакция, реакция не на суть вопроса, а на его словесное оформление («выход на метауровень» [Радбиль 2017]), уход от ответа, переключение темы и пр., что характерно для дискурса, настроенного на «выяснение отношений» говорящих друг к другу. Это для участников диалогической коммуникации оказывается важнее, чем собственно информативная сторона диалогической коммуникации, что как раз характерно для национально обусловленных моделей речевого взаимодействия.

Вообще говоря, для фатической коммуникации характерно преобладание модусных вопросов над диктумными, что в принципе отвечает самой сути фатической (т.е. «неинформативной») коммуникации. Об этом свидетельствуют и данные количественного анализа, представленные в таблице (см. **Табл. 3.1**) — всего в собранном материале имеется 1008 единств:

Табл. 3.1.

Распределение частоты встречаемости вопросительных реплик по характеру запрашиваемой информации

Типы вопросительных реплик	**Кол-во**	**%**
1. Диктумные	**406**	**40,3**
1.1. Ситуативные	112	11,1
1.2. Предикатно-актантные	294	29,2
2. Модусные	**602**	**59,7**
2.1. Модусные общие	216	21,4
2.2. Модусные частные	386	38,3
Итого:	**1008**	**100**

В соответствии с другой классификацией вопросов по характеру иллокутивной силы [Ремизова 2001: 156–157 и др.] в обследованном материале на основании различения прямых и косвенных вопросов выделяются следующие виды инициальных вопросительных реплик.

Прямые вопросы (для которых в том или ином виде полностью или частично сохраняется иллокутивная сила вопросительности — запрос на получение информации):

- справочный вопрос (о необходимости получить информацию): — ***А что, ты собираешься диссертацию писать****? // — Да мне еще учиться сколько… — Сережа махнул рукой* (НКРЯ — Александра Маринина. За все надо платить (1995));

- уточняющий вопрос: *Я сказала Владимиру, что рада от чистого сердца, что он нашел подругу по себе. //* — ***Что ты имеешь в виду****? — насторожился Владимир. //* — *Ничего* (НКРЯ — Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009);

- вежливый вопрос (о состоянии или намерениях собеседника): — ***Как вы себя чувствуете****, Юрий Иванович? //* — *Ну как вы думаете, как я могу себя чувствовать?* (НКРЯ — Даниил Гранин. Зубр (1987));

- экзаменующий вопрос (ответ на который спрашивающему известен заранее): — *А теперь скажите нам,* ***кто же все-таки написал стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный…»****? // — Не помню, кажется, Пушкин…* (СНА);

- агрессивный вопрос (провоцирующий или развивающий конфликт): — *Ты* ***идиот или притворяешься?*** *// Что тут идиотского может быть? Просто твой ДК тоже не дебил, он ведь может сбить каст циклона, правильно?* (ИМ — URL: http://prestige-gaming.ru/luchshie_shkvala_-t281-340.html).

В этих примерах также наблюдаются рефлексы специфической реакции отвечающих — либо уход от темы, либо тавтологическая реакция с полным или частичным повтором вопроса.

Косвенные вопросы (для которых при сохранении вопросительной формы высказывания иллокутивная сила вопросительности элиминируется и меняется на другую):

- вопрос-утверждение (риторический вопрос): ***— Какой русский не любит быстрой езды? // —*** *Тот, на котором ездят* (НКРЯ — Коллекция анекдотов: армянское радио (1970-2000));

- вопрос-предложение: ***— Могу ли я предложить вам сигарету****? — улыбаясь, спросил Кирилл. // — Я принимаю ваше предложение с благодарностью, — заверила его девушка* (НКРЯ — Максим Милованов. Естественный отбор (2000));

- вопрос-совет: *— Знаешь, что скажу?* ***Не пора ли тебе выйти замуж****? Вот что я тебе скажу. // —* *Ага* (НКРЯ — Кира Сурикова. C'est la vie (2003));

- вопрос-приглашение: *Они остановились за несколько домов до его квартиры. //* ***— Не зайдете ли****? Еще не поздно, — уговаривал ее Андрей. // — Нет, мне нужно торопиться домой* (НКРЯ — Ф.М. Степняк-Личкус [перевод книги С. М. Степняка-Кравчинского с английского]. Андрей Кожухов (1898));

-вопрос-намерение: *— Видишь ли, я хотел бы повидать перед сессией Молибдена…* ***Не поехать ли мне в Москву****? Как ты думаешь? // — Не понимаю, для чего тебе понадобилось это свидание* (НКРЯ — Я. Ларри. Страна счастливых (1931))

- вопрос-извинение: *— А ты мне добром и ласкою отплатил за мое зло.* ***Простишь ли ты меня, Лео****? // — Прощаю! Охотно прощаю тебе все, Ролан!* (НКРЯ — Л.А. Чарская. Герцог над зверями (1912));

- вопрос-побуждение (просьба, пожелание, запрет, требование и пр.): *— Недавно вы объявили о покупке Локосовского ГПЗ у «СИБУРа», а теперь «Газпром» говорит, что кроме Сургутского ГПЗ никакие активы проданы не были.* ***Не могли бы вы разъяснить ситуацию****? // — Мы считаем, что контракты заключены и акции приобретены* (НКРЯ — Вагит Алекперов: «Мы не действовали за спиной «Газпрома» // «Известия», 2002.04.24);

- вопрос-упрек: *Я случайно заметила, как она бросает мой портрет в огонь. // —* ***Мама, как ты могла****? Там же я, — закричала я. // —* *Где?* (НКРЯ — Маша Трауб. Не вся la vie (2008));

- вопрос-угроза: — ***Вы хорошо подумали***? *Ваш выбор может иметь* для *вас самые серьезные последствия... // — Вы — эгоист, Лева, — усмехается Гвоздилова* (НКРЯ — И. Шевцов, Леонид Филатов. Сукины дети (1992));

-вопрос-злопожелание: ***— А не пошел бы ты на****...? // —* *Чиво? Чиво ты сказал?* (НКРЯ — Виктор Астафьев. Затеси // «Новый Мир», 1999).

Как видим, косвенные вопросы в фатической коммуникации представлены весьма разнообразной палитрой иллокутивных сил, от стандартных форм вежливости до конфликтных, агрессивных речевых тактик. Количественный анализ показал примерно равное количество прямых и косвенных вопросов, что отражено в соответствующей таблице (см. **Табл. 3.2**) — всего в собранном материале имеется 1008 единств:

Табл. 3.2.

Распределение частоты встречаемости вопросительных реплик по характеру выражения иллокутивной силы

Типы вопросительных реплик	**Кол-во**	**%**
1. Прямые вопросы	486	48,2
2. Косвенные вопросы	522	51,8
Итого:	1008	100

В большинстве случаев характер ответных реакций на косвенные вопросы, так же как и на прямые вопросы, в целом вписывается в круг очерченных выше национально обусловленных моделей коммуникации: они апеллируют к контексту и к ситуации общения, к общему фонду знаний говорящего и адресата, т.е. эксплуатируют невербализованные компоненты смысла в прагматике речевого взаимодействия.

В ряде случаев мы видим установку на сохранение доверительности общения, на то, что истинное общение предполагает понимание того, что не сказано прямо, так как основано на предполагаемом или имплицируемом «родстве душ». В других случаях, напротив, посредством тактик ухода от темы или реакции на словесный ряд, а не на иллокутивную силу или информативную суть вопроса, отражены конфликтные модели интеракции, национально обусловленное общение «на повышенных тонах».

Таким образом, логика предпринятого исследования обусловливает переход к анализу разновидностей реактивных реплик в фатической диалогической коммуникации, что осуществляется в следующем разделе 3.1.2 первого раздела настоящей главы.

3.1.2. Разновидности реактивных реплик

В норме стандартной реакцией на диктальный или модальный вопрос является предоставление запрашиваемой информации — сведений об объективной реальности или о внутренних состояниях спрашивающего. Но в этом случае мы имеем дело с так называемой «информативной» коммуникацией, которая находится вне сферы целей и задач настоящего исследования. В случае интересующей нас фатической коммуникации ответные реакции собеседников представляют собой крайне разнообразный набор речевых тактик, которые так или иначе отражают условия диалогического взаимодействия, характер взаимоотношений между говорящим и адресатом, их интенциональные состояния и пр.

Разумеется, фатика является общечеловеческой чертой коммуникации, которая присутствует во всех лингвокультурах. Применительно к выявлению национальной обусловленности ответных реакций мы можем говорить лишь об определенных тенденциях, возможно, о каких-то приоритетах в выборе

той или иной речевой тактики в рамках иллокутивного вынуждения и пр., которые присущи «национальному фону коммуникации».

В соответствии с рассмотренными выше, в главах I и II, разновидностями возможных реактивных реплик в фатическом диалогическом вопросно-ответном взаимодействии, нами были выделены следующие их типы по разным классификационным основаниям.

По характеру иллокутивной силы в реакции отвечающего на коммуникативную направленность и / или содержание вопроса [Валюсинская 1979; Галактионова 1988; Винокур Т. 1998 и др.] в обследованном материале представлены ответные реплики следующих типов:

- реплики-стандартные ответы (общие (да / нет), простые (неполные), развернутые [Косогорова 2006]):

(а) общий: **—** *Мэси, ты девочка? //* **— *Нет***. *// — Спать хочешь? //* **— *Нет*** (НКРЯ —А. П. Дубров, О. Л. Силаева, В. Д. Ильичев. Кот, говорящий по-азербайджански // «Первое сентября», 2003);

(б) простой (неполный): **—** *Что, вы совсем не говорите между собой по-французски? //* — ***Если мы вдвоём, то нет*** (НКРЯ — Запись LiveJournal (2004));

(в) развернутый: — *Вы специально выбираете сценарии, чтобы подчеркнуть это различие? //* **— *Нет***. ***Мне предлагают самые разные сценарии. Когда ты вдруг видишь что-то интересное и необычное, ты хватаешься за это независимо от того, в каком жанре это написано*** (НКРЯ — Джим Кэрри — изнутри и снаружи // «Экран и сцена», 2004.05.06);

- реплики-вежливые ответы (в соответствии с этикетом): — *Вы согласны? //* **— *Большое спасибо за комплимент***. *Что же касается красоты, мне нравится, когда женщина красива* **(**НКРЯ —. Светлана Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» // «100% здоровья», 2003.01.150);

- реплики-переспросы: **—** *Не тяжковата будет на бегу?* **—** *солидно отвечал Сережа. //* **— *Что, что ты сказал?* —** *в самое ухо, как в заправ-*

ском бою, переспросил Лавцов (НКРЯ — Л. М. Леонов. Русский лес (1950-1953);

- реплики-подхваты: **—** *И зачем тебе это было надо? //* **— *Как зачем?*** *Я же должна знать, что за девка* (НКРЯ — Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011));

- реплики-повторы:

(а) полный: **—** *Что ты хочешь сказать? //* **— *А ты что хочешь сказать? —*** *фыркнула Тилли* (НКРЯ — Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/ Девочки из колодца (2004));

(б) структурно трансформированный: — *Как вы себя чувствуете, Юрий Иванович? //* — ***Ну как вы думаете, как я могу себя чувствовать?*** (НКРЯ – – Даниил Гранин. Зубр (1987));

- реплики-допущения: — *Сестрица, милая, ну скажите мне, скажите, пожалуйста, что я говорила, выходя из наркоза? //* **— *А я и не помню. Что-то из классической литературы. Что-то религиозное*…** (НКРЯ — И. Грекова. Перелом (1987));

- реплики-противоречия: **—** *Тебе ещё рано. //* **— *А я думаю, как раз***. *// Сейчас, в предрассветном полумраке, она казалась ему моложе и напоминала саму себя в детстве, в том времени, когда ничего этого ещё не было…* (НКРЯ — Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994));

- реплики-возражения: — *Крутая вечерина? //* **— *Да нет***, **—** *стала раздражаться Снежана.* **— *Крутая вечерина — это совсем другое. А тут— порно-пАти*** (НКРЯ — Запись LiveJournal (2004));

- реплики-опровержения: **— *И тебе не стыдно?!*** *//* **— *Почему же мне должно быть стыдно? —*** *удивился Ёжик* (НКРЯ — Сергей Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969-1981));

- реплики-отказы: *Они остановились за несколько домов до его квартиры. //* **— *Не зайдете ли***? *Еще не поздно, — уговаривал ее Андрей. //* — *Нет, мне нужно торопиться домой* (НКРЯ — Ф.М. Степняк-Личкус [перевод

книги С. М. Степняка-Кравчинского с английского]. Андрей Кожухов (1898));

- реплики-согласия (полные или частичные):

(а) полное: **—** *Это уже интересно. Как полагаешь? //* **—** ***Так и полагаю. Затем и Глеба послал*** (НКРЯ — Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985));

(б) частичное: **—** *Отдавай, что обещал. //* **— *А я и не отказываюсь*.** *— И Кузька выворотил карманы.* **— *Бери что хочешь!*** (НКРЯ — Марк Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы (1971));

- реплики-несогласия (полные или частичные):

(а) полное: *— Вы согласны с формулой Золя? //* **— *Нет, не согласен*.** *Мне кажется, что самоуверенность и вызов имели место в этом заявлении французских натуралистов* (НКРЯ — Юрий Бондарев. Берег (1975));

(б) частичное: **—** *Так вы считаете путь йоги бесполезным? — строго спросил Витаркананда. //* **— *Как можно так понять мои слова*?** (НКРЯ — И.А. Ефремов. Лезвие бритвы (1959-1963));

- реплики-добавления: **—** *На одном? — спросил Горшков. //* **—** *Зачем же двум полковникам ехать на одной машине?* ***Несолидно!*** **—** *лукаво отвечал Папиков. —* ***А еще я возьму моих сестричек*** (НКРЯ — Вацлав Михальский. Храм Согласия (2008));

- реплики-уточнения (в отличие от добавлений, не содержат новой добавочной информации, а являются трансформацией исходной информации в инициирующей реплике): *— То есть вы хотите сказать, что его убили две ваших девятки? //* ***— Во-первых, не мои, а его, а во-вторых, ничего подобного я сказать не хочу*** (НКРЯ — Сергей Носов. Фигурные скобки (2015));

- реплики-оценки: *И смутившись, сама робкая, говорит:* **—** *А что твои цветы, Лизочка? Как они? //* **— *Хорошо*** (НКРЯ — И. А. Новиков. Золотые кресты (1907));

- реплики, сопровождающие тему: — *Хочу, чтобы ты отомстил этому зверю, хотя неволить не могу. Сам-то как думаешь? // Павел порывисто сжал сухую руку собеседника. —* ***Это я для себя ещё мальчишкой решил*** (НКРЯ — Золото Ваньки Каина // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.20);

- реплики, переводящие тему в другую плоскость: **—** *И сколько тебе не хватает денег?* **—** *горячо спросила она. //* **— *Что об этом толковать****?!* (НКРЯ — П. Д. Боборыкин. Василий Теркин (1892));

-реплики отказа от коммуникации: — *Честно говоря, не очень. И кто тебе сказал про блат? Гарик? // —* ***Да ну тебя*** (НКРЯ — Екатерина Завершнева. Высотка (2012));

- реплики конфликтные (вербально-агрессивные): **—** *С ума сошла? //* **— *Сам дурак*** (НКРЯ —Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004));

- умышленное молчание: **—** *Ты её любишь?!* **—** *воскликнула я.* ***Он ничего не ответил****. Но я понимаю: разговаривать с ним бесполезно* (НКРЯ — Анатолий Алексин. Мой брат играет на кларнете (1967)).

Представленные выше примеры крайне разнообразны по своей прагматической функции, по-разному они соотносятся и с реализацией принципа кооперации Г.П. Грайса. Но, с лингвокультурологической точки зрения, все обсуждаемые выше типизированные диалогические вопросно-ответные единства объединяет то, что они имеют все признаки **фатической коммуникации**, т.е. коммуникации, направленной на поддержание самого процесса общения как такового [Якобсон 1975: 201]. Особое внимание не к содержательной, а к межличностной стороне речевой коммуникации, согласно А. Вежбицкой, вообще является яркой национально-специфичной чертой именно русских моделей речевого взаимодействия [Вежбицкая 1997].

В плане национальной обусловленности отметим, что участники подобных моделей коммуникации, как правило, не озабочены обсуждением объективной стороны дела, но, скорее, стремятся к установлению неформальных, доверительных межличностных отношений, некоего «эмоциональ-

ного фона» общения, в случае кооперативной коммуникации, или, напротив, напряженному «выяснению отношений», в случае конфликтной, агрессивной коммуникации.

По полноте передаваемой в ответной реплике информации [Ремизова 2001: 156–157] в обследованном материале представлены следующие реплики:

- достаточно информативные: **—** *Короче, что ты от меня хочешь? //* **—** ***Я хочу, чтобы ты был культурным человеком, чтоб каждый вечер ты проводил со мной, читал мне книги, рассказывал последние новости****…* (НКРЯ — Аркадий Хайт. Монологи, миниатюры, воспоминания (1991-2000)), — отвечающий в соответствии с принципом кооперации исчерпывающим образом излагает свою позицию, согласуемую с коммуникативной направленностью модусного вопроса и его содержанием, а также повторно эксплицирует иллокутивную силу вопроса (*Я хочу…*);

- избыточно-информативные: **—** *Ты меня любишь? //* **— *А хрен его знает! В общем, надеюсь, Александра Николаева вы себе уже представляете*** (НКРЯ — Александр Володарский. ЖЗЛ (Жизнеописание занимательных личностей) // «Сибирские огни», 2012), — в реплике-реакции, помимо неопределенного ответа на поставленный вопрос, избыточно приводится не запрашиваемая инициатором информация о третьем лице;

-недостаточно-информативные: **—** *Кого бы ты хотел играть? //* **— *Разве ты не знаешь, кого!*** (НКРЯ —Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961),— в ответе в зону прагматической пресуппозиции опущен референт, известный обоим участникам коммуникации, но формально он не эксплицирован;

- неинформативные: **— *Как считаешь****, Макс? //* **—** *Что я могу сказать…* **—** *отозвался Борисов* (НКРЯ — Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998-2004), — в ответе не предоставляется запрашиваемая информация.

Вообще говоря, в обследованном материале (напомним, что нас в работе интересовали лишь модели фатической коммуникации), очень мало случа-

ев, где соблюдается постулат количества Г.П. Грайса [Грайс 1985], т.е. где в ответных репликах информации достаточно (не больше и не меньше, чем запрашивается в инициальной вопросительной реплике). Чаще всего как раз информации либо больше, либо меньше, а также часто либо в ответах предоставляется информация, которая не соответствует запрашиваемой, либо вообще даются тавтологические или неинформативные ответы, в том числе уводящие от темы.

Об этом свидетельствуют и данные количественного анализа, представленные в таблице (см. **Табл. 3.3**) (всего в собранном материале имеется 1008 единств).

Табл. 3.3.

Распределение частоты встречаемости ответных реплик по полноте представленной информации

Типы ответных реплик	**Кол-во**	**%**
1. достаточно информативные	148	14,7
2. избыточно информативные	276	27,4
3. недостаточно информативные	382	37,9
4. неинформативные	202	20,0
Итого:	1008	100

Это вполне соответствует выявленной выше тенденции, согласно которой модели русской живой разговорной диалогической речи редко направлены на выяснение истинного положения вещей, так как приоритетом для собеседников выступают межличностные отношения.

По структурному соответствию инициирующей реплике [Ремизова 2001: 156–157] в обследованном материале представлены следующие реплики:

- изоморфной структуры (диктумный вопрос на диктумный вопрос, модальный вопрос на модальный вопрос и пр.)

Через минуту он снова спросил: — Ну и где же они? // — ***Да откуда я знаю?! —*** *раздраженно крикнула Мира* (НКРЯ — Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011);

— Мне вообще неприятно здесь работать, понимаешь? И зачем тебе меня такую видеть? // ***— А какую я тебя еще могу увидеть?*** (НКРЯ — Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003-2005));

- неизоморфной структуры (вопросу соответствует побуждение или сообщение):

Дверца со скрипом открылась. // — Что ты от меня хочешь? // — ***Благослови, отче… —*** *Отец Макарий упал старцу в ноги* (НКРЯ — Николай Кокухин. Невидимые старцы, или Афон сокровенный // «Наука и религия», 2010);

— И когда ты перестала надеяться? // — ***Ну что вы, Федя, я и сейчас надеюсь*** (НКРЯ — Эдвард Радзинский. Старая актриса на роль жены Достоевского (1981)).

Данная типология в принципе не слишком значима в плане национальной обусловленности моделей диалогической коммуникации, хотя сама по себе и может представлять определенный научный интерес.

По характеру соответствия ответной реплики иллокутивной силе инициирующей реплики [Ремизова 2001: 156–157] в обследованном материале представлены следующие реплики:

- полностью соответствующие интенции инициирующей реплики: *— Что ты от меня хочешь? Я уже старая и тупая. //* ***— Неправда*** (НКРЯ — Маша Трауб. Плохая мать (2010));

- частично соответствующие интенции инициирующей реплики: *— Ты тоже собираешься, вместо того чтобы готовить обеды, сидеть за компьютером? //* ***— Нет… Но раз уж он дома, наверное, стоит понять, что это за штуковина такая*** (НКРЯ — Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004), — ответ на вопрос + предоставление не запрашиваемой инициатором добавочной информации;

- не соответствующие интенции инициирующей реплики: *Запретив себе злиться среди такой красоты, Мира устало вздохнула: — Слушай, что ты от меня хочешь? // — **Ничего**, — отрезал Эви. — **Я есть хочу*** (НКРЯ — Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)), — отвечающий вместо требуемой в вопросе вербализации своей коммуникативной позиции по отношению к говорящему озвучивает информацию о своем собственном физическом состоянии голода. Это речевая тактика ухода от коммуникации.

По нашим наблюдениям, в обследованном материале по фатической коммуникации ответные реплики, полностью соответствующие интенции инициирующей реплики, представлены в меньшем объеме, чем ответные реплики, частично соответствующие интенции инициирующей реплики или соответствующие интенции инициирующей реплики. Это можно видеть в следующей таблице (**Табл. 3.4**), в которой приводится общее распределение частоты встречаемости типов ответных реплик в абсолютном и процентном соотношении (всего в собранном материале имеется 1008 единств).

Табл. 3.4.

Распределение частоты встречаемости ответных реплик по характеру соответствия иллокутивной силе инициирующей реплики

Типы ответных реплик	**К-во**	**%**
1. полностью соответствующие интенции инициирующей реплики	268	26,6
2. частично соответствующие интенции инициирующей реплики	414	41,1
3. не соответствующие интенции инициирующей реплики	326	32,3
Итого:	1008	100

Количественный анализ также в целом подтверждает выявленную ранее тенденцию, согласно которой для моделей русской живой разговорной диалогической речи характерна «псевдо-иллокутивная вынужденность» [Радбиль 2017]. Имеется в виду, что вынужденность реплик в подобных единствах определяется не содержанием и не условиями коммуникации, а культурными конвенциями фатического взаимодействия — в смысле «имен-

но так принято отвечать на поставленные подобным образом вопросы в данной лингвокультуре», По мысли Т.Б. Радбиля, «… ответная реплика в таких случаях порождается специфической, порою негативной реакцией адресата не на пропозициональное содержание реплики инициатора, а на его личность, на свое или его психологическое состояние, настроение» [Радбиль 2017: 118-119].

Нередко участники такого диалога «слушают и слышат» только себя, вербализуют свое внутреннее состояние, независимо от коммуникативной направленности вопроса. Поэтому если на информативном (внешнем, эксплицитном) уровне и не всегда достигается коммуникативная согласованность ролей коммуникантов и, соответственно, иллокутивных сил инициальной и ответной реплик, то на фатическом уровне, в плане взаимных ролевых ожиданий, в имплицитной зоне эмоционально-фоновых смыслов и ассоциаций, кооперация между участниками диалога все равно возникает.

Все обнаруженные выше тенденции наиболее ярко обнаруживаются при анализе вопросно-ответных единств как коммуникативно-прагматического целого, а именно — особенностей иллокутивного вынуждения и прагматической связности реплик, что осуществляется в следующем подразделе 3.1.3 первого раздела III главы.

3.1.3. Прагматические типы диалогического взаимодействия в вопросно-ответных единствах

Фатические вопросно-ответные единства в диалогической коммуникации рассматриваются как некая коммуникативно-прагматическая целостность, основанная на отношениях иллокутивного вынуждения как коммуникативного согласования ролей коммуникантов и реплик и реализующая разные типы прагматической связности [Баранов, Крейдлин 1992б: 8–17]. При этом речевые акты коммуникантов и выражающие их реплики в контексте диалогического взаимодействия могут быть *иллокутивно независимыми* (на-

значение их определяется интенциями самого говорящего) и *иллокутивно зависимыми* (их назначение определяется иллокутивным назначением какой-либо предшествующей реплики) [Баранов, Крейдлин 1992а: 84–99], что отражено и в обследованном в работе текстовом материале. Обе разновидности возможны как в прямом, так и в косвенном речеактовом режиме.

Иллокутивно зависимые вопросно-ответные единства

(1) В режиме прямого диалогического взаимодействия:

- «вопрос» — «информативный ответ»: **—** *Кто тебе сказал?* **—** *оторвалась от своей анкеты Светланка. //* *— На улице слышала* (НКРЯ — Маша Трауб. Замочная скважина (2012));

- «вопрос» — «подхват»: **—** *И зачем тебе это было надо? //* ***— Как зачем?*** *Я же должна знать, что за девка* (НКРЯ — Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011));

- «вопрос» — «переспрос»: **—** *Что ты сказал?* **—** *Сергей подскочил к Лаптю. //* ***— А что я сказал?*** (НКРЯ — Анатолий Мельник. Авторитет (2000));

- «вопрос» — «повтор»: *— Правильно кровь остановили? // —* ***Правильно кровь остановили*** (НКРЯ — М.С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010));

- «вопрос» — «добавление»: *Буквально через минуту она закивала и раскрыла дверь пошире, явно предлагая войти. //* **—** *Что ты сказал? //* ***— Что мы студенты из России и собирались написать о Генрихе Гердхарте материал как о великом географе*** (НКРЯ — Полина Волошина, Евгений Кульков. Маруся (2009));

- «вопрос» — «уточнение»: *— Ой, прости, — сказала она испуганно. — Что ты сказал? // —* ***Научи меня, пожалуйста****… — я кивнул на клавиши перед мамой* (НКРЯ — А.В. Жвалевский, Е. Пастернак. Время всегда хорошее (2009));

- «вопрос» — «согласие»: *— Хорошие ребята подобрались, правда? //* — ***Тут я с Вами полностью согласен*** (СНЯ);

- «вопрос» — «несогласие»: *— Это случайность, или принципиальная позиция? //* ***— Я не согласен****. В общественной жизни я участвую. А политикой мы никогда не занимались* (НКРЯ — Александр Боровков, Андрей Гаврюшенко. Михельсон открывает карты // «Дело» (Самара), 2002.04.260);

- «вопрос» — «подтверждение»: *— Это перед Новым-то годом?.. брр… //* ***— Все правильно****. Я разве что говорю. Я ничего не говорю, — хозяин джипа выразительно почесал в затылке* (НКРЯ — Ю. И. Андреева. Многоточие сборки (2009));

- «вопрос» — «обязательство»: *— А могу ли я уже при жизни хоть одним глазком взглянуть на твое небесное царство? //* ***— Обещаю тебе это*** (НКРЯ — Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985));

- «вопрос» — «отказ от изложенного в пропозиции»: *— Вы не будете включать радиолу? Играть на музыкальных инструментах? //* ***— Нет, не собираюсь****. Но хочу предупредить: я писатель, иногда пишу, а перо немного скрипит…* (НКРЯ — Коллекция анекдотов: гостиница (1970-2000));

- «вопрос» — «возражение»: *— Что случилось? Неужели мы так хорошо сегодня живем? //* ***— Нам и раньше не нужны были деньги МВФ, и сейчас они не нужны*** (НКРЯ —Владислав Старков. Советник президента // «Аргументы и факты», 2001.04.04);

- «вопрос» — «опровержение»: *— Но ведь повышение зарплаты от самого гражданина мало зависит? //* ***— На мой взгляд, это не так.*** *Это зависит прежде всего от человека, как ни парадоксально это звучит* (НКРЯ — Оксана Карпова. Александр Починок: Концепция льготного государства бессмысленна // «Время МН», 2003.07.31).

(2) В режиме косвенного диалогического взаимодействия:

- «вопрос-предложение» — «согласие / несогласие»: *Когда Андрей выпил вкусный, холодный сок, то тот спросил: — Андрей, не хотите ли позвонить домой? //* ***— Конечно, хочу,*** *— обрадовался он и пошел за мэром* (НКРЯ — Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001));

- «вопрос-совет» — «согласие / несогласие»: **—** *Не пора ли вам ложиться, дорогой Алексей Иванович,* **—** *отчетливо сказал Ганин. // —* ***Нет****, — с трудом выговорил Алферов…*(НКРЯ — В. В. Набоков. Машенька (1926));

- «вопрос-приглашение» — «благодарность / вежливый отказ»: **—** *Очень вам благодарен, поручик… Не зайдете ли выпить стакан чаю? //* ***— Благодарю вас****, меня товарищи ждут…* (НКРЯ — В. В. Вересаев. В тупике (1920-1923));

- «вопрос-намерение» — «согласие / несогласие»: **—** *Не пора ли подкрепиться? //* ***— Можно****,* **—** *кивнул Ефимов* (НКРЯ — Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но… (2011));

- «вопрос-извинение» — «принятие извинения»: *— И вы меня прощаете? И вы можете меня простить? //* **—** *От всей души и чистого сердца* ***прощаю****, если вы только полагаете, что в чем-нибудь против меня виноваты, чего я, однако же, не знаю* (НКРЯ — В. И. Даль. Павел Алексеевич Игривый (1847));

- «вопрос-побуждение (просьба, пожелание, запрет, требование и пр.)» — «согласие / отказ»: **—** *Не пора ли тебе спать, мальчик? //* ***— Нет****, еще полчасика, пожалуйста. // Никита прислонился головой к матушкиному плечу* (НКРЯ — А. Н. Толстой. Детство Никиты (1919-1922)).

Иллокутивно независимые вопросно-ответные единства

(1) В режиме прямого диалогического взаимодействия:

- «вопрос» — «необусловленное вопросом сообщение»: **—** *Неужели мы и этого потеряем? //* ***— Ты спроси Саньку, как он относится к числу «пи»****,* **—** *сказал Громобоев и побежал к остановке* (НКРЯ — Михаил Анчаров. Как Птица Гаруда (1989));

- «вопрос» — «вопрос»: **—** *Что значит* **—** *не тому? //* ***— А то ты не знаешь?! Не знаешь?*** (НКРЯ — Вера Белоусова. Второй выстрел (2000));

- «вопрос» — «побуждение»: **—** *Бог знает что вы говорите! Не пора ли вам домой? десятый час. //* ***— Зачем мне домой****!* (НКРЯ — И. А. Гончаров. Иван Савич Поджабрин (1842));

- «вопрос» — «эмоциональная реакция»: — *Я думаю… Может, мы его поменяем? Пока мало времени прошло? // —* ***Как ты можешь так говорить****? Ты вез этого несчастного котенка три часа, так что он почти опьянел от качки* (НКРЯ — М.С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010));

- «вопрос» — «уход от темы»: — *А ты слышал? //* ***— Мне что. Кричат и кричат*** (НКРЯ — З. Н. Гиппиус. Дневники (1914-1928));

- «вопрос» — «отказ от продолжения коммуникации»: **—** *Что ты сказал? Повтори. //* ***— Тебя это не касается*** (НКРЯ — Владимир Козлов. Гопники (2002));

- «вопрос» — «агрессивная / конфликтная реакция»: — *Вы что, самоубийцы? //* ***— Заткнись****! — трясясь в горячке несостоявшейся перестрелки, скомандовал пэпэссник* (НКРЯ — Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но… (2011));

- «вопрос» — «прекращение коммуникации»: **—** *Как? — крикнул я.* ***Он ничего не ответил*** *и вышел. Мы — я и парикмахер — с носилками пошли за ним* (НКРЯ — Ю. О. Домбровский. Леди Макбет (1970));

(2) В режиме косвенного диалогического взаимодействия:

- «вопрос-утверждение (риторический вопрос, в норме не могущий иметь ответа, т.е. быть иллокутивно зависимым)» — «утверждение / вопрос»: **—** *Неужели люди захотят порядка такой ценой? //* ***— Самое главное орудие — это крик о порядке*** (НКРЯ — Ася Колодижнер, Александр Янов. Как-нибудь перезимуем. А дальше?.. // «Огонек». № 4, 1991);

- «вопрос-предложение» — «отказ / негативная эмоциональная реакция»: — *Уж вы удовлетворения не хотите ли? — с убийственной иронией произнес Хмелев. //* ***— Куда мне, кухаркину сыну*** (НКРЯ — Дмитрий Быков. Орфография (2002));

- «вопрос-совет» — «отказ / негативная эмоциональная реакция»: **—** *Пожалуй, ты изобрела новый способ укрощения персонала.* ***Не хочешь ли*** *запатентовать? // —* *<u>Отвяжись, Оглоедов, без тебя тошно</u>. Кофе угостишь?* (НКРЯ — Татьяна Сахарова. Добрая фея с острыми зубками (2005));

- «вопрос-приглашение» — «сообщение / побуждение»: — *Привет, Сол. Не заскочишь ли потолковать? // —* ***Что бы там ни было, просто говори им «нет»****, — ответил адвокат. — Я потом разберусь* (ИМ — URL: https://books.google.ru/books?id=rM6oDwAAQBAJ&pg=PT241&lpg=PT241&dq=не+заскочишь+ли&source=bl&ots=NtqzURu0rT&sig=ACfU3U0ycF5tV1eJuniCpJSjqNcKfuinzw&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwip387B-93oAhUt06YKHRZJCic Q6AEwA3oECAsQMg));

- «вопрос-намерение» — «сообщение»: — *Кажется, звонят на колокольне Преображенского собора, — заметил Илларион. — Не пойти ли нам на площадь? // — Звон в такое необычное время! — сказал Феодосий* (НКРЯ – – К. П. Масальский. Осада Углича (1841));

- «вопрос-побуждение (просьба, пожелание, запрет, требование и пр.)» — «отказ / негативная эмоциональная реакция»: — *Впрочем, я не возражаю, если вместо расчетов вы возьметесь за реконструкцию нашей копировки и закупку оборудования… Не хотите ли? // — Не хочу, — говорит Оскар. — Вот и никто не хочет, — говорит Земченков* (НКРЯ — Александр Щербаков. Золотой куб // «Техника - молодежи», 1977);

- «вопрос-упрек» — «негативная эмоциональная реакция»: — *Как ты мог? Как ты посмел? // — Что я сделал?* (НКРЯ — Маша Трауб. Замочная скважина (2012));

- «вопрос-угроза» — «согласие / вопрос / сообщение»: — *А по морде за такие слова? // — А дай! Слушай, в самом деле, ты вот получал по морде?* (НКРЯ — Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010);

- «вопрос-злопожелание» — «согласие / вопрос / сообщение»: — *А не пошел бы ты на…? // — Чиво? Чиво ты сказал?* (НКРЯ — Виктор Астафьев. Затеси // «Новый Мир», 1999).

Данные примеры еще раз демонстрируют, насколько сложные и разнообразные отношения между участниками диалога возникают в процессе фатического взаимодействия. Часто прагматическое согласование реплик в составе вопросно-ответного единства осложняется за счет не мотивированного

ситуацией стремления участников обозначить собственные позиции или отношения, что также можно рассматривать в ряду национально обусловленных схем речевого взаимодействия, присущих высококонтекстному типу лингвокультуры.

В этой связи мы можем постулировать наличие такой культурно-специфичной черты русского диалогического дискурса, как «псевдо-иллокутивная вынужденность» [Радбиль 2017]. На внешнем уровне иллокутивные силы высказывания спрашивающего и отвечающего согласованы: на вопрос следует формальный ответ, на предложение — формальное согласие или отказ, на выражение какой-то мысли — формальное подтверждение. Также формально в таком вопросно-ответном единстве присутствуют и разнообразные средства прагматической связности: разного рода повторы и перифразы, анафорические связи, неполнота конструкции, частицы — маркеры диалогического взаимодействия и пр. Но при этом на уровне содержания и ситуации общения ответная реплика в таких случаях порождается специфической, порою негативной реакцией адресата не на иллокутивную силу и / или пропозициональное содержание реплики инициатора, а на его личность, на свое или его психологическое состояние, настроение.

Диалогическая коммуникация такого типа со стороны выглядит как бессодержательная, тавтологичная:

— *Как достали? Откуда? // — Откуда, откуда... Да все* ***оттуда*** *же* (НКРЯ — Владимир Тендряков. Не ко двору (1954));

— *Ну что вызывает у вас сомнения? //* ***—*** *Да все* ***то*** *же*, ***—*** *сказал Гуров* (НКРЯ — А. Макеев, Н. Леонов. Ментовская крыша (2004));

— *А почему он их не уничтожил? //* ***— Да потому****!* (НКРЯ — Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но… (2011)).

В этих случаях отвечающий как бы игнорирует иллокутивную силу реплик инициатора, он отвечает себе, как бы реагируют на собственные размышления или настроения. Такие вопросно-ответные единства, включающие своего рода «передразнивающие» реплики, имеют неприличный и даже об-

сценный аналог с нецензурными ответными реакциями на *где*-вопросы или *куда*-вопросы и им подобные, которые тоже вполне типизированны.

Чаще всего подобные «псевдо-иллокутивно вынужденные» реплики актуализуют разнообразные блоки имплицитных смыслов: они целиком и полностью апеллируют к контексту и к ситуации общения, к общему фонду знаний говорящего и адресата, т.е. эксплуатируют невербализованные компоненты смысла в прагматике речевого взаимодействия. Нередко на внешнем уровне прагматическая связность возникает за счет вербализации отвечающим иллокутивной силы вопроса (вместо предоставления запрашиваемой информации):

— *Кто? //* — ***Он еще спрашивает!*** (НКРЯ — Евгений Лукин. Клопики (2013));

— *Это все?* // — ***Ну, ты спросил*** (НКРЯ — Евгений Прошкин. Механика вечности (2001)).

Подобные явления как бы «повышают градус эмоциональности» в речевом общении, что также является примечательной чертой русского диалогического дискурса [Вежбицкая 1997]. При этом, как справедливо замечает Т.Б. Радбиль: «Невозможно хотя бы приблизительно описать и каталогизировать даже примерный набор экстралингвистических обстоятельств и речевых ситуаций их употребления» [Радбиль 2017: 127]. Большинство указанных случаев относится к проявлению смягченных форм вербальной агрессии или, по меньшей мере, потенциально конфликтогенной коммуникации.

Еще одна классификация вопросно-ответных единств связана с типами прагматической связности, которые были выделены Е.В. Падучевой: «Прагматические связи — это такие, в которые существенным образом включается речевой акт, с его условиями успешности, его участниками, презумпциями этих участников, с естественными законами сочетаемости речевых актов друг с другом и т.п.» [Падучева 1982: 306]. Всего возможны четыре типа прагматической связности, важные для целей предпринятого нами исследования: (1) согласование реплик по иллокутивной функции; (2) связь реплики

с условиями успешности предшествующего речевого акта, минуя содержание высказывания; (3) направленность реплики на презумпцию предшествующего высказывания; (4) связь реплик, устанавливаемая на основе обращения к импликатурам дискурса [Падучева 1982: 313]. В обследованном материале присутствуют все четыре указанные типа вопросно-ответных единств.

(1) Явления согласования реплик по иллокутивной функции, а также разнообразные случаи несогласованности реплик по этому параметру в настоящем подразделе были подробно рассмотрены выше. Здесь приведем примеры сложных случаев согласования, в режиме косвенных речевых актов, когда обе реплики в составе вопросно-ответного единства — и инициальная, и реактивная — формально являются вопросами:

(а) с иллокутивной силой инициального вопроса согласуется иллокутивная сила не эксплицированной части ответной реплики, а пресуппозиции или импликации: — *Так <u>вы считаете</u> путь йоги бесполезным? — строго спросил Витаркананда. //* — ***Как можно так понять мои слова****?* (НКРЯ — И.А. Ефремов. Лезвие бритвы (1959-1963)). — Здесь в ответной реплике вопрос, по сути, является отрицательным ответом, прагматически согласованным с инициальным вопросом (= ‘Я так не считаю’);

(б) реальная иллокутивная сила ни инициального вопроса, ни ответной реплики не является вопросительной, т.е. в импликации обе реплики являются согласованными по пропозициональной части утверждениями: — *Как, <u>и это все</u>? — недоуменно глядя на коробку, спросил посетитель. //* — ***А что еще-то****?* (НКРЯ — Борис Поздняков. Переходящее красное знамя // «Сибирские огни», 2012). — Здесь и первый, инициальный, вопрос является положительным утверждением о недостаточном количестве чего-то (= ‘Этого мало’), и второй, реактивный, вопрос является утверждением (= ‘По-моему, достаточно’), согласованным по пропозициональному содержанию с первым.

(2) Связь реплики с условиями успешности [Серль 1985а и 1985б] предшествующего речевого акта, минуя содержание высказывания:

(а) вопросно-ответные единства с ответными репликами, обращенными к условию искренности ‘Говорящий (Г) хочет иметь информацию’:

— А что ты думаешь по этому поводу? // ***— Ты хочешь знать****? —* (НКРЯ — Ирина Безладнова. Такая женщина // «Звезда», 2001). — Здесь вместо содержательного ответа слушающий требует подтверждения, что это условие выполнено (= ‘Подтверди, что ты на самом деле хочешь получить от меня эту информацию’);

— Почему? // ***— А тебя это интересует****? — пожал он плечами* (НКРЯ — Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003-2005)). — Здесь вместо ответа слушающий просто отрицает факт, что это условие выполнено (= ‘Тебя это не интересует’ → ‘Ты на самом деле не хочешь иметь эту информацию’);

(б) вопросно-ответные единства с ответными репликами, обращенными к предварительному условию ‘Г не знает ответа’:

— *Что-то произошло? //* ***— А ты разве не знаешь****?* (НКРЯ — Лев Дворецкий. Шакалы (2000)). — Здесь вместо ответа слушающий утверждает, что говорящему известна запрашиваемая информация (= ‘Ты на самом деле знаешь, что произошло’);

— *Вы бы отправились в кругосветку на парусном корабле? //* ***— Что за вопрос****?! Хоть сейчас* (НКРЯ — Андрей Понкратов, Илья Кашницкий. «Не хотеть побывать в Конго немыслимо!» // «Зеркало мира», 2012). — Здесь вместо ответа слушающий выражает мысль о неуместности вопроса, на который говорящему заранее известен ответ (= ‘Ты на самом деле знаешь ответ’ → ‘Непонятно, зачем ты спрашиваешь’).

(3) Направленность реплики на презумпцию (пресуппозицию) предшествующего высказывания, когда ответная реплика содержит информацию, относящуюся не к эксплицированной части пропозиции вопроса, а к его пресуппозиционному компоненту:

(а) реакция на семантическую пресуппозицию, вытекающую из семантики слов в высказывании говорящего:

— Что случилось? Неужели мы так хорошо сегодня живем? // ***— Нам и раньше не нужны были деньги МВФ, и сейчас они не нужны*** (НКРЯ — Владислав Старков. Советник президента // «Аргументы и факты», 2001.04.04). — Здесь в ответной реплике содержится реакция не на вербализованный компонент пропозиции ‘Мы так хорошо сегодня живем’, а на пресуппозицию (‘Нам не нужны деньги МВФ’);

— *А что, ты собираешься диссертацию писать? //* — ***Да мне еще учиться сколько…*** *— Сережа махнул рукой* (НКРЯ — Александра Маринина. За все надо платить (1995)). — Здесь в ответной реплике отвечающий реагирует не на содержание вопроса (‘собираешься или не собираешься писать диссертацию’), а на пресуппозицию (‘чтобы писать диссертацию, надо много значть и, следовательно, много учиться’);

(б) реакция на прагматическую пресуппозицию, которая вытекает из информации, известной адресату и говорящему из предыдущего контекста или из общеизвестной информации, по мнению отвечающего: *Я сказала Владимиру, что рада от чистого сердца, что он нашел подругу по себе. //* ***— Что ты имеешь в виду****? — насторожился Владимир. //* ***—*** *Ничего* (НКРЯ — Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009). — Здесь реплика отвечающего *Ничего* является прагматически связанной не с вопросом инициатора диалога, а с тем, что было сказано раньше (‘нашел подругу по себе’) и вошло в фонд общих знаний участников диалога по данной ситуации;

Я случайно заметила, как она бросает мой портрет в огонь. // ***— Мама, как ты могла****? Там же я, — закричала я. //* ***—*** *Где?* (НКРЯ — Маша Трауб. Не вся la vie (2008)). — Здесь вопрос в ответной реплике *Где?* обращен к предшествующей ситуации в общем поле зрения говорящего и слушающего (‘она бросает мой портрет в огонь’), а не к вербализованной инициирующей реплике.

(4) Связь реплик, устанавливаемая на основе обращения к импликатурам дискурса. Согласно работам [Грайс 1985; Падучева 1982], в импликатуре

дискурса содержится имплицитный смысловой компонент, самостоятельно выводимый слушающим из предположения, что говорящий соблюдает принцип кооперации. По сути, импликатуры дискурса — это нестрогие умозаключения, которые не входят в собственно смысл предложения, но «вычитываются» в нем слушающим в контексте речевого акта, опираясь на постулаты речевого общения. Г.П. Грайс так описывает общую схему вывода импликатуры дискурса: «Он сказал, что *p;* нет оснований считать, что он не соблюдает постулаты или по крайней мере Принцип Кооперации; он не мог сказать *p,* если бы он не считал, что *q;* он знает (и знает, что я знаю, что он знает), что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что *q;* он хочет, чтобы я думал — или хотя бы готов позволить мне думать — что *q*: итак, он имплицировал, что *q»* [Грайс 1985: 227-228].

Указанные имплицитные смыслы часто присутствуют в алогизмах, противоречивых или тавтологических высказываниях, каламбурах, экивоках и иных вариантах небуквального прочтения высказывания, при условии что буквальная интерпретация сказанного приводила бы к неинформативности, противоречивости или бессмысленности:

(а) обращение к импликатурам дискурса, основанным на небуквальной интерпретации алогизма или противоречия:

— Блаженным считаешь или шизиком? *// —* *Так ведь я ж тебе не жена!* (НКРЯ — Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)). — Здесь эксплуатируется импликатура ‘Только жена должна интересоваться твоим ментальным состоянием, у меня нет такого права и желания’;

— Ты ***идиот или притворяешься?*** *// Что тут* <u>*идиотского*</u> *может быть? Просто твой ДК тоже не* <u>*дебил*</u>*, он ведь может сбить каст циклона, правильно?* (ИМ — URL: http://prestige-gaming.ru/luchshie_shkvala_-t281-340.html). — Здесь эксплуатируется импликатура ‘Эти нарушения или сбои в работе программного обеспечения вызваны условиями эксплуатации компьютера, а не моим неумением или неискренностью’;

(б) обращение к импликатурам дискурса, основанным на небуквальной интерпретации тавтологии — подобные случаи подробно анализируются в работах [Вежбицка 1985; Булыгина, Шмелев 1997]:

Лэсси мгновенно насторожилась. ***— Что ты хочешь сказать****? // — А ты что хочешь сказать?* ***—*** *фыркнула Тилли* (НКРЯ — Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/ Девочки из колодца (2004)). — Здесь эксплуатируется импликатура ʻЯ не понимаю, что ты от меня хочешь’;

— И тебе не стыдно*?! //* ***—*** *Почему же мне должно быть стыдно?* ***—*** *удивился Ёжик* (НКРЯ — Сергей Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969-1981)). — Здесь эксплуатируется импликатура ʻМне нечего стыдиться’;

— И что ты сказал*?.. //* ***—*** *А что на это скажешь?..* (НКРЯ — Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990)). — Здесь эксплуатируется импликатура ʻВ этой ситуации слова бесполезны’;

— Как вы себя чувствуете*, Юрий Иванович? //* ***—*** *Ну как вы думаете, как я могу себя чувствовать?* (НКРЯ — Даниил Гранин. Зубр (1987)). — Здесь эксплуатируется импликатура ʻВы и сами должны понимать, что в известных вам обстоятельствах я не могу чувствовать себя хорошо’.

Все рассмотренные выше четыре вида имплицитной прагматической связности, представленные в фатических вопросно-ответных, в целом отвечают выдвинутому ранее принципу «псевдо-иллокутивной вынужденности»: на уровне коммуникативной организации диалога имеет место прагматическая согласованность реплик, но, по сути, согласно глубинным интенциям участников коммуникации, истинное коммуникативное сотрудничество отсутствует.

Здесь мы имеем дело с проявлением речевых тактик «выхода на метауровень», когда коммуникантов интересует не объективная ситуационная сторона речевого общения, а выражение своего настроения, собственного отношения к собеседнику или ситуации в целом, обсуждение способа или манеры ведения диалога. Это, про сути, выступает как воплощение установки

на «выяснение отношений», столь характерной для национально обусловленных моделей диалогической коммуникации по мнению ряда ученых [Вежбицкая 1997; Красных 2002; Радбиль 2017 и др.], что, в свою очередь, является показателем так называемой «высококонтекстной» культуры.

Все рассмотренные в подразделе структурно-семантические и прагматические разновидности фатических вопросно-ответных единств выполняют в речевом взаимодействии разнообразные функции, которые сводятся к двум классам — регулятивные и организационные (метакоммуникативные) функции, которые будут рассмотрены в следующем разделе 3.2 данной главы.

3.2. Функциональная типология вопросно-ответных единств в аспекте национальной и культурной специфики

В разделе представлены результаты анализа функциональных типов фатических вопросно-ответных единств, которые делятся на два класса — **регулятивные** и **организационные (метакоммуникативные)** типы речевых взаимодействий [Иванова, 1999; Викторова, 2014] (соответственно, подразделы 3.2.1 и 3.2.2). В целях предпринятого исследования отдельно рассматривается класс «псевдо-тавтологических» вопросно-ответных единств, объединяющих регулятивную и метакоммуникативную функции в диалогическом взаимодействии (раздел 3.2.3).

3.2.1. Вопросно-ответные единства регулятивного типа

Под регулятивным типом понимается иллокутивно зависимая или независимая реакция адресата: (1) на коммуникативную направленность — иллокутивную силу (функцию) инициальной вопросной реплики (предоставление / непредоставление запрашиваемой информации, уточнение, переспрос,

выражение отношения, выполнение просьбы, согласие / несогласие, разные типы оценочных реакций и пр.); (2) на пропозициональное содержание инициальной вопросной реплики в целом или его фрагмент; (3) на пресуппозицию инициальной вопросной реплики, на предшествующую ей ситуацию, на условия успешности реализации диалога и другие виды имплицитной информации (импликатуры дискурса и пр.).

(1) Реакции регулятивного типа **на иллокутивную силу вопроса** очень разнообразны и широко представлены в обследованном материале. Ниже мы продемонстрируем случаи, наиболее, на наш взгляд, показательные с интересующей нас точки зрения национальной обусловленности моделей диалогической коммуникации. Чисто формально их можно классифицировать на реакции (а) *вопросительного типа* (ответ вопросом на вопрос) и (б) *невопросительного типа* (информативный / неинформативный ответ, согласие, несогласие, эмоциональная оценка и пр.).

(а) Вопросительные реакции регулятивного типа на вопрос интересны тем, что ответные вопросы, как правило, интерпретируются в режиме косвенного речевого акта как высказывания с невопросительной коммуникативной направленностью (см. об этом — в подразделе 3.1.3 предыдущего раздела 3.1 данной главы):

Через минуту он снова спросил: // — Ну и где же они? // ***— Да откуда я знаю?! —*** *раздраженно крикнула Мира* (НКРЯ — Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011). — Здесь под видом ответного вопроса содержится отрицательное суждение в модусе незнания [Арутюнова 1996] ‘Я не знаю’;

— Да в каких трутней?...— спросил Костя вдруг каким-то спокойным и даже безразличным тоном. // ***— Ну что ты? —*** *сказал я.* ***— Что ты, не знаешь, что ли, какие бывают из себя трутни?*** (НКРЯ — Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)). — — Здесь под видом ответного вопроса содержится утвердительное эпистемическое суждение в модусе знания [Арутюнова 1996] ‘Ты на самом деле знаешь, какие бывают из себя трутни’;

— И у меня тоже перегорело? // ***— Как****?* ***И у вас?*** *// Смотрим друг на друга во все глаза* (НКРЯ — Евгений Лукин. Клопики (2013)). — Здесь под видом ответного вопроса содержится суждение — подтверждение ‘У вас тоже перегорело’;

— Не тяжковата будет на бегу? — солидно отвечал Сережа. // ***— Что, что ты сказал? —*** *в самое ухо, как в заправском бою, переспросил Лавцов* (НКРЯ — Л. М. Леонов. Русский лес (1950-1953). — Здесь под видом ответного вопроса содержится отрицательная пропозициональная установка в перцептивном модусе [Арутюнова 1996] ‘Я не слышал, что ты сказал (спросил)’;

— Что ты об этом думаешь? // ***— А что я могу думать?*** *Я — мелкая сошка* (НКРЯ — Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)). — Здесь под видом ответного вопроса содержится отрицательная пропозициональная установка в ментальном модусе [Арутюнова 1996] ‘Я ничего об этом не думаю’;

И зачем тебе это было надо? // ***— Как зачем? Я же должна знать, что за девка*** (НКРЯ — Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011)). — Здесь под видом ответного вопроса-переспроса содержится суждение-разъяснение ‘Я должна знать, что это за девка’.

С коммуникативной точки зрения реагирование вопросом на вопрос означает установку отвечающего на дальнейшее продолжение диалога, что важно и в плане национальной обусловленности речевого взаимодействия: отвечающий не просто предоставляет инициатору запрашиваемую информацию, но ориентирован на поддержание определенного градуса эмоциональности в межличностных отношениях;

(б) Невопросительные реакции регулятивного типа на вопрос представляют разнообразные по целям и по типу согласованности разновидности:

- согласие: *— Вы согласны с этим утверждением? //* ***— Да, конечно****. В наших руках находятся очень хрупкие души* (НКРЯ — Анастасия Гулина. Слух к чужой боли // «Богатей» (Саратов), 2003.09.11);

- несогласие: *Лила готова была заплакать. // — Ну, неужели мы проиграли? // —* ***Нет****! — воскликнул Пашка* (НКРЯ — Михаил Тырин. «Будет немножечко больно» (2014)).

Широко представлены разные виды подтверждений и возражений:

- подтверждение простое: *— Я тебя ищу! Правда,* ***ты мне не*** *снишься? — спрашивал Дан. // —* ***Не-а!*** (НКРЯ — Ирина Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»: сказочная повесть (2007));

- подтверждение акцентированное: *— Ты мне не веришь? // —* ***Не верю*** (НКРЯ — Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961);

- подтверждение эмоционально-экспрессивное: *— А мы сегодня молиться будем? —* ***А то как же****. Щас и помолимся* (НКРЯ — Вячеслав Дурненков. Мир молится за меня (2005)).

- возражение: *—* ***Ты мне не*** *веришь, Юра?! // — Я верю, — кивнул он. — Я понимаю…* (НКРЯ — Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)).

Есть примеры ответных реплик — добавлений новой, не запрашиваемой в вопросе информации: *— По-твоему, <u>это армяне или грузины?</u> // —* ***Это — арабы****. Я фарцевал когда-то около университета Лумумбы и арабский язык различаю* (НКРЯ — Анатолий Гладилин. Большой беговой день (1976-1981)).

Очень часто встречаются разнообразные оценки: *— По-твоему, это нормально? // —* ***Более или менее…*** *Ну все. Иди* (НКРЯ — Сергей Довлатов. Филиал (Записки ведущего) (1988)).

Регулятивная функция подобных эмоционально окрашенных вопросно-ответных единств проявляется в том, что многие из них становятся типизированными клишированными формами ведения диалога в стандартных ситуациях. Например, формально неполный инициальный вопрос *(Ну) как ты?* идиоматично по умолчанию означает ‘Как ты себя чувствуешь? / Как у тебя настроение? / Как ты живешь? и пр.’ и, соответственно, требует типового ответа в рамках соблюдения конвенций коммуникативного сотрудничества — *Хорошо* или *Нормально* (менее приемлемо с точки зрения социального кли-

мата *Плохо*): ***— Ну как ты**? — спросила Лариса. // **— Нормально**, — ответил Георгий* (НКРЯ — Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011)).

(2) Реакции регулятивного типа на **пропозициональное содержание вопроса** также очень разнообразны и могут быть (а) вопросительными и не(б) вопросительными:

(а) в вопросительных репликах-ответах содержание ответа включает в себя информацию, которая представляет собой реакцию не на иллокутивную силу вопроса (*Почему? Как? Зачем?* и пр.), а на содержание пропозиции или ее части:

***—** Ганин… Почему ты мне не звонил? // **— Я? Я тебе звонил**…* (НКРЯ — Татьяна Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)). — Здесь отвечающий предоставляет информацию не о запрашиваемой в вопросе причине отсутствия звонка, а о том, что это звонок на самом деле был им осуществлен (реакция на фрагмент пропозиции ‘ты мне не звонил’);

*— Почему ты не спишь? **— спросил он. // — А ты?*** (НКРЯ — Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)). — Здесь отвечающий предоставляет информацию не о запрашиваемой в вопросе причине отсутствия сна, а о том, спит ли сам спрашивающий: это реакция на субъект пропозиции в вопросе — *Ты*, а не на сам вопрос *Почему*;

***—** Таня, почему ты не пишешь? **— ласково спросила меня Галина Андреевна. // — Я уже написала, когда вы диктовали первый раз**, — ответила я* (НКРЯ — Татьяна Соломатина. Мой одесский язык (2011)). — Здесь отвечающий предоставляет информацию не о запрашиваемой в вопросе причине отсутствия действия, а о том, что действие совершилось: это реакция на предикат пропозиции в вопросе — *не пишешь*, а не на сам вопрос *Почему*;

*— Это, по-твоему, обувь? А может, по-твоему, это не заплата? А здесь, по-твоему, не зашито? // **— Да ты посмотри, в каких я хожу!*** (НКРЯ — А.С.Макаренко. Книга для родителей (1937)). — Подлинной иллокутивной силой инициального вопроса в режиме косвенного речевого акта является привлечение внимания собеседника к плохому качеству обуви, а от-

вечающий реагирует на тему сообщения в пропозиции — *обувь низкого качества, с заплатами* и сообщает не запрашиваемую у него информацию, что он сам ходит в такой же плохой обуви.

(б) в невопросительных репликах-ответах (как и в вопросительных репликах-ответах) содержание ответа включает в себя информацию, которая представляет собой реакцию не на иллокутивную силу вопроса (*Почему? Как? Зачем?* и пр.), а на содержание пропозиции или ее части:

— *Почему ты не женишься? //* — ***Женюсь, обязательно женюсь,*** — *горячо сказал Хашем* — *Денег только надо заработать* (НКРЯ — Александр Иличевский. Перс (2009)). — Здесь отвечающий предоставляет информацию не о запрашиваемой в вопросе причине отсутствия действия женитьбы в прошлом, а о том, что действие совершится в будущем: это реакция на предикат пропозиции в вопросе — *не женишься*, а не на сам вопрос *Почему*;

— *Что молчишь? //* — ***Я не молчу,*** — *ответил Саид* (НКРЯ — Андрей Белозеров. Чайка (2001)). — Здесь отвечающий предоставляет информацию не о запрашиваемой в вопросе причине молчания, а о том, что состояние молчания отсутствует: это реакция на предикат пропозиции в вопросе — *молчишь*, а не на сам вопрос *Что (*в значении *Почему*);

— *Ты ведь им с тех пор не звонила, да? //* — ***Не звонила и не собираюсь.*** *И про Гарика ты не все знаешь* (НКРЯ — Екатерина Завершнева. Высотка (2012)). —Здесь отвечающий реагирует не на рему сообщения (*с тех пор*), что является нормой, а на тему сообщения (*не звонила*), которая выступает в роли предиката пропозиции вопроса;

— *Как же это так? //* — ***Вот тебе и "так"****. Убили, и нету его* (НКРЯ — Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)). — Здесь отвечающий реагирует не на ситуационный вопрос, а на речевой фрагмент его пропозиции — само слово «*так*», в режиме иронического переформулирования чужой речи;

— *Неужели люди такие дураки? //* — ***Они не дураки,*** — *покачала Тишка головой,* — ***они дети*** (НКРЯ — Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012). — Здесь отвечающий не предоставляет информацию о запраши-

ваемом в вопросе подтверждении предположения, но реагирует на предикат пропозиции — *(люди)* ***дураки***, и, соответственно, опровержению подвергается не сам вопрос, а фрагмент содержания его пропозиции.

(3) Особый интерес представляют случаи реакции регулятивного типа не на вербализованную непосредственно в инициальном вопросе коммуникативную направленность и / или содержание вопросительной реплики, а **на имплицитные компоненты вопроса или ситуации в целом** (условия успешности, пресуппозиции, импликатуры дискурса и пр.).

(а) Как было показано выше, в подразделе 3.1.3 предыдущего раздела 3.1 данной главы, регулятивный характер вопросно-ответных единств фатического типа может выражаться в особой прагматической связности реплик на имплицитном уровне речевого взаимодействия. В частности, прагматическая согласованность может осуществляться за счет связи ответной реплики не с иллокутивной силой, а с условиями **успешности вопроса**

Реакция *на условие искренности* ‘Г искренне хочет получить информацию’ представлена, в частности, в следующих вопросно-ответных единствах регулятивного типа:

— *Слушай, — спросил я на всякий случай, ни на что особенно не рассчитывая, — ты случайно не знаешь, как найти Матвея, Гошу, Глинку… ну и Андрея тоже? //* ***— Зачем тебе****? — подозрительно сощурился он* (НКРЯ — Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)). — Здесь отвечающий выражает уверенность в том, что для говорящего, по тем или иным причинам, получение запрашиваемой информации нецелесообразно;

— *Почему ты мне не сказал? //* ***— Зачем****? // У Веты внутри все застыло* (НКРЯ — Маша Трауб. Ласточ…ка (2012)). — Здесь отвечающий выражает сомнение в целесообразности предоставления запрашиваемой информации.

Реакция *на предварительное условие* ‘Г не знает ответа’ представлена, в следующих вопросно-ответных единствах регулятивного типа:

— *А что такое ОСО? //* — ***Как? Вы и этого не знаете?*** — *поднял голову Буддо.— Какой же вы научный работник!* (НКРЯ — Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)). — Здесь отвечающий выражает возмущение по поводу отсутствия определенных базовых знаний у говорящего;

— *Кто же вы? //* — ***Ни за что не угадаете*** (НКРЯ — В. Г. Распутин. Новая профессия (1998)). — Здесь отвечающий косвенно выражает предположение, что говорящий без предоставления дополнительных данных не сможет узнать ответ на свой вопрос;

— *И в чем, по-твоему, это проявляется? //* — ***Как будто ты не понимаешь,*** — *сдерживая слезы, пробормотала Аля* (НКРЯ — Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003-2005)). — Здесь отвечающий выражает утверждение-упрек о том, что говорящему известен ответ на его вопрос, т.е. что говорящий нарушает предварительное условие успешности вопроса.

(б) Также в вопросно-ответных единствах регулятивного типа прагматическая согласованность может достигаться за счет обращения ответной реплики **к пресуппозиционному или ситуационному фону** инициального вопроса, к предыдущему контексту или к общему фонду знаний говорящего и слушающего:

— *А по-вашему, это правильно, когда в отсутствии следователя уголовное дело заводит оперативный сотрудник? //* — ***Простите, я не завожу уголовное дело…*** (НКРЯ — Сергей Носов. Фигурные скобки (2015)). — Здесь в ответной реплике отрицанию подвергается не иллокутивная сила вопроса (*правильно или неправильно*), а пресуппозиция ʻв отсутствии следователя уголовное дело заводит оперативный сотрудникʼ — ʻя (= оперативный сотрудник, который имеется в виду говорящим) не завожу уголовное делоʼ;

— *Почему ты появляешься лишь когда мне плохо?.. //* — *Когда тебе* ***хорошо****, с тобой скучно. Ты такой глупый…* — *она хихикнула* (НКРЯ — Вячеслав Рыбаков. Сказка об убежище (1990)). — Здесь также в ответе содержится не запрашиваемая причина того, что отвечающий не приходит к

спрашивающему, а реакция на пресуппозицию вопроса ‘(ты приходишь, когда) мне бывает плохо’.

(в) Ряд вопросно-ответных единств регулятивного типа достигают прагматической согласованности благодаря эксплуатации ряда постулатов общения Г.П. Грайса [Грайс 1985]. В этих случая нетривиальная информация из формально алогичных, противоречивых или тавтологически избыточных высказываний выводится адресатом самостоятельно, в форме импликатур дискурса, исходя из его предположения о том, что говорящий соблюдает принцип кооперации и конвенции речевого взаимодействия:

— *Что тебе надо? — строго спросил человек. //* **— *Простите, что беспокою вас!*** (НКРЯ — Сергей Абаимов. Верность навсегда // «Наука и жизнь», 2007). — Здесь в ответе адресат реагирует не на суть вопроса, а на возможный упрек или недовольство со стороны спрашивающего по поводу неуместного или несвоевременного вторжения в его личное пространство. В формуле извинения со стороны отвечающего эксплуатируется следующая импликатура дискурса, основанная на предположении о взаимном соблюдении участниками коммуникации принципа вежливости — ‘Прежде чем продолжать речевое взаимодействие, я хочу принести свои извинения за вторжение в ваше личное пространство, так как этого от воспитанных и культурных людей требуют правила хорошего тона’;

— *Папаша, ты нынче, кажись, о мире не говорил? Как оно там? не слыхать ничего? //* **— *Глупец!*** (НКРЯ — Ф. Д. Крюков. Ратник // «Русские записки», 1915). — Здесь мы видим обобщающую негативно-оценочную реакцию отвечающего не на вопрос, а на ментальную характеристику задающего вопрос. Во внешне алогичном и несогласованном с вопросом ответе содержится нетривиальная информация, которая выводится в виде следующей импликатуры дискурса на основе предположения о кооперативности данного речевого взаимодействия (инициатор, по мнению отвечающего, способен к нестрогим умозаключениям и может самостоятельно вывести непрямо сформулированные смыслы, расшифровать намек) — ‘Задавать такие вопросы в

такой ситуации, когда надо думать совсем о другом, неуместно, бессмысленно и глупо → Я не хочу, чтоб ты задавал мне такие вопросы → Если ты не понимаешь этого, ты глупый'.

— *Что тебе надо? — спросила Агриппина. // — А* ***что тебе надо****?* (НКРЯ — Иржи Грошек. Легкий завтрак в тени некрополя (1998)). — Здесь из производящего впечатление тавтологического речевого взаимодействия выводится в качестве импликатуры дискурса следующая нетривиальная информация — реакция недовольства отвечающего содержанием и формой обращенного к нему вопроса: 'Ты не лучше и не выше меня → Ты не можешь меня спрашивать о моих намерениях, пока не рассказал мне о своих намерениях, → У тебя нет такого права, с моей точки зрения'.

В целом во всех рассмотренных случаях регулятивная функция осуществляется целиком и полностью за счет прагматики речевого взаимодействия, минуя содержание инициальных и реактивных реплик в составе вопросно-ответного единства.

3.2.2. Вопросно-ответные единства метакоммуникативного типа

Под метакоммуникативным типом понимается реакция «выхода на метауровень», когда отвечающий реагирует не на коммуникативную направленность или пропозициональное содержание вопроса, а на саму словесную форму вопроса, т.е. вербализует тем или иным образом само речевое событие обращенного к нему вопроса или способ говорения. В таких ответных репликах обязательно либо содержится эксплицитное указание на вопрос (лексемы с семантикой 'вопрос' или 'спросить / спрашивать') или на ответ (лексемы с семантикой 'ответить / отвечать' или 'ответ', либо имеются другие лексемы, в свое толкование включающие смысловой компонент 'говорить' / 'спрашивать' на имплицитном уровне.

Ниже мы рассмотрим вопросно-ответные единства метакоммуникативного типа, в которых эксплицитно или имплицитно актуализованы речевые стратегии «выхода на метауровень» посредством вербализации в ответной реплике: (1) иллокутивной силы вопросительной инициальной реплики; (2) иллокутивной силы ответной реактивной реплики; (3) акта вступления в диалогическое взаимодействие, т.е. самого факта говорения со стороны инициатора диалога.

(1) Вопросно-ответные единства метакоммуникативного типа, актуализованные посредством вербализации в ответной реплике иллокутивной силы вопросительной инициальной реплики включают в эксплицитной или имплицитной форме смысловые компоненты ‘спрашивать / спросить’, ‘вопрос’ и пр.: **—** *Как дела? //* **— *Ты спрашиваешь, как у меня дела****?** *Это как у тебя дела, с таким сильным приворотом?* (НКРЯ — Ю. И. Андреева. Многоточие сборки (2009)).

По мнению Т.Б. Радбиля, в ситуации диалогического вопросно-ответного взаимодействия метакоммуникативного типа существует ряд типизированных идиоматичных ответных реплик (*Спрашиваешь; И не спрашивай; Он еще спрашивает* и под.), которые присущи именно русским моделям коммуникации [Радбиль 2017]: будучи произнесенными с определенным просодическим контуром, они всегда выражают достаточно сложные межличностные отношения между спрашивающим и отвечающим.

Так, в типизированной ответной реплике *Спрашиваешь* отражена реакция отвечающего на запрос самоочевидной для говорящего и отвечающего информации: **—** *Ты хочешь передо мной оправдаться, а заодно и вылечиться? //* **— *Спрашиваешь***... (НКРЯ —-Ярослав Кудлак. Симбиоз // «Наука и жизнь», 2009).

В таких случаях можно говорить об «усилении» положительного ответа, включающем, помимо всего прочего, в набор имплицируемых смыслов еще и ироническую реакцию отвечающего на самоочевидность положительного ответа, а также, возможно, и косвенный упрек в отношении инициатора

диалога — в том, что он якобы не понимает таких элементарных вещей, в необязательности его инициальной реплики (в пустословии) и пр.: **—** *Разве ты этого не хочешь? //* **— *Спрашиваешь***! (НКРЯ — Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)).

Национально обусловленный характер подобных реакций, по мнению Т.Б. Радбиля, отражен в следующей импликатуре: ‘Ты спрашиваешь о таких простых вещах, значит, ты знаешь ответ сам, значит, ты ждешь от меня не буквального ответа, а чего-то другого’ [Радбиль 2017: 130]: **—** *Пойдешь? //* **— *Спрашиваешь***! *// Эви хотел подняться, но она схватила его за руку…* (НКРЯ — Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)).

С другой стороны, в определенных ситуациях возможно и альтернативное прочтение данного взаимодействия в рамках **принципа Вежливости** Дж. Лича [Leech 1983]: подобная реплика может выполнять контактоустанавливающую функцию: — *Так ты идешь с нами или нет? //* — ***Спрашиваешь***… ***Конечно, иду*** (СНЯ). — Ответные реплики подобного рода способствуют созданию атмосферы доверительности, эмпатии, особой эмоциональной близости говорящего и адресата, что характерно для национально обусловленных моделей диалогической коммуникации.

Разновидностью подобных типизированных ответных реплик являются их осложненные варианты с вопросительными словами *почему, зачем, чего* (в простор. = *почему*) и пр.:

— *Я думал, ты… шутил тогда… Есть будешь? //* **— *Чего спрашиваешь***? *Налейте человеку… давай…* **—** *радовался Поваренок.* **—** *Вот, в кружку лей…* (НКРЯ — Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013);

— *Ба, а когда я умру? //* **—** *Почему ты об этом* ***спрашиваешь***? (НКРЯ —Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000).

В ряде случаев отвечающий в ответной реплике выражает еще и дополнительную имплицитную информацию — свое недоумение или недовольство, что данный вопрос обращен именно к нему (для таких случаев ха-

рактерно обязательное включение местоимения I л. ед.ч с эмфатическим рематическим выделением):

— *Кто это может быть? — говорит Лидия Тимофеевна. //* — ***Ты <u>меня</u> спрашиваешь****? — отвечает Елена Николаевна. — Только не надо на меня так смотреть* (НКРЯ — Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001));

— *Профессор, Степан Борисыч, где?* — ***Ты <u>у меня</u> спрашиваешь****? — огрызнулась Маруся* (НКРЯ — Полина Волошина, Евгений Кульков. Маруся (2009));

— *Или я крайний?! //* — ***Чего ты <u>у меня</u> спрашиваешь****? — начальник УР по-прежнему смотрел в сторону. Было видно, что он чувствует себя неловко* (НКРЯ — Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но… (2011)).

Другой аспект диалогического вопросно-ответного взаимодействия метакомуникативного типа в рамках национально обусловленных речеповеденческих стратегий отражен в типизированной ответной реплике *И не спрашивай: — Трудно тебе пришлось? //* — ***И не спрашивай*** (СНЯ). — Здесь на формальном уровне ответная реплика побуждает к несовершению уже совершенного речевого действия — вопроса. Это, естественно, в режиме буквальной интерпретации является противоречием, что порождает импликатуру дискурса, сформулированную в работе Т.Б. Радбиля следующим образом: ‘Ты спрашиваешь о вещах, информация о которых тебе на самом деле не важна, ты спрашиваешь из вежливости. Я не хочу, чтобы ты спрашивал таким образом. Но я хочу, чтобы ты каким-то образом узнал о моих неблагоприятных обстоятельствах, понял их сам, зная меня, и проявил сочувствие’ [Радбиль 2017: 131].

Однако чаще всего в режиме небуквальной интерпретации типизированная ответная реплика *И не спрашивай* служит своеобразным утверждением — эмоциональным подтверждением правоты говорящего. Поэтому, как правило, вслед за ней в ответе идет какая-либо разъясняющая или уточняющая информация:

— *А кто у нее родные? //* ***И не спрашивай****. Мать в детской комнате милиции работала. С уголовниками и проститутками* (НКРЯ — Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011));

— *Ну, как дела на работе? //* ***— И не спрашивай****. Начальник хочет, чтобы мы работали за троих, хорошо еще, что нас пятеро!* (НКРЯ — Коллекция анекдотов: работа (1990-2000));

— *И что же у вас случилось? // — Ах, лучше* ***и не спрашивай****! Большая черная полоса… Генка называл это стрелой…* (НКРЯ — Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985)).

Признаком именно русских моделей коммуникации является то, что, прежде чем сообщить требуемую информацию, отвечающий должен как-то установить определенные отношения со спрашивающим в духе уже рассмотренной выше установки на эмпатию [Вежбицкая 1997], на сохранение доверительности общения, на то, что истинное общение предполагает понимание того, что не сказано прямо, так как основано на предполагаемом или имплицируемом «родстве душ». Не случайно подобные типизированные ответы *Спрашиваешь* и *И не спрашивай* едва ли возможны в общении между малознакомыми людьми или в общении, имеющем хоть какой-нибудь элемент официальности.

Схожие функции в фатическом диалогическом взаимодействии выполняет типизированная клишированная ответная реплика *О чем / чего тут спрашивать*, которая, как правило, является косвенно-речевой формой выражения эмоционально-значимого согласия или подтверждения:

— *Так позволишь? //* ***— О чем тут спрашивать****! — улыбнулся граф* (НКРЯ — Н. Э. Гейнце. Дочь Великого Петра (1913));

— *Что мне прикажете теперь делать? //* ***— О чем тут спрашивать****? Отказ да и только! Беды великой нет!* (НКРЯ — А. О. Корнилович. Андрей Безыменный (Старинная повесть) (1832));

— Чай станешь пить или закусить чего хочешь? // ***— Чего тут спрашивать*** *еще! Вели-ка, брат, лучше, мать, всего понемножку изладить* (НКРЯ — И. В. Омулевский. Шаг за шагом (1870)).

Во всех этих случаях отвечающий, с одной стороны, выражает мысль о неуместности или самоочевидности вопроса в подобной ситуации, а с другой — данная неуместность заставляет его выводить импликатуру дискурса ‘перед ним не вопрос — а сообщение благоприятной информации для отвечающего или побуждение его к чему-то благоприятному’, что и вызывает положительную ответную реакцию подтверждения или согласия.

Тот же сложный комплекс имплицитных смыслов, но в еще более акцентированном, эмоционально-усиленном регистре, выражает типизированная ответная реплика *Что за вопрос*:

— *Половим ещё, правда? //* ***— Что за вопрос****!* (НКРЯ — Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961);

— Я могу воспользоваться услугами вашей секретарши? // ***— Что за вопрос****! — как бы с негодованием отводя любое другое решение, взмахнул рукою торгпред* (НКРЯ — Давид Маркиш. Стать Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // «Октябрь», 2001);

— *Вы бы отправились в кругосветку на парусном корабле? //* ***— Что за вопрос****?! Хоть сейчас* (НКРЯ — Андрей Понкратов, Илья Кашницкий. «Не хотеть побывать в Конго немыслимо!» // «Зеркало мира», 2012).

Здесь отвечающий в косвенной форме выражает согласие или подтверждение (*Что за вопрос! = Конечно*). Для этих, как и для рассмотренных ранее случаев, можно сформулировать примерно следующую логику вывода импликатуры дискурса: ‘Ты на самом деле знаешь ответ → На самом деле тебя не интересует ответная информация → Ты не спрашиваешь → Ты хочешь, чтобы я это понял → Я понимаю, что ты высказываешь интересную для меня мысль или делаешь благоприятное для меня предложение → Я согласен → Я своим ответом даю тебе понять, что я понял истинный смысл

твоего вопроса и правильно оценил ситуацию речевого взаимодействия в целом, а также что я испытываю по этому поводу положительные эмоции’.

Еще одна типизированная ответная реплика *Он еще спрашивает* имеет потенциальную направленность на некооперативную коммуникацию, на речевой конфликт: **—** *Кто? //* **— *Он еще спрашивает!*** (НКРЯ — Евгений Лукин. Клопики (2013)).

Подобные ответные реплики квалифицируются в работе М.Ю. Федосюка «“Стиль” ссоры» как приемы, эмоциональное воздействие которых обусловлено особенностями речевого поведения говорящего: в их число, в частности, входит обозначение собеседника местоимением не 2-го, а 3-го лица, когда «партнер по диалогу как бы демонстративно игнорируется, к нему относятся так, будто его нет» [Федосюк 1993: 18-19]. В основном таким образом передается негодование или возмущение неуместностью вопроса или его самоочевидностью:

— Лучше скажи: зачем ты помогала Вике увезти этого художника? // **—** *И* ***он еще спрашивает****?!* **—** *Света с деланным возмущением приподнялась на кровати* (НКРЯ — Анатолий Мельник. Авторитет (2000))

— *Почему? //* **— *Он еще спрашивает****! Ну, тогда извини! У меня терпение не безграничное, особенно на мужчин!* (НКРЯ — Алексей Слаповский. Синдром Феникса // «Знамя», 2006).

Это может в режиме косвенного речевого акта выражать и речевой акт упрека: **—** *Ты что, Дмитрий?! //* **— *Он еще спрашивает*** **—** *что?* **—** *послышалось сзади.* **—** *Постыдился бы* (НКРЯ — Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003)]).

Однако экспрессивный потенциал подобных типизированных реплик может реализовываться и в противоположных по вектору речевых стратегиях, а именно — в рамках коммуникативного сотрудничества, когда ответ выступает как эмоционально значимое подтверждение позитивных ожиданий отвечающего: **—** *Ты хочешь меня видеть? //* **—** *Господи,* ***он еще спрашивает****! Когда?* (НКРЯ — Елена Белкина. От любви до ненависти (2002)).

В этих случаях и сам инициальный вопрос косвенно выражает сообщение или побуждение: — *Ну что, пойдешь за меня?* // **— Он еще спрашивает**! *Я тебя так ждала, так ждала! И мама с отцом тоже* (НКРЯ — Андрей Житков. Супермаркет (2000)). — Здесь в инициальной реплике в форме вопроса косвенно выражается побуждение-предложение ‘Выходи за меня замуж’, а в ответе выражено акцентированное эмоционально-значимое для отвечающего согласие.

Сложный комплекс эмоциональных реакций отвечающего, как правило, негативного характера на неуместность и / или самоочевидность вопроса отражен в типизированных репликах *Ну ты спросил* или *Что еще спросишь*:

— *Это все?* // **— *Ну*, *ты спросил***. *Вещи, может, какие и были, только на что они годятся* **—** *все в крови да в дырках* (НКРЯ — Евгений Прошкин. Механика вечности (2001));

— *Ну, как вы вчера? Поздно закончили?* // ***Еще что спросишь?*** (СНА).

В таких случаях мы можем предполагать идиоматичным образом выраженное нежелание продолжать коммуникацию и, возможно, скрытый упрек в неуместности подобного вопроса в данной ситуации или в его самоочевидности, что потенциально нарушает кооперативность диалога.

Также весьма распространенной разновидностью вопросно-ответных единств метакоммуникативного типа являются случаи, когда в ответной реакции, вместо предоставления запрашиваемой информации, актуализуется оценка самого качества вопроса, с точки зрения отвечающего.

Это может быть общая эмоциональная оценка:

— *Поедемте, но что ж я буду там делать?* // **—** *Вот* ***прекрасный вопрос****?* (НКРЯ — А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея (1848);

— *Какими словами вы бы встретили своё рождение?* // **— *Интересный вопрос*** (НКРЯ — Эльвира Савкина. Если впрягаюсь, то основательно // «Дело» (Самара), 2002.05.03).

Это может быть ментальная или эпистемическая оценка и т.д.:

— *Есть повод? //* — *Очень* ***глупый вопрос*** (НКРЯ — Виктор Пронин. Банда 8 (2005));

— *Зачем? //* — *Абсолютно* ***глупый вопрос****! Все-таки центр есть центр. Престижная должность* (НКРЯ — Дарья Данилова, Дмитрий Карцев. Вышел в дамки // «Русский репортер», 2013).

В случаях, если вопрос представляет реальную проблему для отвечающего, после экспликации его проблематичности в ответной реплике может следовать разъяснение:

— *Стоит ли ждать серьезной борьбы от ваших встреч на турнире в Дортмунде? //* — *Очень* ***трудный вопрос****. Так получилось, что мы попали в одну отборочную группу* (НКРЯ — Евгений Атаров, Олег Стецко. Переворота в моей душе не будет // «64 — Шахматное обозрение», 2004.07.15);

— *А как бы вы определили энергетику архитектора Уборевича-Боровского? //* — ***Трудный вопрос****. Энергетика накладывается на умение отделить зерна от плевел, понимание того, что глаз человека воспринимает положительно и что — отрицательно, образование и интеллигентность* (НКРЯ — Философия элитарности // «Мир & Дом. City», 2004.06.15).

Все случаи подобных оценочных реакций вписываются в систему национально обусловленных речевых стратегий в диалоге, когда отвечающему, прежде чем предоставить какую-либо информацию, важно, так сказать, навести мосты, установить речевой контакт со спрашивающим, охарактеризовав его манеру говорить в плане установки на налаживание коммуникативного сотрудничества.

(2) Вопросно-ответные единства метакоммуникативного типа, актуализованные посредством вербализации в ответной реплике иллокутивной силы самой этой ответной реплики (вместо содержательного ответа) включают в эксплицитной или имплицитной форме смысловые компоненты ‘отвечать / ответить’, ‘ответ’ и пр.: — *И где? //* — ***Извольте, Вика, отвечу*** (НКРЯ — Сергей Носов. Грачи улетели (2005)).

Коммуникативные намерения отвечающего в этих случаях, как правильно, связаны с подчеркиванием, акцентированием установки на диалог посредством экспликации речевого сигнала начала ответной реплики: — *А вы будто бы меньше министра в расчет не принимаете? // —* ***Позвольте, я отвечу на этот вопрос****, — вдруг вмешался Елисеев* (НКРЯ — А. Макеев, Н. Леонов. Ментовская крыша (2004)).

Иногда экспликация ответного перформатива *отвечу / отвечаю* связана с метаязыковой функцией организации отвечающим собственного дискурса: — *Как выглядит ваша работа, кто генератор идей?* ***— Сначала отвечу на последний вопрос****. Безусловно, у нас есть основные генераторы творческих идей, но мы стараемся участвовать в развитии идей все вместе — у нас сработавшийся творческий коллектив, связанный единой идеологией и едиными ценностями* (НКРЯ — Светоносная архитектура // «Мир & Дом. City», 2004.06.15).

Также вербализация иллокутивной силы ответ на вопрос может выступать в режиме косвенной коммуникации как речевой акт акцентированного подтверждения, за счет импликатуры дискурса ‘Ты сам знаешь ответ на свой вопрос и ждешь от меня не предоставления запрашиваемой информации, а подтверждения или согласия’:

— *Ты уверен? // —* ***Мой ответ тебе известен****, — глядя* в *стену*, *сказал Арс* (ИМ — URL: http://books.rusf.ru/unzip/add-on/xussr_av/bilen 030. htm?1/2);

— *Неужели ты не понимаешь, что твой удачный случай послан судьбой для меня, а не для тебя? //* ***— Вы слышали мой ответ*** (НКРЯ — А. С. Грин. Дорога никуда (1929)).

В обследованном материале имеются многочисленные случаи ответной вопросительной реакции, включающей лексемы с компонентом ‘отвечать / ответить’. Это может быть псевдо-тавтологическое вопросно-ответное единство: — *Что же вы не отвечаете? //* ***— Что мне отвечать****? Мой паспорт у вас, посмотрите в нем мое имя!* (НКРЯ — Н. А. Морозов. Повести моей

жизни/ Дни испытания (1912)). — Здесь отвечающий в режиме небуквальной косвенной интерпретации выражает мысль о том, что ответ на самоочевидный вопрос невозможен с точки зрения здравого смысла или по тем или иным причинам нежелателен для него.

Иногда вопросительный ответ с компонентом ‘ответить / отвечать’ маркирует идею затрудненности в предоставлении запрашиваемой информации: **—** *Юрий Васильевич, есть ли у союза связи с военными структурами? //* **—** ***Что можно ответить*** *на этот вопрос? И да, и нет* (НКРЯ — А. Беликов. Союз жив **—** Союз будет жить // «Военный вестник Юга России» (Ростов-на-Дону), 2003.10.03).

Также указанная затрудненность и даже объективная невозможность дать ответ может выражаться негативными конструкциями с лексемами типа *отвечать*, *ответить, ответ* и пр.:

— Грен? Иквуд? Орира? ***— Я не отвечу,*** **—** сказала Бертиль (НКРЯ — Лукьяненко Сергей. Бхеда (2014)).

— И что произойдет с этими компаниями? // — ***У меня нет ответа*** .(НКРЯ — Андрей Илларионов: Содержание реформы важнее ее темпов // «Российская газета», 2003.09.15).

Помимо объективной невозможности дать ответ, негативные конструкции подобного типа выражают и субъективное нежелание отвечающего предоставить запрашиваемую информацию: **—** *А ты с чем живешь? //* **—** *Я тебе на это* ***не отвечу****...* (НКРЯ — Владимир Орлов. Альтист Данилов (1980)).

Также в таких конструкциях может отражаться и негативная реакция отвечающего на самоочевидность запрашиваемой информации: — *Почему ты молчишь? //* **—** *Мне* ***нечего ответить****. Если ты до сих пор не поверила в мое чувство, к чему слова?* (НКРЯ — А. Н. Вербицкая. Ключи счастья (1909)). — В таких случаях мы можем увидеть и скрытый упрек в том, что спрашивающий не настроен на одну волну с отвечающим, не способен пони-

мать его без слов, т.е. в отсутствии душевной близости, что важно в системе национально обусловленных речеповеденческих установок .

(3) Вопросно-ответные единства метакоммуникативного типа, актуализованные посредством вербализации в ответной реплике акта вступления в диалогическое взаимодействие, т.е. самого факта говорения со стороны инициатора диалога, включают в эксплицитной или имплицитной форме смысловые компоненты ‘говорить / сказать’, ‘речь’ и пр.

Ответные реплики в вопросно-ответных единствах подобного типа также весьма разнообразны по своей иллокутивной силе, как правило, выражаемой имплицитно и сопровождаемой соответствующей интонацией. Но их объединяет установка отвечающего на установление контакта, которая выражена импликатурой дискурса —‘я настроен продолжать разговор, даже если содержание твоих слов я считаю неуместным или неправильным’, выводимой из экспликации самого факта вступления спрашивающего в коммуникацию, посредством речевой тактики «выхода на метауровень»: **—** *Что тебе надо? //* **—** *И это все,* ***что ты можешь мне сказать****?* (НКРЯ — Татьяна Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)).

Обычно в таких случаях мы имеем дело с эмоциональным возражением отвечающего по поводу коммуникативной направленности или пропозиционального содержания инициальной реплики:— *Я думаю… Может, мы его поменяем? Пока мало времени прошло? // —* ***Как ты можешь так говорить****? Ты вез этого несчастного котенка три часа, так что он почти опьянел от качки* (НКРЯ — М.С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010)).

Часто вербализация самого факта вступления спрашивающего в коммуникацию отражает эмоциональную негативную реакцию отвечающего на ситуационную неуместность, прагматическую неоправданность или несвоевременность вопроса: — *Вот слушай. Ты, конечно, думаешь, что я обыкновенный жалкий эмигрант. Неудачник с претензиями. Как говорится, из бывших?.. // — Ну вот, опять...* ***Зачем ты это говоришь?*** (НКРЯ — Сергей Довлатов. Филиал (Записки ведущего) (1988)).

Если при этом вербализована позиция адресата (*мне*) в рематической функции, то возникает дополнительная импликатура — ‘Я здесь и сейчас не настроен это слушать’: — *Сопровождающей, значит? // Отец запнулся. // Они напряжённо помолчали, и вдруг он взорвался: —* ***Что ты <u>мне</u> это говоришь****?* (НКРЯ — Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)).

Вербализация позиции адресата местоимением *кому*, косвенно подразумевающем ‘мне’ делает акцент на том, что именно отвечающему сообщаемая информация известна: — *Она женщина опасная, ты знаешь это? //* ***— <u>Кому</u> ты это говоришь****? —* *сказал он.* ***—*** *Я это очень хорошо знаю* (НКРЯ – – Г. А. Газданов. Эвелина и ее друзья (1968)).

Указанная негативная эмоциональная реакция при выражении возражения может распространяться и на негативное отношение к спрашивающему в целом: ***—*** *Quelle idee!.. В статистки?.. //* ***— Ты не можешь так говорить, Ника*** (НКРЯ — П. Д. Боборыкин. Китай-город (1882)).

Возражение или несогласие косвенно выражается также идиоматичной конструкцией *Скажешь тоже*, которая фактически превратилась в междометийную и близка по смыслу и функции обычному *Нет*, точнее, усилительному *Нет, конечно*:

— *Не деревенские, не городские, не бомжи. Ангелы небесные? //* ***—*** *Оптать,* ***скажешь тоже****.* ***—*** *Коля задумался* (НКРЯ — Виктор Мясников. Водка (2000));

— *Так ты один? //* ***— Скажешь тоже****!* (НКРЯ — Виктор Шендерович. Ход реформ // «Общая газета», 1995.07.26);

— *Ты что, бывал там? //* ***— Скажешь тоже****! Кто ж меня туда пустил? Краем уха слышал* // (НКРЯ — Виктор Доценко. Срок для Бешеного (1993)).

Помимо выражения разных регистров эмоционально-окрашенного возражения или несогласия, ответные реакции, эксплицирующие сам факт говорения, могут, напротив, использоваться для выражения экспрессивного подтверждения позиции спрашивающего. Это касается такой типизированной

идиоматичной конструкции, как *Что (о чем) тут говорить*: — *Что теперь скажешь? — спросил его Праву. // —* ***Что тут говорить!*** *— весело ответил Коравье* (НКРЯ — Юрий Рытхэу. В долине Маленьких Зайчиков (1962)).

Иллокутивная сила подтверждения может эксплицироваться в продолжении реплики, уточняющем позицию отвечающего: — *Что скажешь? //* — ***А что тут говорить****? Америка — это тебе не Сиверская. Только дурак откажется* (НКРЯ — Нина Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001).

С помощью этой конструкции также может осуществляться общая оценка ситуации как не предполагающей дальнейшей коммуникации: — *Почему? //* — ***Ну что тут говорить****... Я закурю?* (НКРЯ —Виктор Пронин. Банда 8 (2005));

В этом случае выводится импликатура дискурса, связанная с наличием душевной близости и взаимопонимания участников речевого взаимодействия, которым и так все ясно без слов, что характерно именно для национально обусловленных моделей коммуникации: — *А что доктор говорит? — спросил Карась. //* — ***Да что тут говорить. Говорить более нечего****, — просипел Мышлаевский* (НКРЯ — М. А. Булгаков. Белая гвардия (1923-1924)).

Эмоциональное подтверждение, в том числе — «молчаливое» согласие на основе взаимопонимания между спрашивающим и отвечающим, выражает еще одна, близкая по функциям к эмоционально-экспрессивной частице и даже междометию идиоматичная конструкция *И не говори*: — *Что ж, отказали вам? — спросил я, заранее зная ответ. //* — ***И не говори!*** *— огорченно воскликнул он* (НКРЯ — Юрий Казаков. Арктур — гончий пес (1957)).

Иногда она может сопровождаться дальнейшей экспликацией, объясняющей или усиливающий иллокутивную силу подтверждения или согласия, имплицитно выраженную данной конструкцией:

— *Наши, насколько я понял, тоже не с лучшей стороны себя выказали? //* — ***И не говори****! Семья с ног сбилась, названивают по всем инстанциям,*

а эти голубчики сидят себе и не чешутся (НКРЯ — Еремей Парнов. Александрийская гемма (1990));

— *Послушай, а твоя мать не рассердится, если увидит тебя в этом одеянии? //* — *Ой,* ***и не говори****! Конечно, рассердится, ведь это ее купальник* (НКРЯ — Коллекция анекдотов: сексопатологи (1970-2000));

— *А ведь вы были рады, дядюшка? //* — ***И не говори****. Стыдно вспомнить. Что мы потеряли!* (НКРЯ — П. Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (книга 2) (1922)).

Примерно те же прагматические эффекты имеет использование синонимичной типизированной вопросительной ответной конструкции *Что тут обсуждать?* и ее невопросительного отрицательного аналога *Нечего тут обсуждать*:

- выражение согласия: — *Желание странствовать не профессия, а склонность души. Она или есть, или ее нет. У кого есть, тот уж изменить не может. У кого нет, тому незачем. Как считаешь? //* — ***Что тут обсуждать-то****! Так и есть,* — *согласился я* (НКРЯ — О. М. Куваев. Дом для бродяг (1970));

- выражение отказа от дальнейшей коммуникации в силу наличия взаимопонимания между участниками диалога («молчаливое» обоюдное согласие): — *Хорошо, Федор Федорович, я зайду утром, обсудим? //* — ***Нечего тут обсуждать*** (НКРЯ — Олег Павлов. Казенная сказка (1993)).

Аналогичные иллокутивные функции невозможности продолжать коммуникацию в силу обоюдной самоочевидности информации, которой обмениваются участники диалога, или ее прагматической неуместности в данной ситуации — выражаются еще одной, синонимичной предыдущим, типизированной идиоматичной ответной репликой *Что я могу сказать*:

Что скажешь? — *спросил генерал, когда Люсин отбросил листок. //* — ***А что я могу сказать?*** — *Внутренне напрягаясь, он пытался унять расходившееся сердце* (НКРЯ — Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985));

— И ты, — почти закричала Тетя, — ты ему ничего не говоришь? Про то, что все видишь? // — ***А что я могу сказать?*** *Что, Маринка?* (НКРЯ — Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012).

У данной конструкции есть еще и добавочные функции:

- выражение затруднений отвечающего в предоставлении запрашиваемой информации: **—** *Почему он жег документы? //* ***— Что я могу сказать****? — снова пожал плечами психолог. — Надо вести его в Петербург — там, во всеоружии, попробуем разобраться* (НКРЯ — Вячеслав Рыбаков. Гравилет «Цесаревич» (1993));

- выражения отсутствие заинтересованности отвечающего в предоставлении запрашиваемой информации: **—** *У нее отрицательное обаяние, — словно поймав мою мысль, объяснил Николай Сергеевич. — Как считаешь, Макс? //* ***— Что я могу сказать****... — отозвался Борисов* (НКРЯ — Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998-2004)).

Следует отметить, что далеко не всегда нежелание продолжать коммуникацию и тактика ухода от темы вызваны установкой на коммуникативное сотрудничество на основе взаимопонимания. В ряде случаев экспликация в ответной реплике самого факта говорения может иметь манипулятивный характер — отвечающий не желает обсуждать острые темы или свое, возможно, неподобающее поведение: *— Ты опять нарушаешь нашу договоренность? //* ***— Да стоит ли об этом говорить?*** (СНА).

В ряде случаев мы можем говорить и о конфликтной коммуникации, когда отвечающий по тем или иным причинам выражает негативную эмоциональную реакцию на слова спрашивающего: *— Ты машину покупаешь? //* ***— Кто тебе сказал****?* (НКРЯ — Ю. В. Трифонов. Долгое прощание (1971)).

Это может быть агрессивное возражение: **—** *А это правда, будто Федул оживляет чучела? //* ***— Кто тебе сказал эту чушь?*** (НКРЯ — Виорель Ломов. Музей // «Октябрь», 2002).

Это может быть агрессивное возмущение: *— А что это ты на мое место уселся? //* ***— Что-что ты сказал?!*** (СНА).

Во всех рассмотренных случаях, на наш взгляд, реализуется национально обусловленная модель речевого взаимодействия — модель выяснения отношений на повышенных тонах.

В целом отметим, что реальные ситуации диалогического взаимодействия могут быть настолько сложно организованными и непростыми для анализа, что мы не для каждого случая можем четко разграничить регулятивную и метакоммуникативную функции. Бывает, что некоторые вопросно-ответные единства выполняют обе функции синкретично. В частности, это, на наш взгляд, характерно для выделяемой нами особой группы вопросно-ответных единств, которые мы условно именуем «псевдо-тавтологическими». Их анализу посвящен следующий подраздел 3.2.3 второго раздела данной главы.

3.2.3. Псевдо-тавтологические вопросно-ответные единства как синтетическая функциональная разновидность фатической диалогической коммуникации

Под псевдо-тавтологическими фатическими диалогическими единствами понимаются единства, в которых ответная реплика на внешнем, языковом уровне либо повторяет (полностью или частично) какой-либо словесный фрагмент предыдущей реплики, либо отражает какой-либо иной вид языковой избыточности, но при этом на уровне импликатур дискурса выводится нетривиальная информация: — *Ты* ***откуда*** *здесь взялся? //* — ***Оттуда****...* (СНА). Именно это позволяет нам говорить о синкретизме функций в фатических вопросно-ответных единствах подобного рода, т.е. о совмещении регулятивной и метакоммуникативной функций: — ***Куда*** *ты собрался? //* — *Да все* ***туда*** *же…*: (СНА).

С одной стороны, на внешнем уровне здесь можно видеть ответную реакцию **метакоммуникативного типа**, так как отвечающий реагирует на форму, на словесное наполнение инициального вопроса (*откуда* → *оттуда;*

куда → туда), осуществляя своего рода «передразнивание», т.е. так или иначе учитывает сам способ говорения со стороны спрашивающего в своей ответной реплике и воспроизводит его в преобразованном виде.

С другой стороны, в двучленных диалогических единствах подобного типа за эксплицитной тавтологичностью содержится имплицитная нетривиальная информация о состоянии отвечающего и о его отношении к ситуации в целом, к речевому акту инициатора, оценка уместности вступления в коммуникацию и пр., что выводится в качестве импликатуры дискурса (анализ подобных тавтологий — см. в работе [Булыгина, Шмелев, 1997]), т.е., по сути, мы все же имеем дело с ответной реакцией **регулятивного типа**:

— *Ну ты* ***идешь****, что ли? //* — *Да* ***иду, иду*** *уже…* (СНА). — Здесь в виде импликатуры дискурса выводится выражение раздражения как ответной реакции на тривиальность вопроса или на его несвоевременность, по мнению отвечающего.

Диалоги подобного типа, на наш взгляд, имеют значительную долю идиоэтничности, национальной обусловленности, они распространены в речевой практике носителей русского языка, и заложенные в них культурные коды легко прочитываются и воспроизводятся носителями языка. В подтверждение этому приведем пример из работы Д.Б. Гудкова. В одном из кинофильмов, которые смотрела группа американских студентов, был представлен следующий диалог между мужем и женой: — *Почему* ***ты не спишь****? //* – – *Что-то* ***не спится***. Американцы восприняли вторую реплику как совершенно тавтологичную (‘Почему ты не спишь?’ // ‘Потому что я не сплю’), что в данной коммуникативной ситуации было квалифицировано как грубость и отказ продолжать разговор [Гудков 2003: 220]. Но для носителя русских культурных кодов, при кажущейся со стороны тавтологичности, в ответе, в его имплицитном компоненте, содержится значимая для участников диалога, нетривиальная информация о невербализуемых и не вполне осознаваемых причинах состояния адресата (отражение идеи «непредсказуемости

мира», неконтролируемости человеком внешних событий и внутренних состояний и пр. [Вежбицкая, 1997; Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005 и др.]).

В нашем материале также широко представлены подобные псевдо-тавтологические вопросно-ответные единства. Правда, здесь следует сделать одну оговорку. Не все случаи разного рода повторов, перекличек реплик и их паронимических сближений в диалоге относятся к тавтологическим (т.е. к псевдо-тавтологическим). Так, на наш взгляд, не являются тавтологическими (даже с префиксом *псевдо*-) вполне обычные полные ответы на общий вопрос типа: — *Ты пойдешь завтра на лекции? // — Да, я пойду завтра на лекции* (СНА). — Конечно, здесь тоже имеется определенная коммуникативно-прагматическая избыточность (в норме в живой разговорной речи мы все же чаще услышим сокращенный ответ *Да* или *Пойду*). Но все же, несмотря на повтор, перед нами не фатическая, а информативная коммуникация, причем прагматическая согласованность реплик здесь также вполне ожидаемая (в ответе на вопрос отвечающим предоставляется запрашиваемая говорящим инофрмация), т.е. здесь нет тавтологии.

К тавтологическим (псевдо-тавтологическим) вопросно-ответным единствам мы относим лишь такие, которые выступают на формальном уровне как **неинформативные** (избыточные или бессмысленные), т.е. такие, в которых интерпретация того, что эксплицитно сказано в диалоге, возможна лишь при обращении к имплицитным смыслам (пресуппозициям, импликациям, условиям успешности, импликатурам дискурса и под.), к контексту и ситуационному фону, к фонду общих знаний о мире и о ситуации говорящего и слушающего и пр., например: — *Ну, ты пойдешь? // — Пойду!* Также к тавтологическим (псевдо-тавтологическим) единствам отнесем случаи полных и частичных повторов, при которых стандартная иллокутивная зависимость (типа «вопрос — «ответ») по тем или иным причинам нарушена, например, ответ вопросом на вопрос: — *Ты пойдешь завтра на лекции? // —* ***Я пойду завтра на лекции*****?** (с определенной просодией).

Именно в силу того что в эксплицированной форме представлено недостаточное количество информации и основная нагрузка ложится на имплицитный фон, не всегда можно точно квалифицировать, к регулятивным или метакоммуникативным фатическим вопросно-ответным единствам относятся подобные случаи: поэтому мы предпочитаем говорить о совмещении функций, о синкретизме.

По интенциям спрашивающего и отвечающего, по иллокутивным особенностям речевого взаимодействия псевдо-тавтологические вопросно-ответные единства весьма разнообразны и в целом не отличаются от рассмотренных ранее типов вопросно-ответных единств. Поэтому в нашей работе мы подразделяем их по структурно-семантическим и функциональным основаниям. В обследованном материале представлены следующие разновидности фатических псевдо-тавтологических вопросно-ответных единств: (1) ответная реплика по форме соответствует инициальной вопросительной (лексически и / или грамматически, фонетически и пр. типа *куда — туда, кто — что* и пр.); (2) ответная реплика по форме повторяет инициальную вопросительную реплику — полностью или частично. При этом внутри каждого класса имеется подразделение по дополнительному классификационному признаку иллокутивной зависимости (вопрос — ответ и пр.) / независимости (вопрос — вопрос, вопрос — сообщение или побуждение и пр.).

(1) **Псевдо-тавтологические единства с ответной репликой, по форме соответствующей инициальной реплике**:

(а) ***иллокутивно-независимые*** **(**вопрос — вопрос, вопрос — сообщение или побуждение и пр.).

— И зачем тебе меня такую видеть? // ***— А какую я тебя еще могу увидеть?*** (НКРЯ — Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003-2005));

— *Как, и это все?* ***—*** *недоуменно глядя на коробку, спросил посетитель. //* ***— А что еще-то****?* (НКРЯ — Борис Поздняков. Переходящее красное знамя // «Сибирские огни», 2012);

(б) ***иллокутивно-зависимые*** (вопрос — ответ):

— *Как достали? Откуда? // — Откуда, откуда... Да все* ***оттуда*** *же* (НКРЯ — Владимир Тендряков. Не ко двору (1954));

— *Ну что вызывает у вас сомнения? // — Да все* ***то*** *же, — сказал Гуров* (НКРЯ — А. Макеев, Н. Леонов. Ментовская крыша (2004));

— *А почему он их не уничтожил? //* ***— Да потому****!* (НКРЯ — Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но… (2011));

Она вцепилась ему в руку. // — Как? // ***— Да вот так****, — ответил он. // Потом они стояли, молчали, подавленные всем этим…* (НКРЯ — Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978));

— *Что ты видишь, любовь моя? — спросила его шепотом Лис. // — Я думаю,* ***то же, что и ты****, ангел мой, — шепотом ответил Тадам* (НКРЯ — Максим Тихомиров. Национальная демография (2014)).

Все эти случаи объединяет внимание говорящих к фатической стороне коммуникации (так как непосредственное ее содержание либо полагается известным или неважным, либо выводится из контекста или ситуации). Акцент в речевом взаимодействии неизбежно переносится на межличностные отношения участников диалога, на феномен коммуникации как таковой, на такой специфически русский вид речевой деятельности, как *общение* [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005].

(2) **Псевдо-тавтологические единства с ответной репликой, по форме полностью или частично повторяющие инициальную реплику**:

(а) ***иллокутивно-независимые*** (вопрос — вопрос, вопрос — сообщение или побуждение и пр.).

— *Ты мне не веришь? //* ***— Как тебе не верить?*** (НКРЯ — Елена Белкина. От любви до ненависти (2002));

— *Что ты об этом думаешь? //* ***— А что я могу думать?*** (НКРЯ — Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000));

— *Как вы себя чувствуете, Юрий Иванович? // — Ну как вы думаете,* ***как я могу себя чувствовать****?* (НКРЯ — Даниил Гранин. Зубр (1987));

— *Что ты сказал? — Сергей подскочил к Лаптю. //* — ***А что я сказал?*** (НКРЯ — Анатолий Мельник. Авторитет (2000));

— *И что ты сказал?.. //* — ***А что на это скажешь****?..* (НКРЯ — Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990));

— *Что ты хочешь сказать? //* — ***А ты что хочешь сказать?*** — *фыркнула Тилли* (НКРЯ — Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/ Девочки из колодца (2004));

— *Что же вы не отвечаете? //* — ***Что мне отвечать****?* (НКРЯ — Н. А. Морозов. Повести моей жизни / Дни испытания (1912));

— *И не стыдно?! //* — ***Почему же мне должно быть стыдно****?* — *удивился Ёжик* (НКРЯ — Сергей Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969-1981));

— *И зачем тебе это было надо? //* — ***Как зачем?*** (НКРЯ — Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011));

— *А что твой Димка? //* — ***Ну, что Димка?*** (НКРЯ — Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961);

(б) ***иллокутивно-зависимые*** (вопрос — ответ):

— *Правильно кровь остановили? //* — ***Правильно кровь остановили*** (НКРЯ — М.С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010));

— *Что ты хочешь получить взамен? //* — *Я скажу,* ***чего я не хочу получить****, великий хан* (НКРЯ — Борис Васильев. Ольга, королева русов (2002));

— *Это уже интересно. Как полагаешь? //* — ***Так и полагаю****. Затем и Глеба послал* (НКРЯ — Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985));

— *И когда ты перестала надеяться?* // — ***Ну что вы, Федя, я и сейчас надеюсь*** (НКРЯ — Эдвард Радзинский. Старая актриса на роль жены Достоевского (1981));

— *Кого бы ты хотел играть? //* — ***Разве ты не знаешь, кого!*** (НКРЯ – –Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961);

— *Что молчишь? //* ***— Я не молчу****, — ответил Саид* (НКРЯ — Андрей Белозеров. Чайка (2001));

— *А что доктор говорит? — спросил Карась. //* ***— Да что тут говорить. Говорить более нечего****, — просипел Мышлаевский* (НКРЯ — М. А. Булгаков. Белая гвардия (1923-1924)).

Во всех этих случаях говорящие не столько обсуждают объективную содержательную сторону коммуникации (которая по умолчанию им известна или не представляет интереса), а озабочены поддержанием самого процесса речевого взаимодействия, выяснением позиций друг друга, отношения к ситуации или друг к другу, т.е. взаимопониманием.

Особый интерес представляют псведо-тавтологические вопросно-ответные единства, в которых весь основной блок информации представлен в имплицитном виде, а эксплицируются только внешние сигналы диалогического взаимодействия. Полный смысл может быть восстановлен лишь при обращении к контексту, к ситуации и к общему фонду знаний о мире и оперативной памяти участников диалога:

- пример псевдо-тавтологического единства с ответной репликой, по форме соответствующей инициальной реплике: *Она вцепилась ему в руку. // — Как? //* ***— Да вот так****, — ответил он. // Потом они стояли, молчали, подавленные всем этим…* (НКРЯ — Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)). — Здесь большой блок имплицитных смыслов все же может быть выведен в виде импликатур дискурса. Здесь, в частности, мы можем предположить, что отвечающий имеет в виду что-то вроде — ‘Ты и сама все знаешь, потому что мы с тобой думаем и чувствуем одинаково → Твой вопрос неинформативен и означает лишь потребность в коммуникации, в поддержании контакта → Я знаю это, и потому я отвечаю тебе столь же неинформативно, чтобы психологически помочь тебе и показать, что мы на одной волне’;

- пример псевдо-тавтологического единства с ответной репликой, по форме повторяющей инициальную реплику: *— А что твой Димка? //* ***— Ну,***

что Димка? (НКРЯ — Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961). — Здесь полноценная коммуникативная и смысловая интерпретация вопросно-ответного единства также возможна лишь при обращении к предельно широкому контексту, при знании событийного ряда и референциальной истории. Реально же мы можем говорить только о предельно общих смыслах, выводимых в качестве следующей импликатуры дискурса: ‘В данный момент я не могу или не хочу сообщить тебе какую-либо нетривиальную информацию о Димке, так как он, с моей точки зрения, находится вне сферы значимости для меня и, как полагаю, для тебя тоже’.

Последние два примера выступают в качестве ярких образцов проявления такой национально обусловленной речеповеденческой установки, как **эмпатия** — личностная вовлеченность в коммуникацию, сочувственное приятие позиции собеседника и пр. [Вежбицкая 1997; Радбиль 2017; Радбиль, Рацибурская 2017 и др.].

Все структурно-семантические, прагматические и функциональные разновидности фатических диалогических единств, рассмотренные выше, соответственно, в разделах 3.1 и 3.2 настоящей главы, могут быть реализованы в разных видах диалогического дискурса, среди которых, в целях предпринятого исследования, нас интересуют только виды, выделяемые по признаку кооперативности / некооперативности, анализ которых осуществляется уже в следующем разделе 3.3 настоящей главы.

3.3. Национально обусловленные модели вопросно-ответных единств в разных видах диалогического дискурса

В разделе рассматриваются особенности актуализации национально обусловленных вопросно-ответных диалогических единств в фатической кооперативной коммуникации (подраздел 3.3.1) и в фатической некоператив-

ной (конфликтной и манипулятивной) коммуникации (соответственно, подразделы 3.3.2 и 3.3.3).

3.3.1. Вопросно-ответные единства в фатической кооперативной коммуникации

Фатическая кооперативная коммуникация в диалоге предполагает установку говорящих на коммуникативное сотрудничество, согласование иллокуций и коммуникативных ролей, а также обязательную эмпатию — умение встать на позицию собеседника, что предполагает стремление к взаимопониманию и соответствующий этому позитивный эмоциональный фон («наличие добрых чувств по отношению друг к другу» [Вежбицкая 1997]). Последний, «эмпатийный», компонент является, на наш взгляд, существенным различительным признаком фатической кооперативной коммуникации, в сравнении с информативной кооперативной коммуникацией, для которой этот признак факультативен. В свою очередь, именно эмпатия, «наличие добрых чувств по отношению друг к другу» признается многими как национально обусловленная черта русского диалогического дискурса [Вежбицкая 1997].

Основной характеристикой любого типа диалогического взаимодействия, с точки зрения коммуникативно-прагматической организации диалогического дискурса, является **иллокутивная доминанта** [Белоус 2008 и др.]. Это характер взаимодействия (согласованность, несогласованность, манипулятивная псевдо-согласованность, столкновение, противоположность и пр.) коммуникативных целей участников диалога, в результате чего «участники дискурса испытывают различные эмоции благодаря вербальному воздействию друг на друга» [Белоус 2008: 153].

Та или иная иллокутивная доминанта выражается в прагматическом и / или структурно-семантическом соответствии инициальных и реактивных реплик, что явственно видно, например, в вопросно-ответном единстве пере-

спроса: — *А что ты об этом думаешь? //* — ***О чем?*** *//* — *О смерти* (НКРЯ – – Елена Кумпан. Вспоминая Лидию Яковлевну // «Звезда», 2002).

Участники диалога словно разыгрывают партию с ходами, вызванными предыдущими ходами, каждый имеет свою стратегию, но в целом они стремятся к достижению взаимопонимания на каждом этапе коммуникативного сотрудничества: — *Да никакого ехидства. Я уважаю твою позицию. //* — *Правда? //* — ***Конечно*** (НКРЯ — Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010).

Часто в таком кооперативном фатическом единстве могут возникать различные стилистические фигуры (каламбуры, повторы, амфиболии, антитезы, эмфазы и пр.), служащие средством повышения, так сказать, «эмоционального тонуса» в пределах всего вопросно-ответного единства:

- повтор: — *Это уже интересно. Как полагаешь? //* — ***Так и полагаю****. Затем и Глеба послал* (НКРЯ — Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985));

- антитеза: — *Почему ты появляешься лишь когда мне плохо?.. //* — *Когда тебе* ***хорошо****, с тобой скучно. Ты такой глупый… — она хихикнула* (НКРЯ —Вячеслав Рыбаков. Сказка об убежище (1990));

- каламбур: — *Ну, как твой новый дом? Родня как? //* — ***Родня от старого бродня!*** (НКРЯ — Виктор Астафьев. Последний поклон (1968-1991));

- амфиболия (обыгрывание многозначности): — *Какой русский не любит быстрой езды****?*** *//* — *Тот, на котором* ***ездят*** (НКРЯ — Коллекция анекдотов: армянское радио (1970-2000)). — Данный пример интересен тем, что здесь, помимо амфиболии, в инициальной реплике имеется языковая игра на столкновении двух типов вопроса — частноутвердительного диктального вопроса и риторического вопроса, не требующего ответа.

При этом соответствие может быть эксплицитно не выражено, но иметь имплицитное выражение в режиме косвенного речевого акта или просто подразумеваться логикой ситуации: — *Эй, земляк, — крикнул Сысоев, — а почем нынче потонуть? //* — ***Дорого не возьму****, — ответил лодочник, — сиди*

знай! (НКРЯ — Булат Окуджава. Искусство кройки и житья (1985)). — Здесь только обращение к целостному ситуационному фону способствует правильной интерпретации *потонуть* как ‘переправиться в не очень надежной, на взгляд рассказчика, лодке через реку’ в явно ироническом ключе: в этом контексте становится иллокутивно оправданным и прагматически связным ответ лодочника о цене (*Недорого возьму*).

По видам инициальных и ответных реплик, по типам иллокутивного вынуждения и / или прагматической связности фатические вопросно-ответные единства кооперативного типа крайне разнообразны и не сводятся к единым структурно-семантическим образцам. В обследованном материале мы выявили ряд вопросно-ответных диалогических единств, отражающих иллокутивные доминанты фатического кооперативного типа, которые, на наш взгляд, могли бы отвечать определенным национально обусловленным моделям речевого взаимодействия по отмеченному выше признаку «наличие добрых чувств по отношению друг к другу» (далее по тексту тип доминанты выделен написаниями с прописными буквами).

ИД ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ: **—** *Отдавай, что обещал. //* **— *А я и не отказываюсь***. **—** *И Кузька выворотил карманы.* **— *Бери что хочешь!*** (НКРЯ — Марк Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы (1971));

ИД ВЕЖЛИВОЕ НЕСОГЛАСИЕ: **—** *Очень вам благодарен, поручик… Не зайдете ли выпить стакан чаю? //* **— *Благодарю вас***, *меня товарищи ждут…* (НКРЯ — В. В. Вересаев. В тупике (1920-1923));

ИД ПОНИМАНИЕ: — *Она женщина опасная, ты знаешь это? //* **— *<u>Кому</u> ты это говоришь***? **—** *сказал он.* **—** *Я это очень хорошо знаю* (НКРЯ – – Г. А. Газданов. Эвелина и ее друзья (1968));

ИД ОДОБРЕНИЕ: **—** *Вот, хочу жениться…Одобряешь? //* **— *Одобряю***! *Но, Катя, вы ему спуску не давайте!* (НКРЯ — Татьяна Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004));

ИД ПРИНЯТИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ: — *Ну что, пойдешь за меня? // —* ***Он еще спрашивает****! Я тебя так ждала, так ждала! И мама с отцом тоже* (НКРЯ — Андрей Житков. Супермаркет (2000));

ИД ПОДДЕРЖКА: — *Ну, да поживем — посмотрим, где-нибудь да споткнется!? //* ***— Я поддерживаю*** *вас, командарм!* (НКРЯ — А. И. Алдан-Семенов. Красные и белые (1966-1973));

ИД ОПРАВДАНИЕ: — *Это перед Новым-то годом?.. брр… //* ***— Все правильно****. Я разве что говорю. Я ничего не говорю, — хозяин джипа выразительно почесал в затылке* (НКРЯ — Ю. И. Андреева. Многоточие сборки (2009));

ИД ПОДТВЕРЖДЕНИЕ: — *А мы сегодня молиться будем?* ***— А то как же****. Щас и помолимся* (НКРЯ — Вячеслав Дурненков. Мир молится за меня (2005)).

ИД СОЛИДАРНОСТЬ: — *Так ты идешь с нами или нет? //* — ***Спрашиваешь****…* ***Конечно, иду*** (СНЯ).

Во всех указанных случаях маркеры иллокутивной доминанты выражены либо эксплицитно (в том числе посредством экспликации самой иллокутивной силы ответной реплики: *поддерживаю, одобряю, согласен* и пр.), либо имплицитно — посредством косвенной идиоматизированной устойчивой конструкции типа *Он еще спрашивает; Спрашиваешь* и пр. В некоторых случаях требуемая иллокутивная доминанта вычисляется из контекста, посредством обращения к ситуации общения.

В отдельную подгруппу мы выделили вопросно-ответные единства, в иллокутивную доминанту которых входит выражение разнообразных положительных чувств, которое является в них практически единственной коммуникативной целью говорящего

ИД ПРОЩЕНИЕ: — *А ты мне добром и ласкою отплатил за мое зло. Простишь ли ты меня, Лео? //* ***— Прощаю****! Охотно прощаю тебе все, Ролан!* (НКРЯ — Л.А. Чарская. Герцог над зверями (1912));

ИД БЛАГОДАРНОСТЬ: *— Вам не понравилась туалетная вода, которую я вам подарила, да? // — С чего ты взяла? Замечательный подарок,* ***я очень тебе благодарен*** (НКРЯ — Александра Маринина. Иллюзия греха (1996));

ИД СОЧУВСТВИЕ: *— Я и то думаю, — вздохнул человек, — может, политического убежища спросить? Только кому я нужен без диплома?! // — Я вам искренне* ***сочувствую*** (НКРЯ — Сергей Довлатов. Иная жизнь (1984));

ИД УТЕШЕНИЕ: *— Это хорошо? — спрашивает девочка, у которой забрали тетрадку. //* ***Хорошо, хорошо, ты умница****, — успокаивает ее учительница* (НКРЯ — Алеся Лонская. На черной-черной улице стоит черная-черная школа... // «Русский репортер», 2012));

ИД ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ БЛИЗОСТЬ: *— Ты под мои мерехлюндии, — (так она называла свои нервические срывы), — хочешь подвести большую философию и доказать мне, что я ущербна? // —* ***Мы с тобой одно целое****, — улыбнулся я. — Твои мерехлюндии — это мои мерехлюндии* (НКРЯ — Юрий Азаров. Подозреваемый (2002));

ИД ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА: *— Мама, ко мне птица залетела, это плохо? — спросила я, набрав номер. // —* ***Это хорошо****. Жди новостей* (НКРЯ — Маша Трауб. Плохая мать (2010));

ИД УВАЖЕНИЕ— *Вы согласны со мной? — не унимался он. // Я пожал плечами. // — Я* ***уважаю*** *чужие взгляды даже в том случае если их не разделяю* (НКРЯ —Ю. И. Визбор. Завтрак с видом на Эльбрус (1983));

ИД СИМПАТИЯ: *— Почему это я должна за тобой всюду бегать? // — Потому что ты* ***мне нравишься****. Мы с тобой одинаковые. Еще вопросы?* (НКРЯ — Екатерина Завершнева. Высотка (2012));

ИД ЛЮБОВЬ:

— Любишь ли ты меня, дочка? // — ***Я*** *очень* ***люблю тебя****! // Тиена смотрит на дочь с блаженной улыбкой* (НКРЯ — Ольга Онойко. Некромантисса (2014));

— Па-а-а-а? // — Что? // — ***Люблю тебя****! // Маруся почувствовала, как он улыбнулся. //* ***— Люблю тебя*** *тоже, Муська* (НКРЯ — Полина Волошина, Евгений Кульков. Маруся (2009)).

В приведенных примерах для выражения иллокутивной доминанты также большую роль играют такие средства, как экспликация иллокутивной силы ответной реплики (*прощаю, благодарен, сочувствую, уважаю, нравишься, люблю* и пр.), полные или частичные повторы, усиливающие общий эмоционально-экспрессивный «тонус» всего диалога, усилительные частицы или устойчивые конструкции (*С чего ты взяла?*) и т.д.

Высокая степень эмпатии и взаимопонимания, установившаяся между собеседниками, позволяет им значительный блок объективного содержания, по поводу которого они обмениваются репликами, опускать в невербализованную сферу коммуникации. При этом акцент в интерпретации фатического кооперативного вопросно-ответного единства всецело делается на импликатуры дискурса и на апелляцию к общему фонду знаний о мире собеседников:— ***О-ох-х****… //* ***— Как оно****? —* *зная ответ, из приличия спросил Елтышев. //* ***— Да хреново*** (НКРЯ — Роман Сенчин. Елтышевы (2008) // «Дружба Народов», 2009).

Вербализованными в этих случаях являются лишь предельно общие и краткие маркеры самого факта состоявшегося коммуникативного взаимодействия, его внешние сигналы — большую роль в компрессии смысла играют междометия, неполные и эллиптические конструкции и, конечно же, особая просодия и интонация: ***— Ну, как там****… в колхозе-то? //* ***— Да ведь оно — как****? — пустился в рассуждения Иван* (НКРЯ —Василий Шукшин. Печки-лавочки (1970-1972)).

Вообще говоря, согласно нашим наблюдениям, подобные, «сверхкраткие» диалоги, при которых, однако, все всех вполне адекватно понимают, являются национально обусловленной чертой именно русских моделей диалогического взаимодействия как репрезентантов высококонтекстной коммуникативной культуры:

— А, здоровенько, — улыбнулся, увидев Елтышева, как-то приветливо и самодовольно. ***— Как оно****? //* ***— Нормально****. //* *— За товаром?* (НКРЯ — Роман Сенчин. Елтышевы (2008) // «Дружба Народов», 2009);

Это наш комбриг: // ***— Ну, как там*** *у вас? — спрашивает он. //* ***— Спокойно****, — отвечаю* (НКРЯ — Николай Орлов. Батальон. К 40-летию Корсунь-Шевченковской операции // «Вокруг света», 1984);

— Ну, как оно *тут? — спросил Сашко, искоса поглядывая на незнакомца. //* ***— Порядок****, — сказал Антон* (НКРЯ — Николай Дубов. Небо с овчинку (1966));

— Ну, как там *у вас? //* *— Все путем* (НКРЯ — Виктор Шендерович. Ход реформ // «Общая газета», 1995.07.26]);

— Ну, как там*? — спросил заправщик. //* ***— Ничего хорошего****, — сказал Нури и, сплюнув в сердцах, добавил: — Темнота* (НКРЯ — Фазиль Искандер. Софичка (1997).

Примечателен тот факт, что само смысловое наполнение ответной реплики неважно — ни для говорящего, ни для слушающего. Это может быть одно междометие: ***— Ну, как там*** *Петр Петрович? — осведомился наконец генерал. //* *— О-о!* (НКРЯ —Евгений Лукин. Там, за Ахероном (1995))

Это может быть какая-нибудь необязательная отговорка, например, расхожее речение или общеизвестный прецедентный текст — просто для поддержания контакта: *Хрипло спросил: //* ***— Ну, как там****?* ***Кто — где? //— А у нас в квартире газ, а у вас****?* (НКРЯ — Нина Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001).

Это, наконец, может быть просто молчание. ***— Ну, как там****?.. Дома-то? // Попов* ***помолчал****…* (НКРЯ — Василий Шукшин. Страдания молодого Ваганова (1974)),

Важно, что для участников диалога важен именно сам процесс речевого общения, при котором они еще раз имеют возможность подтвердить наличие взаимопонимания, а не конкретное словесное наполнение реплик.

3.3.2. Вопросно-ответные единства в некооперативной конфликтной коммуникации

В настоящей работе, как было показано выше, некооперативные модели диалогического дискурса подразделяются на две разновидности — коммуникация собственно конфликтная (вербально-агрессивная) и манипулятивная (потенциально конфликтная). В данном подразделе рассматриваются модели собственно конфликтного диалогического дискурса.

В общем виде конфликтный дискурс (в том числе — диалогический) характеризуется столкновением коммуникативных целей участников коммуникации, при котором одному или обоим участникам наносится коммуникативный ущерб [Ширяев 2000; Белоусова 2008; Щербинина 2018 и др.]. По иллокутивной доминанте выделяются самые разнообразные типы конфликтных диалогических интеракций, среди которых можно назвать такие, как оскорбление, вербальная грубость, враждебное замечание, недовольство, раздражение, угроза, грубое требование, обвинение, упрек, насмешка (колкость), клевета, сплетня, ссора и пр. [Щербинина 2018].

Многие из выявленных нами разновидностей конфликтного речевого взаимодействия можно, на наш взгляд, отнести к такой национально обусловленной модели, как «выяснение отношений», когда собеседники, вместо того чтобы обсуждать суть возникшей проблемы, переходят на личности. Причем подобный «выход на метауровень» зачастую не вытекает из логики ситуации, т.е. конфликт вырастает как бы «на пустом месте».

По источнику вербально-агрессивного поведения исследователи обычно разграничивают: (1) вербальную агрессию со стороны инициатора диалога (инициативная агрессия); (2) вербальную агрессию со стороны отвечающего (реактивная агрессия); (3) взаимную, обоюдную агрессию (интерактивная агрессия) [Щербинина 2018 и др.]. Ниже мы рассмотрим указанные разновидности в собранном нами материале.

(1) Инициативная вербальная агрессия в фатических некооперативных вопросно-ответных единствах. В работе В.Ю. Апресян «Имплицитная агрессия в языке» выделяется группа так называемых «агрессивных» вопросов, которые используются в определенном круге ситуаций и задают определенный тип агрессивного отношения к адресату. «А именно, они используются, когда, по мнению говорящего, адресат недостаточно наблюдателен или не сообразителен, не замечает очевидного или же не делает того, что от него требует ситуация. Их цель — упрекнуть или задеть адресата» [Апресян 2003: 33].

В обследованном нами материале имеются разные виды таких вопросов, которые уже сами по себе задают конфликтную иллокутивную доминанту в вопросно-ответном единстве, независимо от типа ответа (т.е. независимо от того, поддерживает ли отвечающий установку на конфликт или нет):

— Ну живей!.. ***Кому я говорю****! // — Вылезай, Япошка, — забеспокоился Янкель. — Запоролись, вылезай* (НКРЯ — А. И. Пантелеев, Г. Г. Белых. Республика ШКИД (1926));

— Вставай, паскуда! Слышь, ***кому говорю****? // Девица ойкнула и села на кровати: — Ты чего?* (НКРЯ Петр Галицкий. Опасная коллекция (2000));

— Хорош прыгать, ***я кому говорю****! // — Да пусть веселятся, — вступилась за девочек Мария* (НКРЯ —Андрей Геласимов. Дом на Озерной (2009));

— Ты глухой, что ли? *Куда тебе ехать?! // — Я не поеду, — тихо сказал пацан* (Юрий Вяземский. Прокол (1982))

Специфика таких вопросов заключается в том, что они не предполагают вообще никакого ответа. По сути, это косвенное выражение упрека, недовольства, стремления инициатора к провокации или эскалации вербального конфликта и пр. Поэтому единственной неагрессивной стратегией ухода от такого конфликта является вообще молчание, отказ от коммуникации:

*Елена молчит.// — **Кому я говорю — стене, што ли? А?!** // Елена молча повернулась к нему лицом* (НКРЯ — Ф. М. Решетников. Горнорабочие (1866));

*— Тебя спрашивают! Или **ты глухая**? — снова точно оборвала Павла Артемьевна. // Дуня снова вздрогнула всем телом и все же молчала* (НКРЯ – – Л. А. Чарская. Приютки (1907));

***— Ты понимаешь, что я говорю**? Ты понимаешь, что я сказать хочу? // Он понимал* (НКРЯ — Андрей Измайлов. Трюкач (2001)).

Зачастую подобные вопросы все же служат эскалации конфликта со стороны отвечающего: *Уж его и умоляли: // — Да **ты глухой** ли, **что ли?** Иди на другую улицу. // — Не мешайте мне работать!* (НКРЯ Евгений Попов. Статистик и мы, братья славяне (1970-2000)).

Даже минимальный контекст позволяет заключить, что в большинстве случаев особенности вполне нейтральной референтной ситуации вовсе не предполагают такого агрессивного напора со стороны инициатора. Видимо, чаще всего говорящий в таких случаях изначально выражает отрицательные коммуникативные намерения по поводу личности отвечающего.

Другая разновидность «агрессивных» вопросов несколько расплывчато именуется А.В. Стешовым «некорректные вопросы» [Стешов 1991]. Это группа разнообразных по иллокутивным силам вопросов типа *Можно ли быть таким глупцом?*. Суть такого вопроса состоит в том, что в пресуппозиции (которая, как известно, не устраняется при отрицании) он является скрытым, косвенным суждением, негативно характеризующим отвечающего — ‘Ты являешься глупцом’. Поэтому в случае любого ответа ДА или НЕТ отвечающий все равно сообщает о себе негативную информацию (ответ *можно* или *нельзя* в любом случае не отменяет пресуппозицию, что отвечающий является глупцом):

***— И впрямь за дурака, что ли, держишь**? // — Да что ты…* (НКРЯ – – Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003)).

— ***Почему ты такой глупый****?! // — А шо? — тупо повторил Семен* (НКРЯ — Николай Дубов. Небо с овчинку (1966)).

— *А* ***почему ты такой дохлый****? // — Так…* (НКРЯ — Михаил Анчаров. Как Птица Гаруда (1989)).

Нетрудно видеть, что и такой тип вопроса в норме вообще не предполагает никакой возможности кооперативного ответа. Поэтому в коммуникативной среде в ответ на него возможная лишь речевая стратегия ухода от темы или перемены темы, а также демонстративное молчание:

— *Ну* ***почему ты такой дурень****? //* — *Мат! — объявил вдруг Слава* (НКРЯ — Анатолий Рыбаков. Кортик (1946-1948));

— *А* ***почему ты такой*** *грубиян, Профессор? // Профессор демонстративно повернулся к стене* (НКРЯ — Евгений Велтистов. Новые приключения Электроника (1988)).

Видом косвенных агрессивных вопросов, наводящих ложную пресуппозицию [Булыгина, Шмелев 1997], также являются «принудительно блокирующие» вопросы [Стешов 1991] типа *Чем вы объясните низкое качество Вашей работы?*, которые в пресуппозиции тоже навязывают негативную информацию, но не обобщенную отрицательную характеристику лица ‘ты грубиян’, а сведения о его негативных поступках, действиях или деятельности ‘ваша работа низкого качества’:

— ***Рита****,* ***почему ты так взбесилась****? // — Сама же вот пишешь — мужчинам нужен секс, пиво и футбол…* (НКРЯ — Татьяна Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)).

Одной из возможных реакций на такой вопрос является своего рода «отзеркаливание», когда отвечающий в реактивной реплике формирует:

- либо симметричный антитетичный контрвопрос: — ***Почему ты так отвечаешь? //*** — *А почему ты так спрашиваешь?* (НКРЯ — Татьяна Устинова. Подруга особого назначения (2003));

- либо повторяющий контрвопрос: ***— Отец! Ну почему ты так пьешь****? //* ***—*** *А ты почему так пьешь, сын?* (НКРЯ —.Валерий Попов. Очаровательное захолустье (2001)

В обоих случаях возможна дальнейшая эскалация конфликта в режиме «выяснения отношений».

Крайне агрессивной разновидностью конфликтных инициальных вопросов являются вопросы с ложными или бессмысленными альтернативами [Стешов 1991], в которых говорящему предлагается выбрать между двумя заранее неподходящими и даже невозможными в реальности вариантами:

— Ты что*, — опешил товарищ Дегтярь,* ***— совсем с ума сошел или притворяешься****? // — Нет, — сказал Чеперуха* (НКРЯ — Аркадий Львов. Двор (1981)).

Другой раздраженно спросил: ***— Ты дурак или притворяешься****? //* ***—*** *Нет, я не дурак* (НКРЯ — А. А. Бек. Талант (Жизнь Бережкова) / Части 1-3 (1940-1956)).

Как показывают эти примеры, корректного адекватного ответа и в этих случаях дать невозможно. Ведь ответные реплики *Нет* или *Нет, не дурак* отсекают только один негативный вариант, тогда как второй остается неотвеченным. Поэтому здесь возможна только тактика ухода от ответа: ***— Блаженным считаешь или шизиком?*** *// —* *Так ведь я ж тебе не жена!* (НКРЯ — Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)).

Конечно, можно попытаться дать ответ на оба варианта (по модели *Ни то и ни другое*), но такой ответ выглядит нарочитым и тавтологически избыточным: — *Ты* ***идиот или притворяешься?*** *// Что тут идиотского может быть? Просто твой ДК тоже не дебил, он ведь может сбить каст циклона, правильно?* (ИМ — URL: http://prestige-gaming.ru/luchshie_shkvala_-t281-340.html).

(2) Реактивная вербальная агрессия в фатических некооперативных вопросно-ответных единствах. Здесь имеются в виду случаи, когда реакция отвечающего не мотивирована инициативной агрессией спрашиваю-

щего (т.е. когда вопрос задан вполне нейтральный, и ситуация в общем не предполагает негативной реакции): **— *Ты меня любишь*** *? // —* *А хрен его знает! В общем, надеюсь, Александра Николаева вы себе уже представляете* (НКРЯ — Александр Володарский. ЖЗЛ (Жизнеописание занимательных личностей) // «Сибирские огни», 2012).

Так, в уже цитировавшейся работе В.Ю. Апресян приводятся примеры **«псевдо-императивов» в агрессивной функции** — типа *поговори у меня, поспорь со мной, только попробуй* и пр., когда они выражают не побуждение, а угрозу. Эта же иллокутивная сила косвенной угрозы появляется в ответных репликах с «псевдо-императивами», когда они употребляются в реакциях на нейтральные информативные вопросы:

— *Или ты не жнешь, не сеешь, а только карман подставляешь?! //* **—** ***Поговори у меня****!* **—** *стукнул кулаком по столу Мотяков.* **—** *Семен Иванович!* (НКРЯ — Борис Можаев. Живой (1964-1965));

— Ну? Скинете или нет? // **— *Поговори у меня!*** (НКРЯ — К. Г. Паустовский. Книга о жизни. Далекие годы (1946));

— *Мне горячо, можно я выкину свечку? //* **— *Только попробуй****!* —** *пригрозил Буль-Буль.* **—** *Я и так ничего не вижу, а если совсем темно станет, то тут же вниз шмякнусь и разобьюсь* (НКРЯ — Валентин Постников. Карандаш и Самоделкин в стране фараонов (1997));

— *Может, примем его в фирму, Джон? //* **— *Только попробуй****!** //***—*** *Я в упор взглянул на Тома, и он попятился от меня* (НКРЯ — Евгений Велтистов. Ноктюрн пустоты (Телерепортаж Джона Бари, спецкора) (1978-1979)).

Еще один тип «псевдо-императивов» *отвяжись* используется для выражения категорического нежелания общаться со спрашивающим в данный момент времени: *Пожалуй, ты изобрела новый способ укрощения персонала. Не хочешь ли запатентовать? //* **— *Отвяжись****,** *Оглоедов, без тебя тошно. Кофе угостишь?*

В качестве еще одного способа выражения имплицитной агрессии в статье В.Ю. Апресян указываются **прагматически окрашенные частицы**

типа *где уж, как же, а еще, тоже мне* и пр. [Апресян 2003: 32–35], которые, на наш взгляд, обладают существенной национальной обусловленностью. Использование «агрессивных» частиц обязательно сопровождается особым просодическим контуром.

Так, использование частицы *тоже мне* в вопросно-ответных единствах в роли ответной реплики выражает скептическое отношение отвечающего по отношению к инициатору: последний, с точки зрения отвечающего, не отвечает тем требованиям, которые естественно ему предъявить:

— Что ты с ним потом делать будешь? К люстре привязывать? // — Ой, ***тоже мне*** *нашлась Макаренко. За своей смотри* (НКРЯ — Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011));

— А сумеешь? // — ***Тоже мне*** *работа… // Даша подошла, взяла из инструментального ящика еще один молоток, гвозди* (НКРЯ — Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010);

— Да. Девушка белая, пушистая — и фамилия белая, пушистая. Сейчас на ангелов вообще спрос, так что у тебя тоже хорошие шансы. А на самом деле она Наташа Кулькова. Снежная — Кулькова. Понимаешь разницу? // — ***Тоже мне****, бином Ньютона, — ответила я* (НКРЯ — Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009).

В ответных репликах с частицей *ах ты, а еще* выражается иллокутивная сила упрека: *— Как — что? Они могут напасть на Ревск? // Миша расхохотался: // — И ты поверил?* ***Эх ты****,* ***а еще*** *разведчик!* (НКРЯ — Анатолий Рыбаков. Кортик (1946-1948)).

С помощью частицы *как же* с определенной просодией выражается иллокутивная сила эмоционального сомнения в правдивости говорящего:

— А он что, приезжает иногда? // — Приезжает, ***как же*** (НКРЯ — Василий Шукшин. Калина красная (1973));

— Это, правда, селёдка! // — ***Как же****! Селёдка! — буркнул Дан* (НКРЯ — Ирина Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»: сказочная повесть (2007)).

В ответных репликах с частицей *куда (уж) мне / тебе* выражается стратегия иронического самоумаления адресата но фоне признания мнимого превосходства говорящего: *— Уж вы удовлетворения не хотите ли? — с убийственной иронией произнес Хмелев. //* ***— Куда мне, кухаркину сыну*** (НКРЯ — Дмитрий Быков. Орфография (2002)).

Междометие *дудки* в ответной реплике используется для выражения возражения: *— Валька… у тебя тоже что-то там… происходило? // — Ну уж* ***дудки****! — взъярился Вайнгартен. — Я на-ар-рмальный приспособленец*! (НКРЯ — Вячеслав Рыбаков. Трудно стать Богом (1996)).

К отдельной группе средств выражения агрессии в ответной реплике можно отнести и **устойчивые фразеологизованные конструкции**.

Так, для выражения сомнения в правдивости или уместности слов спрашивающего используется конструкция *с чего ты взял / взяла*:

— Ты что-то еще хочешь спросить? // ***С чего ты взяла****? — удивился Стась* (НКРЯ — Евгений Сухов. Делу конец — сроку начало (2007));

— Случилось что-нибудь? // ***— С чего ты взяла****? — вопросом на вопрос ответил Анатолий* (НКРЯ — Максим Милованов. Естественный отбор (2000)).

Устойчивая конструкция *(Да) откуда я знаю* используется для выражение раздражения по поводу уместности инициальной реплики: *Через минуту он снова спросил: — Ну и где же они? //* ***— Да откуда я знаю?!*** *— раздраженно крикнула Мира* (НКРЯ — Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011).

Возражение или несогласие косвенно выражается также идиоматичной конструкцией *Скажешь тоже: — Ты что, бывал там? //* ***— Скажешь тоже****! Кто ж меня туда пустил? Краем уха слышал* // (НКРЯ — Виктор Доценко. Срок для Бешеного (1993)).

Устойчивая конструкция *Да ну тебя / вас* используется для выражения невежливого нежелания продолжить коммуникацию: — *Честно говоря, не очень. И кто тебе сказал про блат? Гарик? // —* ***Да ну тебя*** (НКРЯ — Екатерина Завершнева. Высотка (2012)).

Резкий отказ от продолжения коммуникации выражен устойчивой конструкцией *тебя / вас не касается*: *— Что ты сказал? Повтори. // —* ***Тебя это не касается*** (НКРЯ — Владимир Козлов. Гопники (2002)).

Также в предыдущем разделе 3.2 данной главы уже приводились некоторые примеры таких средств выражения реактивной агрессии, как **полный или частичный повтор инициальной реплики** (с сохранением иллокутивной силы вопроса или с ее изменением).

Так, например, это может быть:

- выражение раздражения: *— Вот послушай... // — Да что нам* ***тебя слушать****! — махнул рукой Армагиргин. — Все твои сказки знают даже малые дети* (НКРЯ — Юрий Рытхэу. Когда киты уходят (1970-1977)).

- выражение недовольства:

Лэсси мгновенно насторожилась. — Что ты хочешь сказать? // — ***А ты что хочешь сказать****? — фыркнула Тилли* (НКРЯ — Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/ Девочки из колодца (2004));

— Что тебе надо? — спросила Агриппина. // — А ***что тебе надо****?* (НКРЯ — Иржи Грошек. Легкий завтрак в тени некрополя (1998));

- выражение возражения: *— Что ты об этом думаешь? //* ***— А что я могу думать? Я —*** *мелкая сошка* (НКРЯ — Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)).

Разные виды упреков, возражения, недовольства выражаются еще одним значимым средством именно фатической диалогической коммуникации — посредством **экспликации в ответной реплике самой иллокутивной силы вопроса спрашивающего** или **самого факта его говорения** (эти случаи подробно анализировались в предыдущем разделе 3.2):

— Я думаю… Может, мы его поменяем? Пока мало времени прошло? // — ***Как ты можешь так говорить****? Ты вез этого несчастного котенка три часа, так что он почти опьянел от качки* (НКРЯ — М.С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010));

— Как дела? // — ***Ты спрашиваешь, как у меня дела****? Это как у тебя дела, с таким сильным приворотом?* (НКРЯ — Ю. И. Андреева. Многоточие сборки (2009)).

— Кто это может быть? — говорит Лидия Тимофеевна. // — ***Ты меня спрашиваешь****? — отвечает Елена Николаевна. — Только не надо на меня так смотреть* (НКРЯ — Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001));

— Или я крайний?! // — ***Чего ты у меня спрашиваешь****? — начальник УР по-прежнему смотрел в сторону. Было видно, что он чувствует себя неловко* (НКРЯ — Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но… (2011);

— Кто? // — ***Он еще спрашивает!*** (НКРЯ — Евгений Лукин. Клопики (2013)).

Это может быть:

- агрессивное возражение: *— А это правда, будто Федул оживляет чучела? //* ***— Кто тебе сказал эту чушь?*** (НКРЯ — Виорель Ломов. Музей // «Октябрь», 2002).

- возмущение: *— А что это ты на мое место уселся? //* ***— Что-что ты сказал?!*** (СНА).

Часто стратегия агрессивного возражения, недовольства, возмущения распространяется не столько на слова спрашивающего, сколько на его личность в целом. При этом обычно эксплицируется местоимение II л. ед. ч.: *— Почему ты вчера не был у матери? // —* ***Не тебе об этом говорить!*** (СНА).

Подобная коммуникативная направленность может быть выражена устойчивой эмфатической конструкцией *Кто ты такой, чтобы…:*

— Почему ты опять не принес документы в срок! // — ***Да кто ты такой, чтобы мне об этом говорить?*** (СНА);

— Это кто же не даст нам его найти? — полюбопытствовал Гуров. — Не ты ли, случайно? // — Мы с ним кореша были, — оскорбленно набычившись, сказал Гайворонский. — Я за помин его души пью. А ***ты кто та-***

кой, чтобы мне это говорить*?* (НКРЯ — А. Макеев, Н. Леонов. Гроссмейстер сыска (2003)).

Чаще всего иллокутивная сила ответной реплики в таких случаях носит комплексный характер — в нее в качестве обязательного компонента включается негодование со стороны отвечающего по поводу самой речевой ситуации, его возмущение неуместностью вопроса или самоочевидностью:

— *Это все?* // **— *Ну, ты спросил***. *Вещи, может, какие и были, только на что они годятся* **—** *все в крови да в дырках* (НКРЯ — Евгений Прошкин. Механика вечности (2001));

— Ну, как вы вчера? Поздно закончили? // — ***Еще что спросишь?*** (СНА).

Во всех рассмотренных случаях, на наш взгляд, реализуется национально обусловленная модель речевого взаимодействия — модель выяснения отношений на повышенных тонах. Особенно ярко это проявляется в случаях так называемой «интерактивной агрессии», которые мы рассмотрим ниже.

(3) Взаимная (интерактивная) вербальная агрессия в фатических некооперативных вопросно-ответных единствах. Взаимная агрессия в фатических вопросно-ответных единствах наибольшим образом отражает установку на «выяснение отношений», в котором принимают участие обе стороны. В иллокутивную силу и инициальной, и реактивной реплик так или иначе входит наличие явной или скрытой, реальной или потенциальной агрессивности, что выражается в соответствующих речеповеденческих актах с эксплицитными или имплицитными маркерами конфликтогенности [Белоус 2008].

Конфликтные иллокутивные доминанты диалогической интеракции в свою структуру включают самые разные типы согласованности / несогласованности инициальной и ответной реплик. Например, вопрос-угроза соотнесен с реакцией:

- обобщающим негативно-оценочным суждением (квалификативом): — *Вы хорошо подумали*? *Ваш выбор может иметь* для *вас самые серьезные*

последствия... // — ***Вы — эгоист, Лева,*** *— усмехается Гвоздилова* (НКРЯ — И. Шевцов, Леонид Филатов. Сукины дети (1992));

- ответной угрозой косвенного типа, по модели псевдо-согласия: — *А по морде за такие слова?* // — ***А дай! Слушай, в самом деле, ты вот получал по морде?*** (НКРЯ — Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010).

Вопрос-упрек соотнесен с реакцией:

- возмущением: — *Что ты за мужик после этого?! // Оська возмутился:* — ***Я имел больше женщин, чем ты съел котлет*** (НКРЯ — Сергей Довлатов. Компромисс (1981-1984));

- обидой: — *За кого ты нас принимаешь?* // — ***Обижаешь****, начальник. Мы не уголовники какие-нибудь, — сказал Корнеев. — Мы работяги* (НКРЯ – – Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Сказка о Тройке (1967-1968));

- реактивным упреком: *— Не можете? Это еще что за глупости? — нахмурился сэр Чарльз. //* — ***Вы стали слишком упрямы, ваше высочество*** (НКРЯ — Б. А. Лавренев. Крушение республики Итль (1925));

- категорическим требованием: — *Смотри, что ты наделал? — расплакалась девочка. //* — ***Дети, идите отсюда****, — прикрикнула на них женщина, — человек умер, а вы так себя ведете* (НКРЯ — Маша Трауб. Плохая мать (2010)).

Вопрос-агрессивное категорическое требование соотнесен с реакцией:

- косвенным агрессивным отказом: *Запретив себе злиться среди такой красоты, Мира устало вздохнула: — Слушай, что ты от меня хочешь? //* — ***Ничего****, — отрезал Эви.* — ***Я есть хочу*** (НКРЯ — Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011));

- эмоционально-экспрессивным упреком: — *Да что случилось?! Говори же, черт тебя дери. //* — ***Будто сам не знаешь? Ваши тут вовсю раскомандовались*** (НКРЯ — Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003)).

Все эти случаи можно отнести к иллокутивно-зависимым вопросно-ответным единствам.

В научной литературе по вербальной агрессии указывается, что вербальная агрессия может проявляться на уровне содержания, на уровне формы и на уровне содержания / формы вместе [Щербинина 2018]. В частности, агрессивным может быть не только содержание, но и вербальное наполнение реплик, в которых используются негативно-оценочные слова и выражения инвективного характера:

— Вы что, ***самоубийцы****? //* ***— Заткнись****! — трясясь в горячке несостоявшейся перестрелки, скомандовал пэпээссник* (НКРЯ — Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но… (2011)). — Здесь в вопросе содержится скрытое утверждение — негативная характеристика свойств субъекта, а в ответе — грубое требование прекратить коммуникацию.

Ср. аналогично: *— <u>За что ты нас не любишь</u>?! //* ***— Замолчи****,* ***гад****, — невольно вырвалось у меня* (НКРЯ — Михаил Кураев. Записки беглого кинематографиста // «Новый Мир», 2001). — Здесь в вопросе в режиме косвенного речевого акта выражается недовольство сложившимся положением вещей, отношением отвечающего к говорящему, а в ответе — также требование прекратить коммуникацию, сопряженное с оскорблением.

В инвективном режиме в таких случаях может протекать все конфликтное вопросно-ответное диалогическое взаимодействие в целом:

— <u>Кто нас вообще сюда затащил!..</u> // ***— Да иди ты****,* ***урод****!* (НКРЯ — Роман Сенчин. Афинские ночи // «Знамя», 2000);

— *<u>Ты, подлец, стрелял в меня ночью?</u>* ***—*** *хрипло спросил Ефим. // Председатель, багровея, принужденно засмеялся:* ***— Ты что? С ума спятил?*** (НКРЯ — М. А. Шолохов. Смертный враг (1926));

— С ума сошла*? //* ***— Сам дурак*** (НКРЯ —Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)).

Возможны случаи, когда обе стороны на повышенных тонах и с использованием инвективной лексики взаимно выражают:

- косвенный упрек о несоответствии статуса собеседника его коммуникативной роли, т.е. «переходят на личности»: *— <u>Да кто ты такой</u>? — рявк-*

*нул со своего места Загибин. // — **А сам-то?*** (НКРЯ — Александр Силаев. Армия Гутэнтака (2007)).

- взаимное возмущение действиями друг друга: *Он обернул карточку другой стороной, всмотрелся в нее и вдруг вскрикнул: // — Что за черт? // **— Не смейте касаться того, что для меня «святая святых»**, — испуганно закричал я* (НКРЯ — А. Т. Аверченко. Альбом (1910-1911)).

Во всех подобных случаях мы можем говорить о максимальном выражении иллокутивной доминаты «выяснения отношений», когда объективная сторона речевого общения вообще сведена к минимуму: оба собеседника озабочены лишь стремлением нанести коммуникативный ущерб друг другу.

3.3.3. Вопросно-ответные единства в некооперативной манипулятивной коммуникации

К фатическим некооперативным манипулятивным вопросно-ответным единствам в нашем исследовании относятся явления двух типов: (1) разнообразные коммуникативные стратегии ухода от обсуждения по тем или иным причинам «неудобной» для отвечающего темы; (2) приемы и средства «речевой демагогии» как воплощения манипулятивной коммуникации.

(1) Коммуникативные стратегии ухода от обсуждения «неудобной» темы. К явлениям этого рода относятся разнообразные по своим коммуникативно-прагматическим свойствам случаи перемены затрагиваемой в вопросе темы, отказа говорить на указанную тему, ответной реакции, демонстративно не связанной с обсуждаемой темой, нежелания продолжать коммуникацию, умышленного молчания и пр.:

- перемена темы: — *По-твоему, это по-товарищески? // **— Напомнить тебе день за днем развитие событий?*** (НКРЯ — Сергей Гандлевский. НРЗБ // «Знамя», 2002). — Здесь в ответной реплике в форме вопроса в режиме косвенного речевого акта выражается речевой акт намерения ‘Я хочу

напомнить тебе день за днем развитие событий', который не относится к содержанию инициального вопроса 'Это по-товарищески или не по-товарищески', а реферирует к некой предшествующей истории развития событий, известной и говорящему, и спрашивающему, т.е. к их общему пресуппозиционному фону, на который хочет обратить внимание говорящего отвечающий;

- отказ говорить на обсуждаемую тему: **—** *И сколько тебе не хватает денег?* **—** *горячо спросила она. //* **— *Что об этом толковать?!*** (НКРЯ — П. Д. Боборыкин. Василий Теркин (1892)). — Здесь вопрос о деньгах почему-то неудобен для отвечающего, и он выражает нежелание обсуждать этот вопрос в данный момент;

- демонстративный ответ не по теме, совсем из другой области, абсолютно не связанный с обсуждаемой темой: **—** *Неужели мы и этого потеряем? //* **— *Ты спроси Саньку, как он относится к числу «пи»,*** *— сказал Громобоев и побежал к остановке* (НКРЯ — Михаил Анчаров. Как Птица Гаруда (1989)). — Здесь использована стратегия демонстративного логического рассогласования, когда в ответной реплике пропозиция не имеет вообще никакого отношения к пропозиции в вопросе;

- нежелание продолжать коммуникацию:

— *Сергей Викторович!?* **—** *В голосе Насти прозвучала укоризна. //* **— *Молчу, молчу,*** *— поднял он вверх руки.* **—** *Сдаюсь, вас здесь двое собралось, любителей мистики и чертовщины* (НКРЯ — Влада Валеева. Скорая помощь (2002));

— Разве в Ленинграде ты пошел бы на танцы в лыжных ботинках? // **— *Молчу, молчу,*** *патриот круглогорский!* (НКРЯ — Василий Аксенов. Коллеги (1962));

— Откуда вам знать, кто «мини» там, а кто «макси»?! // **— *Молчу, молчу!*** *Он титан. Гений!* (НКРЯ — Георгий Полонский. Роль в сказке для взрослых или «Таланты и Полковники» (1970-1980)).

В таких случаях отвечающий формально эксплицирует нежелание продолжать коммуникацию, но реально, в режиме косвенного речевого акта, он ее продолжает, причем уже в нужном именно ему направлении (при этом страхуясь от возможных негативных последствий — ведь он этого не говорил, он вообще молчал) — см., например: *— Риточка, ты можешь помолчать? // —* ***Молчу-молчу-молчу****… — быстро затараторила Рита. —* ***Я что хочу сказать?*** (НКРЯ — А. В. Рондарёв. Беседы о прекрасном // «Знамя» №2, 1996).

На этом фоне для ответных реакций выработалась даже особая манипулятивная фигура «псевдо-умолчания» *я не говорю о…, мы не будем говорить о.., я молчу о…* и пр.:

— Мы хотели ее спасти и спасли. Цель достигнута? // — Но какой ценой?! … ***Я уже молчу о том, что ты мог убить и меня****!* (ИМ — Андрей Белянин. Моцарт. URL: https://books.google.ru/books/about/Моцарт.html?id=-Vi4AAAAQBAJ&redir_esc=y);

— Можно подумать, что ты знаешь в городе всех умных людей, — сказал Андрей. // — Между прочим, их не так уж и много, — возразил Изя, снова запуская руку в бумажную кучу. — ***Я уже не говорю о том, что умные люди редко пишут в газеты*** (НКРЯ — Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Град обреченный (1972)).

В этой конструкции в приступе эксплицируется отказ говорить на какую-то тему, а в продолжении именно эта тема озвучивается в качестве важной, значимой для обсуждения с точки зрения отвечающего (это косвенный способ ввода в обсуждение какой-либо спорной или неудобной темы с возможностью впоследствии подстраховаться, откреститься от нее — ‘я этого не говорил’).

Еще одним приемом манипулятивного уклонения от обсуждения неудобной темы или от ответа на неудобный вопрос является стратегия, которую мы условно именуем «манипулятивным передразниванием»:

— *Что ты хочешь сказать? // —* ***А ты что хочешь сказать? —*** *фыркнула Тилли* (НКРЯ — Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/ Девочки из колодца (2004));

— *Что тебе надо? — спросила Агриппина. // — А* ***что тебе надо****?* (НКРЯ — Иржи Грошек. Легкий завтрак в тени некрополя (1998)).

В этих случаях отвечающий, вместо информативного ответа, просто повторяет вопрос и тем самым, по законам коммуникативного сотрудничества, возвращает право инициативы спрашивающему, не боясь санкций за нарушение принципа кооперации:

— *Как дела? //* ***— Ты спрашиваешь, как у меня дела****? Это как у* ***тебя дела****, с таким сильным приворотом?* (НКРЯ — Ю. И. Андреева. Многоточие сборки (2009));

— *И что ты сказал?.. //* ***— А что на это скажешь****?..* (НКРЯ — Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990)).

Отметим, что в речевой практике даже формируются устойчивые языковые модели такого манипулятивного передразнивания — это вопросы-переспросы с эмфатической фразеологизованной конструкцией *Какой такой X* с определенным просодическим контуром:

— *Скажи, — говорит, — дорогой Кузьма, как это удалось тебе весточку мне послать из далека далёкого? //* ***— Какую такую весточку****? — спрашивает жених* (НКРЯ — Марк Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы (1971));

— *Если же я хочу жизни другой? //* ***— Какой такой ты жизни хочешь****?* (НКРЯ — Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996)).

Чаще всего ответные реакции здесь не являются реальными переспросами: таким образом отвечающий с помощью формального переспроса просто актуализует коммуникативную стратегию ухода от неудобного вопроса.

Отметим также, что в целом при «передразнивании» любого типа в ответной реплике обязательно сохраняется иллокутивная сила вопроса инициальной реплики.

(2) Приемы и средства «речевой демагогии» как воплощения манипулятивной коммуникации. Многие выявленные в результате исследования приемы фатической манипулятивной диалогической коммуникации соотносятся с приемами «речевой демагогии», которые, со ссылкой на Т.М. Николаеву, обстоятельно рассмотрены в работе [Булыгина, Шмелев 1997]. В обследованном материале выявлены вопросно-ответные единства, в которых, в частности, использованы такие приемы, как ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию, воздействие при помощи речевых импликатур, возражение под видом согласия, противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности, игра на референциальной неоднозначности, использование манипулятивной стратегии de re, «магия слова». В числе конкретных языковых средств, в соответствии с работами [Иссерс 1999; Радбиль 2017], рассмотрены такие средства, как игра на многозначности, использование метафор, наведение ложной оценочности, скрытое сравнение или противопоставление, манипуляция экспрессивными средствами, парономазия, мена темы и ремы, инверсия, аномальный сочинительный ряд, номинализация и пр.

Ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию. В предыдущих подразделах уже рассматривался ряд случаев «навязывания пресуппозиции» в контексте конфликтной коммуникации. Однако этот прием обладает и значительным потенциалом манипулятивности. Рассматриваемый прием заключается в том, что идея, которую надо внушить адресату, подается под видом пресуппозиции [Булыгина, Шмелев 1997: 462]. Пресуппозиции бывают **семантические**, которые выводятся из значений слов и выражений, и **прагматические**, которые опираются на ситуацию, на то, что общеизвестно или известно обоим собеседникам.

Манипуляция с семантической пресуппозицией представлена в примере из интервью:— ***В чем, по-вашему, выражается суть <u>политико-</u>***

законодательной акции по ликвидации колхозов, совхозов и других сельхозпредприятий*? // — Ответ ясен как божий день. Вспомним некоторые моменты земельно-аграрной политики, проводимой либерально-демократическим руководством страны* (НКРЯ — Уводят землю из-под ног // «Советская Россия», 2003.05.15). —- Здесь спрашивающий под видом информативного вопроса заранее задает негативную характеристику действия властей как ‘политико-законодательной акции по ликвидации колхозов, совхозов и других сельхозпредприятий’. В случае любого ответа эта негативная характеристика сохраняется.

Манипуляция с прагматической пресуппозицией представлена в примере: **—** *Кого бы ты хотел играть? //* ***— Разве ты не знаешь, кого!*** (НКРЯ – –Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961). — Здесь отвечающий вместо информативного ответа по запрашиваемой информации перекладывает ответственность на спрашивающего посредством реактивного вопроса с опорой на контекст и общий фонд знаний собеседников (и при случае он сможет всегда отпереться — ‘я этого не говорил’).

Воздействие при помощи речевых импликатур. Подобные случаи также рассматривались в предыдущих разделах 3.1 и 3.2. Это разного рода манипуляции с информацией, непосредственно не содержащейся в высказывании, но выводимой из него на основе общих законов речевого общения. Этот прием «состоит в том, что внушаемое утверждение прямо не содержится в тексте, но вытекает из содержащихся в нем утверждений как речевая импликатура. Это дает возможность автору текста при необходимости «отпереться» от имплицируемого утверждения…» [Булыгина, Шмелев 1997: 463]: **—** *Как вы себя чувствуете, Юрий Иванович? //* ***— Ну как вы думаете, как я могу себя чувствовать?*** (НКРЯ — Даниил Гранин. Зубр (1987)).

Как видим, часто в роли языкового средства подобных манипуляций выступает повтор, потому что буквальная интерпретация ответа, повторяющего вопрос, ведет к тавтологии и неинформативности. Поэтому спрашивающему навязывается необходимость небуквальной интерпретации в нуж-

ном для отвечающего ключе, а именно импликатура ‘Вы и сами должны понимать, что в известных вам обстоятельствах я не могу чувствовать себя хорошо’. Манипулятивность данного приема заключается в том, что прямой ответ мог бы обидеть спрашивающего, так как выглядел бы как упрек. Но в данном случае спрашивающий как бы сам вывел эту информацию, а значит, ответственность с отвечающего снимается.

Возражение под видом согласия. «Речь идет о манере спорить, когда говорящий как будто соглашается с мыслью, высказанной оппонентом, но тут же приводит соображение, сводящее на нет возможные выводы из этой мысли» [Булыгина, Шмелев 1997: 464].

— *Вы согласны, профессор? // — Я* ***согласен, но*** *меня интересует, к какому году вы относите себя, мой славный аналитик? Про меня уж не спрашиваю: наверняка к какому-нибудь девятьсот шестнадцатому или тринадцатому* (НКРЯ —Юрий Трифонов. Утоление жажды (1959-1962);

— *У театра есть спонсоры? //* ***— Конечно, но*** *их получается приглашать только под какие-нибудь особенные события — премьера, открытие сезона, приезд звезды* (НКРЯ — Яцек Каспшик: «Немецкий и русский языки не сложны для поляка» // «Известия», 2002.10.18).

В этих случаях используется прием скрытого противопоставления, манипулятивность которого состоит в том, что он дает отвечающему возможность высказать возражение в неявном виде, даже не давая понять, в чем, собственно, оно состоит. Это и открывает дорогу различным речевым манипуляциям: отвечающий высказывает свою позицию, формально не нарушая кооперативность общения (ведь внешне в ответе представлен иллокутивно зависимый речевой акт согласия).

Противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности. Этот прием основан на «апелляции к объективной реальности» посредством метаязыковых включений типа *на самом деле, в самом деле, в действительности* и под. Манипулятивность состоит в том, что реально говорящий не апеллирует к тому, как есть «на самом деле», «поскольку в основе такой апелляции

лежит имплицитное представление о «мнимой», «кажущейся» реальности, скрывающей за собою «подлинную», «настоящую» реальность (при этом говорящий в неявном виде присваивает себе право судить о том, какова эта подлинная реальность)». [Булыгина, Шмелев 1997: 468].

В диалогической коммуникации это проявляется наиболее ярко: **—** *А вы как думаете? Предположим,* ***у меня фамилия Бронштейн****. //* **—** *А на самом деле? //* **— *На самом деле — Киржнер***. *Я же должен чем-то зацепить внимание, чтоб именно меня выбрали из всей массы ведущих* (НКРЯ — Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008). — Здесь не вполне понятно, какая из реальностей «подлинная», потомку что только отвечающий в этой конструкции отвечает за признание некоего факта подлинным или мнимым.

Игра на референциальной неоднозначности. «Ввиду того что в русском языке отсутствуют артикли, часто лишь при обращении к более широкому контексту может быть выяснено, соотносится ли языковое выражение с конкретным объектом или же с целым классом объектов» [Булыгина, Шмелев 1997: 470]: **—** *Как ты мог жениться на старухе? — визжала третья жена, потроша Васины альбомы. //* **— *Она не была старухой*** (НКРЯ — Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)).

Здесь в зоне инициатора диалога слово *старуха* используется в нереферентном употреблении [Падучева 1996] — ‘любое лицо женского пола, имеющее данное свойство быть старухой’, а зоне отвечающего слово *старуха* используется для характеристики конкретного референта, обозначенного местоимение *она* — имеется в виду конкретная женщина, на которой отвечающий женился давно, когда она еще не была старухой. Языковым средством создания приема здесь выступает скрытое противопоставление. Манипулятивность данного приема заключается в том, что отвечающий избегает ответа по существу на неудобный для него вопрос, но при этом формально соблюдает требования к успешной коммуникации, избегая возможных санкций за нарушение кооперации.

Использование манипулятивной стратегии de re. Еще в античной риторике было сформировано представление о двух типах интерпретации чужого мнения и чужой речи — стратегии de dicto (буквально — «от сказанного») и стратегия de re (буквально — «от вещи, от реалии»). «При стратегии de dicto говорящий использует номинации, которые счел бы адекватными и субъект передаваемого мнения; при номинации de re говорящий все переименовывает в соответствии со своими представлениями о реальности. <…> Стратегия de dicto направлена на адекватную передачу чужого мнения; стратегия de re всегда маркирована и выбирается со специальной целью» [Булыгина, Шмелев 1997: 474]: — *И зачем тебе меня такую видеть?* // — ***А какую я тебя еще могу увидеть?*** (НКРЯ — Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003-2005)).

Здесь манипулятивно заряженная стратегия de re реализуется посредством мены темы и ремы в ответе. Рематический компонент вопроса (запрашиваемая в нем новая информация) связан с глаголом *видеть*, а в реактивной реплике отвечающий отвечает на тематический компонент («*такую*»), тем самым подстраивая содержание вопроса под свое видение и избегая содержательного обсуждения неудобной для него темы. Аналогично: — *Что ты хочешь получить взамен?* // — *Я скажу,* ***чего я не хочу получить****, великий хан* (НКРЯ — Борис Васильев. Ольга, королева русов (2002)). — Здесь отвечающий манипулятивно реагирует не на рему (*получить взамен*), а на тему (*хочешь*), тем самым получая возможность вместо ответа высказать свою позицию по поводу того, о чем его не спрашивали.

«Магия слова». Под явлениями «магии слова» мы понимаем случаи использования в дискурсе эмоционально воздействующих на адресата высказываний, которое неинформативны, тавтологичны, алогичны или внутренне противоречивы, а также не соответствуют логике коммуникации. Но это обнаруживается лишь при дальнейшем логическом анализе, потому что они как бы отвлекают внимание адресата своей образной, экспрессивной или стилистически привлекательной формулировкой. «Расчет, осознанный или неосоз-

нанный, делается на то, что поддавшийся «магии слов» адресат речи не будет особенно вникать в смысл того, что ему говорится» [Булыгина, Шмелев 1997: 474]: — *А если этот догадывается. Почему бы ему не выкинуть предмет? //* — ***Хороший человек в такой момент думает — я выкину, а его подберет другой хороший человек***... ***Хорошим людям вообще свойственно думать, что их окружают хорошие люди*** (НКРЯ — Полина Волошина, Евгений Кульков. Маруся (2009)).

Здесь вместо информативного ответа в реактивной реплике посредством амплификации — нагромождения эмоционально-оценочных слов содержится ряд обобщающих тривиальных сентенций, пафос которых не соответствует в общем обычной нейтральной ситуации. В результате смысл ответа расплывается, становится непонятен.

В другом случае отвечающий уклоняется от ответа на вполне информативный вопрос посредством излишне эмоциональной реакции вопросительного характера, которая не соответствует логике поставленного вопроса: — *Что тебе надо? //* — ***И это все, что ты можешь мне сказать?*** (НКРЯ — Татьяна Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)). — Манипулятивность заключается в том, что отвечающий тем самым избегает ответа на неудобный для его вопрос и ставит в проигрышное положение — заставляет отвечать (отчитываться перед ним) — уже самого того, кто был инициатором общения.

В целом можно заключить, что все рассмотренные манипулятивные механизмы имеют, разумеется, общекоммуникативную природу: они не зависят от национальных и культурных особенностей разных языков. В плане интересующей нас национальной обусловленности здесь можно говорить лишь об определенных тенденциях.

В частности, распространенность манипулятивных моделей именно в русской речевой практике можно трактовать как проявление особенностей высококонтекстной культуры в свете известного пренебрежения к рациональной стороне общения. Также можно отметить и тяготение к определен-

ной безапеляционности, при которой адресату достаточно бесцеремонно навязываются некие суждения и мнения, причем в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения.

Выводы по содержанию главы III

В главе проанализированы типы и функции национально обусловленных форм диалогического взаимодействия в русской речи.

Выделены и рассмотрены такие структурно-семантические разновидности инициальных вопросительных реплик, как диктумные и модусные вопросы. Диктумные вопросы делятся на ситуативные и предикатно-актантные. Модусные вопросы делятся на общие и частные. Также модусные вопросы подразделяются по типу модуса на ментальные (эпистемические), эмотивные, перцептивные, волитивные и собственно-речевые. По характеру подачи запрашиваемой информации вопросы делятся на прямые и косвенные.

Выделены и рассмотрены следующие разновидности ответных реплик. По характеру иллокутивной силы в реакции отвечающего на коммуникативную направленность и / или содержание вопроса охарактеризованы реплики-стандартные ответы, реплики-вежливые ответы, реплики-переспросы, реплики-подхваты, реплики-повторы, реплики-допущения, реплики-противоречия, реплики-возражения, реплики-опровержения, реплики-отказы, реплики-согласия / несогласия, реплики-добавления, реплики-уточнения, реплики-оценки, реплики, сопровождающие тему, реплики, переводящие тему в другую плоскость, реплики отказа от коммуникации и умышленное молчание.

По полноте передаваемой в ответной реплике информации проанализированы реплики достаточно информативные, избыточно-информативные, недостаточно-информативные и неинформативные.

По характеру соответствия ответной реплики иллокутивной силе инициирующей реплики рассмотрены реплики полностью соответствующие интенции инициирующей реплики, частично соответствующие интенции инициирующей реплики и не соответствующие интенции инициирующей реплики.

На этой основе охарактеризованы прагматические типы вопросно-ответных единств по параметру иллокутивной вынужденности и способам прагматической связности. По параметру иллокутивного вынуждения вопросно-ответные единства могут быть иллокутивно независимыми и иллокутивно зависимыми, при этом каждый из типов может быть реализован в режиме прямого или косвенного диалогического взаимодействия.

К иллокутивно-зависимым вопросно-ответным единствам в режиме прямого диалогического взаимодействия относятся такие пары, как «вопрос» — «информативный ответ», «вопрос» — «подхват», «вопрос» — «переспрос», «вопрос» — «повтор», «вопрос» — «добавление», «вопрос» — «уточнение», «вопрос» — «согласие» / «несогласие», «вопрос» — «подтверждение», «вопрос» — «обязательство», «вопрос» — «отказ от изложенного в пропозиции», «вопрос» — «возражение», «вопрос» — «опровержение».

К иллокутивно-зависимым вопросно-ответным единствам в режиме косвенного диалогического взаимодействия относятся такие пары, как «вопрос-предложение» — «согласие / несогласие», «вопрос-совет» — «согласие / несогласие», «вопрос-приглашение» — «благодарность / вежливый отказ», «вопрос-намерение» — «согласие / несогласие», «вопрос-извинение» — «принятие извинения», «вопрос-побуждение (просьба, пожелание, запрет, требование и пр.)» — «согласие / отказ».

К иллокутивно-независимым вопросно-ответным единствам в режиме прямого диалогического взаимодействия относятся такие пары, как «вопрос» — «необусловленное сообщение», «вопрос» — «вопрос», «вопрос» — «побуждение», «вопрос» — «эмоциональная реакция», «вопрос» — «уход от темы», «вопрос» — «отказ от продолжения коммуникации», «вопрос» — «агрессивная реакция», «вопрос» — «прекращение коммуникации».

К иллокутивно-независимым вопросно-ответным единствам в режиме косвенного диалогического взаимодействия относятся такие пары, как «вопрос-утверждение (риторический вопрос, в норме не могущий иметь ответа, т.е. быть иллокутивно зависимым)» — «утверждение / вопрос», «вопрос-предложение» — «отказ / негативная эмоциональная реакция», «вопрос-совет» — «отказ / негативная эмоциональная реакция», «вопрос-приглашение» — «сообщение / побуждение», «вопрос-намерение» — «сообщение», «вопрос-побуждение (просьба, пожелание, запрет, требование и пр.)» — «отказ / негативная эмоциональная реакция», «вопрос-упрек» — «негативная эмоциональная реакция», «вопрос-угроза» — «согласие / вопрос / сообщение», «вопрос-злопожелание» — «согласие / вопрос / сообщение».

По параметру прагматической связности было проанализировано 4 типа единств, которые различаются по таким признакам, как согласование реплик по иллокутивной функции; связь реплики с условиями успешности предшествующего речевого акта, минуя содержание высказывания; направленность реплики на презумпцию предшествующего высказывания; связь реплик, устанавливаемая на основе обращения к импликатурам дискурса.

Сделан вывод о том, что в большинстве случаев участники коммуникации проявляют речевые тактики «выхода на метауровень», когда коммуникантов интересует не объективная ситуационная сторона речевого общения, а выражение своего настроения, отношения к собеседнику или ситуации в целом, обсуждение самой манеры ведения диалога. Это характерно именно для национально обусловленных моделей диалогической коммуникации.

На следующем этапе исследования проанализированы функциональные типы вопросно-ответных единств в аспекте национальной и культурной специфики. Выявлено две базовых разновидности — регулятивные и метакоммуникативные вопросно-ответные единства.

Охарактеризованы три группы регулятивных вопросно-ответных единств по параметру иллокутивно зависимой или независимой реакции адресата на коммуникативную направленность — иллокутивную силу (функ-

цию) инициальной вопросной реплики (предоставление / непредоставление запрашиваемой информации, уточнение, переспрос, выражение отношения, выполнение просьбы, согласие / несогласие, разные типы оценочных реакций и пр.); на пропозициональное содержание инициальной вопросной реплики в целом или его фрагмент; на пресуппозицию инициальной вопросной реплики, на предшествующую ей ситуацию, на условия успешности реализации диалога и другие виды имплицитной информации.

Также представлен анализ трех групп метакоммуникативных вопросно-ответных единств по характеру эксплицитной или имплицитной актуализации речевых стратегий «выхода на метауровень» посредством вербализации в ответной реплике иллокутивной силы вопросительной инициальной реплики; иллокутивной силы ответной реактивной реплики; акта вступления в диалогическое взаимодействие, т.е. самого факта говорения со стороны инициатора диалога. Установлено, что имеется и третий, синкретичный функциональный тип фатических вопросно-ответных единств, совмещающих регулятивную и метакоммуникативную функцию. В нашей работе они получили условное наименование «псевдо-тавтологические единства». Осуществлен анализ двух групп иллокутивно-независимых и иллокутивно-зависимых вопросно-ответных единств с ответной репликой, по форме соответствующей инициальной реплике, и с ответной репликой, по форме повторяющей инициальную реплику.

Показано, что все проанализированные случаи характеризует внимание говорящих именно к фатической стороне коммуникации: акцент в речевом взаимодействии неизбежно переносится на межличностные отношения участников диалога, на феномен коммуникации как таковой.

В заключительном разделе главы уделяется внимание особенностям актуализации национально обусловленных диалогических вопросно-ответных единств в разных видах диалогического дискурса, а именно в фатической кооперативной коммуникации и в фатической некооперативной (конфликтной и манипулятивной) коммуникации.

Для фатической кооперативной диалогической коммуникации выявлены вопросно-ответные единства с такими иллокутивными доминантами, как эмоциональное согласие, вежливое несогласие, понимание, одобрение, принятие предложения, поддержка, оправдание, подтверждение, солидарность. Также выделена группа вопросно-ответных единств, иллокутивная доминанта которых исключительно связана с «наличием добрых чувств»: прощение, благодарность, сочувствие, утешение, эмоциональная близость, положительная оценка, уважение, симпатия, любовь. В ряде случаев выявлена предельная компрессия выражаемого содержания, когда вербализованными являются лишь предельно общие и краткие маркеры самого факта состоявшегося коммуникативного взаимодействия.

Для фатической некооперативной конфликтной коммуникации исследованы явления инициативной, реактивной и взаимной вербальной агрессии. Установлено, что средствами выражения инициативной агрессии являются так называемые «агрессивные вопросы-упреки», некорректные, блокирующие вопросы, вопросы с ложными или бессмысленными альтернативами; средствами выражения реактивной агрессии являются «псевдо-имеративы», «агрессивные» частицы и междометия, устойчивые конструкции и повторы инициальной реплики. Показано, что иллокутивной доминантой взаимной агрессии в вопросно-ответных единствах конфликтного типа является национально обусловленная установка на «выяснение отношений» на повышенных тонах как воплощение «моральной страстности» (А. Вежбицкая).

Для фатической некооперативной манипулятивной коммуникации выявлено использование разнообразных приемов «речевой демагогии»: ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию, воздействие при помощи речевых импликатур, возражение под видом согласия, противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности, игра на референциальной неоднозначности, использование манипулятивной стратегии de re, «магия слова». Установлено, что указанные приемы в вопросно-ответных единствах манипулятивного типа выражаются такими языковыми средствами, как игра на многозначности,

использование метафор, наведение ложной оценочности, манипуляция экспрессивными средствами, парономазия, скрытое сравнение или противопоставление, мена темы и ремы, инверсия, аномальный сочинительный ряд, номинализация и пр.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование национально обусловленных моделей фатической диалогической вопросно-ответной коммуникации в современной русской речи позволил получить следующие результаты.

Анализ обширной научной литературы по теме исследования показал необходимость изучения диалога в контексте его внеязыкового окружения. На этой основе было сформулировано рабочее определение диалога как интегративного фрагмента совокупного диалогического дискурса, выступающего в качестве результата речевого взаимодействия двух и более участников на определенную тему, которые обладают определенной общностью знаний о мире и конвенций общения, объединены определенной коммуникативной ситуацией и связаны единством места и времени.

Были проанализированы основные структурно-семантические, функциональные и коммуникативно-прагматические классификации самих диалогов и единиц диалогического дискурса. В результате была выявлена наиболее общепринятая единица — диалогическое единство и определен ее базовый тип — двучленное диалогическое единство.

На этой основе было выработано рабочее определение двучленного диалогического единства, представляющего собой коммуникативное целое, образованное одной инициативной репликой — стимулом и одной реагирующей репликой — реакцией, которые находятся в отношениях иллокутивного вынуждения.

Показана особая роль в организации речевого взаимодействия такой разновидности диалогических единств, как вопросно-ответное единство, которое и стало предметом исследования в настоящей работе.

Также были подробно освещены языковые и паралингвистические средства диалогической коммуникации — фонетические и просодические, лексические, морфологические и синтаксические, паралингвистические и

мультимодальные. Это позволило подтвердить представление о сложности многомерности диалогического взаимодействия в единстве речевых, прагматических, психологических, дискурсивных, когнитивных и социальных аспектов, что потребовало обоснования соответствующей комплексной методики его описания

На основе изучения существующих в современном диалоговедении структурно-семантических, функциональных, риторических, стилистических, лингвопрагматических, лингвопоэтических, коммуникативных, когнитивно-дискурсивных и прикладных подходов были сформулированы основные положения необходимой для нашего исследования методики комплексного описания национально обусловленных моделей диалогического взаимодействия, которая предполагает лингвокультурологическую интерпретацию всех аспектов диалога.

Для достижения поставленной цели было осуществлено разграничение понятий *национальная специфика* и *национальная обусловленность*, выделены функциональные типы диалогических единств — регулятивные, метакоммуникативные и псевдо-тавтологические. Также было показано различение между фатической и информативной диалогической коммуникацией, в составе фатической коммуникации разведены ее кооперативные и некооперативные типы (последние включают такие разновидности, как конфликтный и манипулятивный подтипы).

На основе изучения исследований в области современной лингвокультурологической парадигмы был эмпирическим путем задан тот круг ключевых идей русской языковой картины мира, который предполагалось обнаружить и в моделях диалогического взаимодействия в речевой практике носителей современного русского языка.

Было высказано значимое в целях предпринятого исследования положение о том, что указанные национально обусловленные модели в целом соотнесены с таким типом культуры, который в теории кросс-культурной ком-

муникации принято называть «высококонтекстными» (в противовес рациональным, информативно ориентированным «низкоконтекстным» культурам).

Было показано, что особое внимание не к содержательной, а к межличностной стороне речевой коммуникации вообще является яркой национально-специфичной чертой именно русских моделей речевого взаимодействия. Это проявляется, с одной стороны, в ориентации участников диалога на поддержание «эмоционального градуса» общения, а с другой — в их тяготении к категорическим моральным суждениям и, как следствие, к постоянному «выяснению отношений.

В собственно аналитической части настоящей работы были последовательно рассмотрены структурно-семантические и функциональные разновидности национально обусловленных моделей вопросно-ответных единств, а также была осуществлена дискурс-аналитическая характеристика материала в соответствии с типами фатической коммуникации (кооперативной, некооперативной конфликтной и манипулятивной) в свете лингвокультурологической интерпретации указанных моделей.

Анализ структурно-семантических разновидностей инициальных вопросительных и реактивных ответных реплик в составе вопросно-ответного единства, а также анализ прагматических типов самих вопросно-ответных единств как единого целого по параметру иллокутивной вынужденности и способам прагматической связности позволил выявить некоторые национально обусловленные особенности диалогической коммуникации. В этой связи особое внимание было уделено реализации в структуре речевого взаимодействия коммуникативных тактик «выхода на метауровень», когда коммуникантов интересует не объективная ситуационная сторона речевого общения, а выражение своего настроения, отношения к собеседнику или ситуации в целом, обсуждение самой манеры ведения диалога.

В работе исследованы два базовых функциональных типа вопросно-ответных единств — регулятивные и метакоммуникативные, на основе чего было подтверждено положение о правомерности выделения третьего, про-

межуточного, синкретичного типа, который получил название «псевдо-тавтологические единства», совмещающие регулятивную и метакоммуникативную функции.

Проведенный анализ позволил установить наличие в указанных выше типовых схемах диалогического взаимодействия таких национально обусловленных признаков, как установка на эмпатию; чрезмерная гиперболизация в языковой концептуализации обсуждаемой ситуации; гипертрофия общей, моральной или эстетической оценки при осуществлении речевого общения («моральная страстность», по А. Вежбицкой); соотнесенность самых простых вещей, свойств, процессов или явлений с духовным идеалом и стремление к мотивированному ситуацией или немотивированному «выяснению отношений».

Также был сделан вывод, что в целом рассмотренные регулятивные, метакоммуникативные и особенно — «псевдо-тавтологические» вопросно-ответные единства демонстрируют внимание собеседников именно к фатической стороне коммуникации: акцент в речевом взаимодействии неизбежно переносится на межличностные отношения участников диалога, на феномен коммуникации как таковой и ее самоценность, на важность поддержания такой специфически русской речеповеденческой деятельности, по мнению таких ученых, как А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев, как *общение*.

На завершающем этапе исследования было рассмотрено функционирование национально обусловленных вопросно-ответных единств в таких разных видах диалогического дискурса, как в фатической кооперативной коммуникации и в фатической некооперативной (конфликтной и манипулятивной) коммуникации. Центральным понятием для анализа стало понятие «иллокутивной доминанты», которая понимается как характер взаимодействия (согласованность, несогласованность, манипулятивная псевдо-согласованность, столкновение, противоположность и пр.) коммуникативных целей участников диалога, в результате чего участники дискурса испытывают различные эмоции благодаря вербальному воздействию друг на друга.

Анализ фатических кооперативных вопросно-ответных единств позволил выявить такие значимые в плане оценки национальной обусловленности моделей коммуникации иллокутивные доминанты, как установку говорящих на коммуникативное сотрудничество, согласование иллокуций и коммуникативных ролей, а также обязательную эмпатию — умение встать на позицию собеседника. Эмпатия, в свою очередь, предполагает стремление к взаимопониманию и соответствующий ему позитивный эмоциональный фон (по формулировке А. Вежбицкой, «наличие добрых чувств по отношению друг к другу»). В этой связи было показано, что для участников диалога важен именно сам процесс речевого общения, при котором они еще раз имеют возможность подтвердить наличие взаимопонимания.

Анализ фатических некооперативных конфликтных вопросно-ответных единств позволил продемонстрировать другой аспект национально обусловленных моделей коммуникации, связанный с повышенной вербальной агрессией при актуализации в диалоге иллокутивной доминанты «выяснение отношений». Были рассмотрены такие разновидности, как инициативная агрессия, реактивная агрессия и взаимная, интерактивная агрессия.

Исследование показало, что именно в случаях интерактивной агрессии иллокутивная доминанта «выяснение отношений» выражена максимально, когда объективная сторона речевого общения вообще сведена к минимуму и оба собеседника озабочены лишь стремлением нанести коммуникативный ущерб друг другу.

Анализ фатических некооперативных манипулятивных вопросно-ответных единств обнаружил явления двух типов: разнообразные коммуникативные стратегии ухода от обсуждения по тем или иным причинам «неудобной» для отвечающего темы; приемы и средства «речевой демагогии» как воплощения манипулятивной коммуникации.

Коммуникативные стратегии ухода от обсуждения «неудобной» темы в обследованном материале весьма разнообразны. Особое внимание в их числе было уделено коммуникативной стратегии уклонения от обсуждения неудоб-

ной темы или от ответа на неудобный вопрос, условно названной нами «манипулятивным передразниванием». В этих случаях отвечающий, вместо информативного ответа, просто повторяет вопрос и тем самым, по законам коммуникативного сотрудничества, возвращает право инициативы спрашивающему, не боясь санкций за нарушение принципа кооперации.

Коммуникативные стратегии «речевой демагогии» как воплощения манипулятивной коммуникации основаны на таких приемах, как ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию, воздействие при помощи речевых импликатур, возражение под видом согласия, противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности, игра на референциальной неоднозначности, использование манипулятивной стратегии de re, «магия слова».

Были сделаны выводы о том, что, несмотря на свою общечеловеческую, общекоммуникативную природу, механизмы манипулятивной диалогической коммуникации имеют и определенную национально обусловленную привязку. Их можно трактовать как проявление пренебрежения к рациональной стороне общения, что в целом присуще высококонтекстной культуре, как тяготение к определенной безапелляционности, при которой адресату достаточно бесцеремонно навязываются некие суждения и мнения, причем в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения.

Предложенное в работе описание национально обусловленных моделей фатических вопросно-ответных единств не может быть исчерпывающим в силу крайне обширного объема и весьма значительного качественного разнообразия языкового материала. Это открывает перспективы для дальнейшего исследования, которые связаны с возможным расширением текстовой базы исследования за счет комплексного анализа диалогических единств других типов — информирующих (*сообщение — сообщение (согласие / несогласие)*), побудительных (*побуждение — реакция на побуждение*), эмотивных, формульно-этикетных и др.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ИМ — Языковые данные, полученные в результате интернет-мониторинга автора в русскоязычном сегменте сети интернет

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL: http: // www.ruscorpora.ru

СНА — Картотека собственных наблюдений автора за русской живой разговорной речью

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Научная и учебно-методическая литература:

1. Адмони, В.Г. Система форм речевого высказывания [Текст] / В.Г. Адмони; РАН. Институт лингвистических исследований. — СПб.: Наука, 1994. — 154 с.
2. Акишина, А.А., Формановская, Н.И. Русский речевой этикет [Текст] / А.А. Акишина; Н.И. Формановская. — М.: Русский язык, 1978. — 183 с.
3. Анипкина, Л.Н. Оценочные высказывания в прагматическом аспекте [Текст] / Л.Н. Анипкина // Филологические науки. — 2000. — № 2. — С. 58-98.
4. Анисимова, Е.Е. Коммуникативно-прагматические нормы [Текст] / Е.Е. Анисимова // Филологические науки. — 1988. — № 6. — С. 64–69.
5. Апресян, В.Ю. Имплицитная агрессия в языке [Текст] / В.Ю. Апресян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Междунар. конф. «Диалог — 2003» (Протвино, 11—16 июня 2003 г.) / Под ред. И.М. Кобозевой, Н. И. Лауфер, В. П. Селегея. — М.: Наука, 2003. — С. 32–35.
6. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. — 1995. — № 1. — С. 37–67.
7. Арутюнова, Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Филологические науки. — 1970. — № 3. — С. 44-58.
8. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл [Текст] / Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1976. — 383 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Изв-я АН СССР. Серия лит. и языка. — 1981. — Т. 40. — № 4. — С. 356-367.
10. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — 341 с.
11. Арутюнова, Н.Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста / Отв.ред. Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1990. — С. 175–194.
12. Арутюнова, Н.Д. Диалогическая модальность и явление цитации [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность,

дейксис / Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. А. Кибрик и др.; Отв. ред. Т.В. Булыгина. — М.: Наука, 1992. — С. 52-79.

13. Арутюнова, Н.Д. Национальное сознание, язык, стиль [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тезисы международной конференции: В 2-х т. — М.: МГУ, 1995. — Т. I. — С.32-33.

14. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 896 с.

15. Арутюнова, Н.Д., Падучева, Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / Сост. и вст. ст. Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой; общ. ред. Е.В. Падучевой. — М.: Прогресс, 1985. — С. 3-42.

16. Ахутина, Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса [Текст] / Т. В. Ахутина. — М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1989. — 215 с.

17. Багдасарян, Э.Ю. Вопросно-ответная серия как тип диалогического текста (на материале современного англоязычного пресс-брифинга) [Электронный ресурс] / Э.Ю. Багдасарян // Litera. — 2017. — № 1. — С. 67–75. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id= 22023 (Дата обращения: 20.06.2019).

18. Баделина, М.В. Отношения согласия между репликами диалогических единств: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / М.В. Баделина; Ивановский госуниверситет. — Иваново, 1997. — 174 с.

19. Байкулова, А.Н. Устное неофициальное общение и его разновидности : повседневная речь горожан [Текст] / А.Н. Байкулова. — Саратов : Наука, 2014. — 216 с.

20. Балаян, А.Р. К проблеме функционально-лингвистического изучения диалога [Текст] / А.Р. Балаян. // Изв-я АН СССР. Серия лит. и языка. — 1971. — Т. 30. — Вып. 4. — С. 325-331.

21. Баранов, А.Н. Метаязыки описания аргументативного диалога [Текст] / А.Н. Баранов // Диалог: теоретические проблемы и методы исследования: Сб. научно-аналитических обзоров / Отв. ред. Н.А.Безменова. — М.: ИНИОН, 1991. — С. 51-81.

22. Баранов, А.Н., Иванова, Е.А. Лексические показатели минимальных диалогов [Текст] / А.Н. Баранов, Е.А. Иванова // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. — 1999. — № 1. — С. 76-87.

23. Баранов, А.Н., Крейдлин, Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога [Текст] / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. — 1992а. — № 2. — С. 84–99.
24. Баранов, А.Н., Крейдлин, Г.Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов [Текст] / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. — 1992б. — № 3. — С. 8–17.
25. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М.М. Бахтин. —. М.: Советская Россия, 1979. — 318 с.
26. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках [Текст] / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи / Сост. С. Бочаров и В. Кожинов. — М.: Художественная литература, 1986а. — С. 473-500.
27. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986б. — 445 с.
28. Белоус, Н.А. Функциональные особенности конфликтного дискурса [Текст] / Н.А. Белоус // Знание. Понимание. Умение. — 2008. — № 4. — С. 152–157.
29. Бизева, М.Г. Коммуникативный блок как одна из единиц диалога [Текст] / М.Г. Бизева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2000. — № 5. — С. 27-59.
30. Блох, М.Я., Поляков С.М. Строй диалогической речи [Текст] / М.Я. Блох, С.М. Поляков. — М.: Прометей, 1992. — 155 с.
31. Богданов, В.В. Семантическое и прагматическое согласование высказываний в диалоге [Текст] / В.В. Богданов // Диалог глазами лингвиста: Сб. научн. трудов / Редкол.: Г.П. Немец (отв. ред.) и др. — Краснодар: КГУ, 1994. — С. 9-15.
32. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика [Текст] / А.В. Бондарко. — Л.: Наука, 1984. — 136 с.
33. Борисова, И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика [Текст] / И.Н. Борисова. — Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 320 с.
34. Борисова, М.Б. О типах диалога в пьесе Горького «Враги» [Текст] / М.Б. Борисова // Очерки по лексикологии, фразеологии, стилистике. Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук.— 1956. — № 198. — Вып. 24. — С. 32-54.
35. Будагов, Р.А. Язык и речь в кругозоре человека [Текст] / Р.А. Будагов. — М.: Добросвет-2000, 2000. — 304 с.

36. Букин, А.С. Проблема некооперативного диалога [Текст] / А.Ю. Букин // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. —2014. — № 2. — Том 1. Филология. — С. 226–232.
37. Булыгина, Т.В. О границах и содержании прагматики [Текст] / Т.В. Булыгина // Изв-я АН СССР. Серия лит. и языка. — 1981. — Т. 40. — № 4. — С. 333-343.
38. Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д. Диалогические функции некоторых вопросительных предложений [Текст] / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Изв-я АН СССР. Серия лит. и языка. — 1982. — Т. 41. — № 4. — С. 314-326.
39. Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). [Текст] / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 576 с.
40. Буренина, Н.В. Диалог и эмотивная функция языка [Текст] / Н.В. Буренина // Диалог о диалоге: Сб. статей. — Саранск: Изд. Морд. универ., 1991. — С. 28-35.
41. Бырдина, Г.В. Динамическая структура в русской диалогической речи: учеб. пособие [Текст] / Г.В. Бырдина. — Тверь: ТГУ, 1992. — 84 с.
42. Валюсинская, З.В. Проблемы изучения диалога в работах советских лингвистов [Текст] / З.В. Валюсинская // Синтаксис текста; Отв. ред. Г.А. Золотова; АН СССР. Институт русского языка им .В.В. Виноградова. — М.: Наука, 1979. — С. 299–313.
43. Вежбицка, А. Речевые акты [Текст] / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / Сост. и вст. ст. Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой; общ. ред.. Е.В. Падучевой. — М.: Прогресс, 1985. — С. 251–275.
44. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая; Пер. с англ.; отв. ред.и сост. М.А. Кронгауз. — М.: Русские словари, 1997. — 416 с.
45. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая: Пер. с англ. А.Д. Шмелева. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 288 с.
46. Викторова, Е.Ю. Функционирование дискурсивных слов с диффузным значением [Текст] / Е.Ю. Викторова // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 383. — С. 27–34.
47. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды [Текст] / В.В. Виноградов; послесл. А.П. Чудакова; коммент. Е.В. Душечкиной и др. — М.: Наука, 1980. — 360 с.

48. Виноградов, В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) [Текст] / В.В. Виноградов. — М.: Наука, 1986. 640 с.
49. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Г.О. Винокур. — М.: Учпедгиз, 1959. — 492 с.
50. Винокур, Т.Г. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи в современном русском языке [Текст] / Т.Г. Винокур // Исследования по грамматике русского литературного языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 342-355.
51. Винокур, Т.Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция [Текст] / Т.Г. Винокур // Язык и личность: Сб. статей / Под ред. Ю.Н. Караулова; АН СССР. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — М.: Наука, 1989. — С. 11–23.
52. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения [Текст] / Т.Г. Винокур. — М.: Наука, 1993а. — 172 с.
53. Винокур, Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего [Текст] / Т.Г. Винокур // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева; Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. — М.: Наука, 1993б. — С. 5-29.
54. Винокур, Т.Г. Диалог [Текст] / Т.Г. Винокур // Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. — М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1998. — С. 119–120.
55. Воробьева, О.П. Текстовые категории и фактор адресата [Текст] / О.П. Воробьева. — Киев: Вища школа, 1993. — 199 с.
56. Вотрина, Е.Н. Функционирование категории диалогичности в научных текстах XX века: Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Е.Н. Вотрина; ВГУ. — Волгоград, 2011. — 158 с.
57. Гак, В.Г. Высказывание и ситуация [Текст] / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики–72: Сб. научн. трудов / под ред. С.К. Шаумяна; РАН. ИРЯ им. В.В. Виноградова. — М.: Наука, 1973. — С. 349-372.
58. Гак, В.Г. О категориях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте: Сб. научн. трудов [Текст] / В.Г. Гак. // Калинин: КГУ, 1978. — С. 19–26.
59. Галактионова, И.В. Средства выражения согласия [Текст] / И.В. Галактионова // Идеографические аспекты русской грамматики / Под ред. В.А.Белошапковой и. И.Г.Милославского. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — С. 145-168.

60. Галкина-Федорук, Е.М. Суждение и предложение [Текст] / Е.М. Галкина-Федорук. — М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1956. — 73 с.

61. Галкина-Федорук, Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке [Текст] / Е.М. Галкина-Федорук // Сборник статей по языкознанию. Профессору Моск. ун-та академику В.В. Виноградову в день его 60-летия. — М.: Изд-во Московского университета, 1958. — С. 103–124.

62. Гаспаров, Б.М. Устная речь как семиотический объект [Текст] / Б.М. Гаспаров // Ученые записки Тартуского университета. — Тарту: ТГУ, 1978. — Вып. 442. Семантика номинации и семиотика устной речи. — С. 63-112.

63. Гастева, Н.Н. Диалогическое единство в разговорной речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Н.Н. Гастева. — Саратов, 1990. —20 с.

64. Гельгардт, Р.Р. Рассуждения о монологах и диалогах (К общей теории высказывания) // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. — Калинин: КГПИ, 1971. — Вып. 1. — Ч. 2. — С. 28-153.

65. Гойхман, О.Я., Надеина, Т.М. Речевая коммуникация: учебник [Текст] / О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина.— Москва : Инфра-М, 2008. — 286 с.

66. Голанова, Е.И. О современном публичном диалоге [Текст] / Е.И. Голанова // Поэтика: Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур: Сб. ст. / Отв. ред. Н.Н. Розанова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — М.: Наука, 1996. — С. 142–150.

67. Голанова, Е.И. и др. Письменные и устные тексты современного русского языка: структура и тенденции развития. Проект [Текст] / Е.И. Голанова, Л.А. Капанадзе, Е.В. Красильникова, Е.Н. Ширяев // Русистика сегодня. — 1998. — № 3-4. — С. 185–194.

68. Голованева, М.А. Коммуникативно-когнитивное пространство русской драмы конца XX века: Автореферат дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / М.А. Голованева; Волгоградский гос. социально-пед. ун-т. — Волгоград, 2013. — 40 с.

69. Голубева-Монаткина, Н.И. Вопросительное предложение и речевые акты [Текст] / Н.И. Голубева-Монаткина // Иностранные языки в школе. — 1990. — № 6. — С.82–86.

70. Голубева-Монаткина, Н.И. Классификационное исследование вопросов и ответов диалогической речи [Текст] / Н.И. Голубева-Монаткина // Вопросы языкознания. — 1991. — № 1. — С. 125-134.

71. Гольдин, В.Е., Сиротинина, О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие [Текст] / В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротинина // Вопросы стилистики. Проблемы культуры речи / Отв. ред. О.Б. Сиротинина. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. — Вып. 25. — С. 9-19.
72. Горелов, И.Н. Невербальные компоненты коммуникации [Текст] / И.Н. Горелов. — М.: Наука, 1980. — 104 с.
73. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение [Текст] / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / Сост. и вст. ст. Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой; общ. ред.. Е.В. Падучевой. — М.: Прогресс, 1985. —С. 217–237.
74. Гришина, Е.А. О мультимодальных кластерах в устной речи [Текст] / Е.А. Гришина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». — М.: РГГУ, 2011. — С. 243–257.
75. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] / Д.Б. Гудков. — М.: Гнозис, 2003. — 288 с.
76. Девкин, В.Д. Диалогическая немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской [Текст] / В.Д. Девкин. — М.: Высшая школа, 1981. — 160 с.
77. Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. ван Дейк; пер. с англ. и сост. В.В. Петрова. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.
78. Дементьев, В.В. «Извращенная фатика» [Текст] / В.В. Дементьев // Вопросы стилистики / Отв. ред. О.Б. Сиротинина. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. — Вып. 26. — С. 93–102.
79. Дементьев, В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике [Текст] / В.В. Дементьев. — М.: Глобал Ком, 2013. — 336 с.
80. Демидов, И.В. Логика: Учебное пособие для юридических вузов [Текст] / И.В. Демидов; Под ред. доктора философских наук, проф. Б.И. Каверина. — М.: Юриспруденция, 2000. — 208 с.
81. Демьянков, В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания [Текст] / В.З. Демьянков // Изв-я АН СССР. Серия лит. и языка. — 1981. — Т. 40. — № 4. — С. 368-377.

82. Демьянков, В.З. Тайна диалога [Текст] / В.З. Демьянков // Диалог: теоретические проблемы и методы исследования: Сб. научно-аналитических обзоров [Текст] / Отв. ред. Н.А.Безменова. — М.: ИНИОН, 1991. — С. 11-44.
83. Депутатова, Н.А. Стимулирующие реплики побудительной семантики в английском и русском речевом дискурсе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 [Текст] / Н. А. Депутатова; КГПУ. — Казань, 2004. — 25 с.
84. Депутатова, Н.А., Гималтдинова, А.Т. Взаимосвязь реплик в диалогических единствах со специальным вопросом (на материале произведения Cecelia Ahern P.S. «I love you») [Текст] / Н.А. Депутатова, А.Т. Гималтдинова // Minbar. Islamic Studies. — 2014. — № 7(1). — С.211-215.
85. Диалог глазами лингвиста: Межвуз. сб. научн. трудов [Текст] / Редкол.: Г.П. Немец (отв. ред.) и др. — Краснодар: КубГУ, 1994. — 123 с.
86. Диалог: теоретические проблемы и методы исследования: Сб. научно-аналитических обзоров [Текст] / Отв. ред. Н.А.Безменова. — М.: ИНИОН, 1991. — 160 с.
87. Диалоговое взаимодействие и представление знаний: Сб. науч. тр. [Текст] / Под ред. А.С. Нариньяни; АН СССР. Сибирское отд-ие. — Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1985. — 189 с.
88. Долгова, Н.А. Функционально-семантическая характеристика финальных реплик диалога: автореф. дисс. ... канд. филол. Наук: 10.02.19 [Текст] / Н.А. Долгова; ТверГУ. — Тверь, 2000. — 181 с.
89. Дускаева, Л.Р. Диалогичность речи письменной [Текст] / Л.Р. Дускаева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. — М.: Наука: Флинта, 2003. — С. 45-53.
90. Ермакова, О.Н., Земская, Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач [Текст] / О.Н. Ермакова, Е.А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева; Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. — М.: Наука, 1993. — С. 30-64.
91. Есенина, О.А., Щербатых, Е.Ю. Реплики-стимулы в диалогических единствах с оценочным компонентом (на материале современных англоязычных интервью) [Текст] / О.А.Есенина, Е.Ю. Щербатых // Ярославский педагогический вестник. — 2014. — Т. I. — № 2. — С. 134–139.

92. Зализняк, А А. и др. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. [Текст] / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.

93. Занько, С.Ф. Основные вопросы лингвистической теории диалога (на материале современного русского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / С.Ф. Занько. — Казань, 1971. — 19 с.

94. Земская, Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения [Текст] / Е.А. Земская // Разновидности городской устной речи: Сб. научн. трудов / Под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева. — М.: Наука, 1988. — С. 5–44.

95. Земская, Е.А. и др. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис [Текст] / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. — М.: Наука, 1981. — 276 с.

96. Земская Е.А. и др. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест [Текст] / Е.А. Земксая, М.В. Китайгородская, Е.В. Красильникова, Н.Н. Розанова. — М.: Наука, 1983. — 240 с.

97. Золотова, Г.А. и др. Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова; Под общей редакцией доктора филол. наук Г.А. Золотовой. — М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. — 528 с.

98. Иванова, Е.А. Лексические пограничные маркеры минимальных диалогических единиц: Дисс. … канд. филол. наук: 10:02.21 [Текст] / Е.А. Иванова; МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 1999. — 169 с.

99. Изаренков, Д.И. Структура и функциональные особенности диалога в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. Наук: 10.02.01 [Текст] / Д.И. Изаренков. — М., 1979. — 17 с.

100. Изаренков, Д.И. Обучение диалогической речи [Текст] / Д.И. Изаренков. — 2-е изд., испр. — М.: Русский язык, 1986. — 150 с.

101. Изотова, Н.В. Об особенностях диалогических структур в прозе А.П. Чехова [Текст] Н.В. Изотова // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. — М.: Индрик, 2010. — С. 162–173.

102. Исенина, Е. И. Развитие дословесной коммуникации в диалогах [Текст] / Е.И. Исенина // Текст как инструмент общения: Сборник статей / Редкол. Ю.А. Сорокин (отв. ред.) и др.; АН СССР, Ин-т языкознания — М.: Наука, 1983 – – С. 76-80.

103. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. — Омск: Омский гос. ун-т, 1999. — 285 с.

104. Казаковская, В.В. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый-ребенок» [Текст] / В.В. Казаковская // Вопросы языкознания. — 2004. — № 2. — С. 89-107.

105. Казаковская, В.В., Хохлова, М.В. Вопросо-ответные единства, апеллирующие к точке зрения адресата [Текст] / В.В. Казаковская, М. В. Хохлова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. — 2015. — Т. 11. — № 1. — С. 401–437.

106. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация [Текст] / О.Л. Каменская. — М.: Высш. школа, 1990. — 152 с.

107. Карасик, В.И. О типах дискурса [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. научн. трудов / Под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. — С. 5–20.

108. Карасик, В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей [Текст] / Карасик В.И. // Массовая культура на рубеже веков. Человек и его дискурс: Сб. научн. трудов / Под редакцией Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной; Институт языкознания РАН. — М.: Азбуковник, 2003. — С. 24-45.

109. Китайгородская, М.В. Чужая речь в коммуникативном аспекте [Текст] / М.В. Китайгородская // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект / Т. Г. Винокур и др. ; отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев / РАН. ИРЯ им. В.В. Виноградова. — М.: Наука, 1993. — С.65-89.

110. Клюев, Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов: Учебное пособие для вузов [Текст] / Е.В. Клюев. — М.: ПРИОР, 2005. — 270 с.

111. Клюев, Е.В. Фатика как предмет дискуссии [Текст] / Е.В. Клюев // Поэтика: Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур: Сб. ст. / Отв. ред. Н.Н. Розанова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — М.: Наука, 1996. — С. 212–220.

112. Кожина, М.Н. О диалогичности письменной научной речи: учеб. пособ. по спецкурсу [Текст] / М.Н. Кожина. — Пермь: Изд-во ПГУ, 1986. — 92 с.

113. Колесникова, Н.Л. Вопросительное предложение как средство выражения оценочной семантики: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Н.Л. Колесникова; МПГУ. — М., 2005. — 174 с.

114. Колокольцева, Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи: Дисс. … докт. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Т.Н. Колокольцева; СГУ им. Н.Г. Чернышевского. — Саратов, 2001. — 363 с.

115. Колшанский, Г.В. Паралингвистика [Текст] / Г.В. Колшанский. — Изд. стереотип. — М.: URSS, 2017. — 96 с.

116. Комина, Н.А. Коммуникативно-прагматический аспект английской диалогической речи. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 — германские языки [Текст]./ Н.А. Комина; КГУ. — Калинин, 1984. — 194 с.

117. Кононова, Г.А. Каузальные отношения в немецкой диалогической речи [Текст] / Г.А. Кононова // Диалог о диалоге: Сб. статей. — Саранск: Изд. Морд. универ., 1991. — С. 35-41.

118. Косогорова, Х.Г. Коммуникативно-синтаксическая организация вопросно-ответных диалогических единств (на материале русской волшебной сказки): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Х.Г. Косогорова; ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. — Ярославль, 2006. — 178 с.

119. Красильникова, Е.В. О соотношении монолога и диалога [Текст] / Е.В. Красильникова // Поэтика: Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур: Сб. ст. / Отв. ред. Н. Н. Розанова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — М.: Наука, 1996. — С. 138-142.

120. Красина, Е.А. Русские перформативы: Монография [Текст] / Е.А. Красина. — М.: Изд-во РУДН, 1999. — 126 с.

121. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций [Текст] / В.В. Красных. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.

122. Красных, В.И. Выражение согласия-несогласия с высказыванием собеседника [Текст] / В.В. Красных // Русский язык за рубежом. — 1970. — № 1. — С. 27–35.

123. Крейдлин, Г.Е. Семантические типы жестов [Текст] / Г.Е. Крейдлин // Лики языка: к 45-летию научной деятельности Е.А. Земской редкол. Е.И. Голанова, Е.В. Какорина, Л.П. Крысин, Е.Н. Ширяев; отв. ред. М.Я. Гловинская. — М.: Наследие, 1998. — С. 174–185.

124. Кривнова, О.Ф. Ритмизация и интонационное членение текста в процессе речи-мысли (опыт теоретико-экспериментального исследования): Дисс. … докт. филол. наук: 10.02.10 [Текст] / О.Ф. Кривнова; МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 2007. — 347 с.

125. Кривнова, О.Ф., Андреева, А.М. Ларингализация и ее функции в речи [Текст] / О.Ф. Кривнова, А.М. Андреева // Проблемы фонетики / ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. — Т. 5. — М.: Наука, 2007. — С. 71–106.

126. Кристева, Ю. Слово, диалог и роман [Текст] / Ю. Кристева // Ю. Кристева. Избранные труды: Разрушение поэтики. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 165-193.

127. Кувшинова, Е.А. Фонетические особенности разговорной речи и нормы русского литературного языка [Текст] / Е.А. Кувшинова // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». — 2014. — № 1. — С. 105–109.

128. Кудрявцев, И.А. Концепт общение и его вербальное выражение в диалогическом дискурсе [Текст] / И.А. Кудрявцев // Язык. Словесность. Культура. — 2014. — № 4. — С. 56-66.

129. Кузьмина, М.К. Интенциональные смыслы «согласие и уход от темы» и «несогласие и уход от темы» [Текст] / М.К. Кузьмина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2013. — № 8. — Ч. 2. — С. 106-109.

130. Кун, Т. Структура научных революций: Пер. с англ. [Текст] / Т. Кун; Сост. В.Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. —605 с.

131. Купина, Н.А. Разговорное диалогическое единство как текст [Текст] / Н.А. Купина // Языковой облик уральского города: Сб. научн. трудов. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. — С. 38–46.

132. Кучинский, Г.М. Диалог и мышление [Текст] / Г.М. Кучинский. — Минск: Изд-во БГУ, 1983. — 190 с.

133. Лагутин, В.И. Проблемы анализа художественного диалога (к прагмалингвистической теории драмы) [Текст] / В.И. Лагутин. — Кишинев: Штиница, 1991. — 98 с.

134. Ланцева, Е.А. Проблема отбора диалогических единиц в аспекте обучения коммуникативной грамматике русского языка как неродного [Электронный ресурс] / Е.А. Ланцева // Гуманитарный вестник. — 2013. — Вып. 3 (5). — URL: http://hmbul.bmstu.ru/catalog/lang/ling/ 45.html (Дата обращения: 27.01.2019).

135. Ленерт, У. Проблема вопросно-ответного диалога [Текст] / У. Ленерт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка / Сост. и ред. В.В. Петров, В.И. Герасимов. — М.: Прогресс, 1988. С. 258–281.

136. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики [Текст] / А.А. Леонтьев. — М.: Смысл, 1997. — 287 с.

137. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с.

138. Мартыненко,Т.И. Диалогическое единство (Структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты): Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Текст] / Т.И. Мартыненко: РГПУ. — Ростов н/Д, 2005. — 170 с.

139. Мартынова, Е.М. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Е.М. Мартынова; ОГУ. — Орел, 2000. — 18 с.

140. Масленников, С.В. Диалогические единства в исторических хрониках А.Н. Островского: структура — семантика — функционирование [Текст] / С.В. Масленников // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. — 2017. — № 4. — С. 230–233.

141. Матвеева, Т.В. Непринужденный диалог как текст [Текст] / Т.В. Матвеева // Человек — Текст — Культура: коллективная монография / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. — Екатеринбург: ИРРО, 1994. — С. 125-140.

142. Матвеева, Т.В. Ведение диалога как сфера лингвоэкологии [Текст] / Т.В. Матвеева // Экология языка и коммуникативная практика. — 2014. — № 2. — С. 121–131.

143. Матвеева, Т.В. О методе выявления ценностной информации разговорного диалога [Текст] / Т. В. Матвеева // Научный диалог. — 2018. — № 10. — С. 89–101.

144. Михайлов, Л.М. Грамматика немецкой диалогической речи: Учеб. пособие для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. [Текст] / Л. М. Михайлов. — М.: Высш. школа, 1986. — 110 с.

145. Муханов, И.Л. Интонация в практике русской диалогической речи [Текст] / И.Л. Муханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Ойкумена, 1995. — 230 с.

146. Нестеров, И.В. Диалог и монолог [Текст] / И.В. Нестеров // Русская словесность. — 1996. — № 5. — С. 81-86.

147. Николаев, В.П. Взаимосвязь реплик в диалогических группах со специальными вопросами в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / В.П. Николаев; ОГУ им. И.П. Мечникова. — Одесса, 1982. — 22с.

148. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика [Текст] / Сост. и вст. ст. Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой; общ. ред. Е.В.Падучевой. — М.: Прогресс, 1985. — 504 с.

149. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов [Текст] / Сост. и вступ.ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – – М.: Прогресс, 1986. — 424 с.

150. Новое в зарубежной лингвистике. Вып.23. Когнитивные аспекты языка [Текст] / Сост. и ред. В.В. Петров, В.И. Герасимов. — М.: Прогресс, 1988. — 320 с.

151. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: Кол. мон. [Текст] / Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева, А.В. Шумилова, Е.В. Щеникова, С.Н. Виноградов— М.: Флинта; Наука, 2014. — 304 с.

152. Орлова, М.Н. Структура диалога в современном русском языке (Вопросно-ответная форма). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / М.Н. Орлова. Саратов, 1968. — 17 с.

153. Остин, Дж.Л. Слово как действие [Текст] / Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов / Сост. и вступ.ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. — М.: Прогресс, 1986. — С. 22-130.

154. Павлова, Н.Д., Гребенщикова, Т.А. Интент-анализ. Основания, процедура, опыт использования [Текст] / Н.Д. Павлова, Т.А. Гребенщикова. — М.: Институт психологии РАН, 2017. — 170 с.

155. Падучева, Е.В. Прагматические аспекты связности диалога [Текст] / Е.В. Падучева // Изв-я АН СССР. Серия лит-ры и языка. — 1982. — Т. 41. — № 4. — С. 305–313.

156. Падучева, Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) [Текст] / Е.В. Падучева. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 464 с.

157. Плотникова, А.В. Средства связи компонентов диалогических единств [Электронный ресурс] / А.В. Плотникова // Филологические науки в России и за рубежом: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). — СПб.: Реноме, 2012. — С. 157-159. — URL https://moluch.ru/conf/phil/archive/26/1731/ (Дата обращения: 27.01.2020).

158. Полищук, Г.Г., Сиротинина, О.Б. Разговорная речь и художественный диалог [Текст] / Г.Г. Полищук, О.Б. Сиротинина // Лингвистика и поэтика : Сб. ст. / Отв. ред. В. П. Григорьев; Акад. наук СССР, Ин-т русского яз. им В.В. Виноградова. — М.: Наука, 1979. — С. 188–199.

159. Почепцов, Г.Г. Прагматический аспект изучения предложения (к построению теории прагматического синтаксиса) [Текст] / Г.Г. Почепцов // Иностранные языки в школе. — 1975. — № 6. — С. 15-25.

160. Просодический строй русской речи [Текст] / Отв. ред. Т.Н. Николаева; Институт русского языка РАН. — М.: ИРЯ РАН им В.В. Виноградова. — 1996. — 256 с.

161. Радбиль, Т.Б. Герой Андрея Платонова как языковая личность (образ Фомы Пухова в «Сокровенном человеке») [Текст] / Т.Б. Радбиль // Русистика сегодня. — №3-4. — 1999. — С. 66–83.

162. Радбиль, Т.Б. Языковая аномалия как норма художественного дискурса [Текст] / Т.Б. Радбиль // Филологические науки. — 2006. — № 6. — С. 50-59.

163. Радбиль, Т.Б. О концепции изучения русского языкового менталитета [Текст] / Т.Б. Радбиль // Русский язык в школе. — 2011. — № 3. — С. 54–60.

164. Радбиль, Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста [Текст] / Т.Б. Радбиль // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2014. — № 6. — С. 146-149.

165. Радбиль, Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения [Текст] / Т.Б. Радбиль. — М.: Издательский дом ЯСК, 2017. — 592 с. — (Язык. Семиотика. Культура.)

166. Радбиль, Т.Б., Рацибурская, Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект [Текст] / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская // Мир русского слова. — 2017. — № 2. — С. 33-39.

167. Радбиль, Т.Б., Юматов, В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе [Текст] / Т.Б. Радбиль, В.А. Юматов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2014. — № 3(2). —С. 18-21.

168. Ремизова, С.А. Вопросительность в диалоге: специфика речевых реализаций (на материале английского, немецкого и русского языков): Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / С.А. Ремизова; КГУ. — Краснодар, 2001. — 239 с.

169. Рождественский, Ю.В. Теория риторики [Текст] / Ю.В. Рождественский. — М.: Добросвет, 1997. — 597 с. — Гл. III. Теория диалога. Структура диалога. — С. 298-452 и др.

170. Романов, А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. Пособие по теоретическим курсам [Текст] / А.А. Романов. — М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. — 182 с.

171. Ружникова, О.М. Актуализация высказываний согласия в диалогическом дискурсе: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / О.М. Ружникова; ПомГУ им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 2004. — 188 с.

172. Русская грамматика: В 2 т. [Текст] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: д. филол. н. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. — М.: Наука, 1980-1982 (Грамматика 1980). — Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.С. Авилова, А.В. Бондарко, Е.А. Брызгунова и др. — 1982. — 783 с.

173. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография [Текст] / Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева, А.В. Шумилова, Е.В. Щеникова, С.Н. Виноградов, Е.А. Жданова— Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. — 325 с.

174. Русское повседневное общение : прагматика, культурология [Текст] / И.Н. Борисова, С.Ю. Данилов, Т.В. Матвеева, Н.Н. Розанова, И.В. Шалина. — Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2018. — 442 с.

175. Рябцева, Э.Г. Реплики несогласия в микродиалоге [Текст] / Э.Г. Рябцева // Диалог глазами лингвиста: Сб. научн. трудов / Редкол.: Г.П. Немец (отв. ред.) и др. — Краснодар: КГУ, 1994. — С. 86-91.

176. Савельева, С.П. Номинации речевых интенций в русском языке и их семантико-прагматическое истолкование: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / С.П. Савельева, ИРЯ им. А.С. Пушкина. — М., 1991. — 21 с.

177. Садикова, В.А. О единицах бытового и художественного диалога [Электронный ресурс] / В.А. Садикова // Язык и текст. — 2015. — Т. 2. — № 2. — С. 17–24. — URL: https://psyjournals.ru/files/76888/ langpsy_2015_n2_Sadikova.pdf (Дата обращения: 26.09.2019).

178. Святогор, И.П. Типы диалогических реплик в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / И.П. Святогор; МГПИ им. В.И. Ленина. — М., 1967. — 20 с.

179. Селиверстова, О.Н., Прозорова, Л.А. Коммуникативная перспектива высказывания [Текст] / О.Н. Селиверстова, Л.А. Прозорова // Теория

функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / отв. ред. А.В. Бондарко; РАН, Ин-т лингвистических исследований. — Санкт-Петербург: Наука, 1992. — С. 189-231.

180. Серль, Дж.Р. Классификация иллокутивных актов [Текст] / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов / Сост. и вступ.ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. — М.: Прогресс, 1986а. —С. 170-195.

181. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт [Текст] / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов / Сост. и вступ.ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. — М.: Прогресс, 1986б. — С. 151–169.

182. Серова, Т.С., Фролова, Т.П. Диалогическое единство и единица диалогической речевой деятельности при обучении иностранному языку будущих юристов [Текст] / Т.С. Серова, Т.П. Фролова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. — 2014. — Т. 20. – – № 1. — С. 125–129.

183. Сиротинина, О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности [Текст] / О.Б. Сиротинина. — М.: Просвещение, 1974. — 144 с.

184. Сиротинина, О.Б. Устная речь и типы речевых культур [Текст] / О.Б. Сиротинина // Русистика сегодня. — 1995. — № 4. — С. 3-21.

185. Сковородина, С.В. Прагматика реактивных речевых актов в немецком диалогическом дискурсе (концепты «Благодарность» и «Извинение»): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / С.В. Сковородина; РГПУ им. А.И. Герцена. — Спб., 2004. — 219 с.

186. Скребнев, Ю.М. Введение в коллоквиалистику [Текст] / Ю.М. Скребнев. — Саратов : Издательство Саратовского ун-та, 1985. — 210 с.

187. Соловьева, А.К. О некоторых общих вопросах диалога [Текст] / А.К. Соловьева // Вопросы языкознания. — 1965. — № 6 — С. 103–110.

188. Сотникова, А.А. Диалог и условия реализации в нем семантико-коммуникативной категории согласия – несогласия [Текст] / А.А. Сотникова // Вестник Ленинградского гос. ун-та. Серия История. Языкознание. Литературоведение. — 1987. — Вып. 4. — № 23. — С. 76-82.

189. Социокультурные и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография [Текст] / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Бакич, В.А. Торопкина, Е.А. Жданова; под ред. Л.В. Рацибурской. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. — 232 с.

190. Степанов, Ю.С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) [Текст] / Ю.С. Степанов // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. — 1981. —Т. 40. — № 4. — С. 325–332.

191. Стернин, И.А. Социальные факторы и публицистический дискурс [Текст] / И.А. Стернин // Массовая культура на рубеже веков. Человек и его дискурс. Сборник научных трудов / Под редакцией Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной; Институт языкознания РАН — М.: Азбуковник, 2003. — С. 91-108.

192. Стешов, А.В. Как победить в споре. О культуре полемики [Текст] / А.В. Стешов. — Л.: Изд-во: Л.: Лениздат, 1991. — 191 с.

193. Столярова, Е.К. Синонимия реплик-реакций в русской диалогической речи: Дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Текст] / Е.К.Столярова; МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 2001. — 163 с.

194. Сулименко, Н.Е. Лексическая экспликация диалогичности монолога [Текст] / Н.Е. Сулименко // Функциональная семантика слова: Сб. научн. тр. / Свердлов. гос. пед. ин-т. — Свердловск: Изд-во Свердловского пед. ин-та, 1992. — С. 5-12.

195. Сухих, С.А. Методология и методы исследования диалога [Текст] / С.А. Сухих // Диалог глазами лингвиста: Сб. научн. трудов / Редкол.: Г.П. Немец (отв. ред.) и др. — Краснодар: КГУ, 1994. — С. 39-47.

196. Сухих, С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: Автореф. дисс. ... докт. филол. Наук: 10.02.01 [Текст] / С.А. Сухих; КубГУ. — Краснодар, 1998. — 30 с.

197. Теплицкая, Н.И. О структуре диалогического текста [Текст] / Н.И. Теплицкая // Научные труды МГПИИЯ им. М. Тореза. — 1975. — Вып. 84. — С. 314-331.

198. Теплицкая, Н.И. Диалог с позиции теории актуального членения [Текст] / Н.И. Теплицкая // Филологические науки. — 1984. — № 4. — С. 130–151.

199. Торсуева, И.Г. Теория высказывания и интонация [Текст] / И.Г. Торсуева // Вопросы языкознания. — 1976. — № 2. — С. 53-64.

200. Трошева, Т.А. Диалог [Текст] / Т.А. Трошева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. — М.: Наука: Флинта, 2003. — С. 44-45.

201. Труфанова, И.В. Образ слушающего в языке [Текст] / И.В. Труфанова // НДВШ. Филологические науки. — 1997. — № 2. — С. 98–104.

202. Тураева, З.Я. Лингвистика текста и категория модальности [Текст] / З.Я. Тураева // Вопросы языкознания. —1994. — № 2. — С. 105-114.

203. Ухова, Л.В. Языковая личность в системе массмедиа: Курс лекций [Текст] / Л.В. Ухова. — М.: Директ-Медиа, 2014. — 191 с.

204. Федосюк, М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте: Учеб. пособие по спецкурсу [Текст] / М.Ю. Федосюк. — М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1988. — 83 с.

205. Фёдорова, Л.Л. О двух референтных планах диалога [Текст] / Л.Л. Федорова // Вопросы языкознания. — 1983. — № 5. — С. 97–101.

206. Федорова, Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения [Текст] / Л.Л. Федорова // Вопросы языкознания. — 1991. — № 6. — С. 46-50.

207. Федорова, Л.Л. и др. Коммуникационные стратегии культуры и гуманитарные технологии: Научно-методические материалы [Электронный ресурс] / Кол. авторов; Российский Государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. — СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. — Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 18.12.2009. URL: https://gtmarket.ru/laboratory/expertize /3392/3395 (Дата обращения: 18.10.2019)

208. Федосюк, М.Ю. «Стиль» ссоры [Текст] / М.Ю. Федосюк // Русская речь. — 1993. — № 5. — С. 14–19.

209. Федотова, Н.В. Семантика и структура диалогического текста в системе русского языка (на примере телевизионных передач): Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Н.В. Федотова; ТГУ им. Г.Р. Державина. — Тамбов, 2006. — 353 с.

210. Фирбас, Я. Функция вопроса в процессе коммуникации [Текст] / Я. Фирбас // Вопросы языкознания. —1972. — № 2. — С. 55-65.

211. Формановская, Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения [Текст] / Н.И. Формановская. — М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. — 291 с.

212. Халитова, Л.К. Роль дискурсивной лексики в создании гармоничного диалога (на примере контактоустанавливающих средств русского, английского и татарского языков) [Текст] / Л.К. Халитова // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». — Т. 152, кн. 6. — 2010. — С. 95–105.

213. Хисамова, Г.Г. Диалог как компонент художественного текста: на материале художественной прозы В.М. Шукшина: Дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Хисамова Г.Г.; Башкир. гос. ун-т. — Уфа, 2009. — 396 с.

214. Хисамова, Г.Г. Функции диалога в художественном тексте [Текст] / Г.Г. Хисамова // Российский гуманитарный журнал. — 2015. — Том 4. — № 1. — С. 34–42.

215. Холодович, А.А. О типологии речи [Текст] / А.А. Холодович // Историко-философские исследования: Сб. ст. к 75-летию акад. Н.И. Конрада. — М.: Наука, 1967. — С. 202-208.

216. Хундснуршер, Ф. Основы, развитие и перспективы анализа диалога [Текст] / Ф. Хундснуршер // Вопросы языкознания. — 1998. — № 2. — С. 38-50.

217. Цирельсон, Н.Ю. Взаимодействие инициирующих реплик и реплик-редакций в диалоге: На материале современного английского языка: Дисс. … докт. филол. наук: 10.02.19 / [Текст] / Н.Ю. Цирельсон. — М.,2002. — 195 с.

218. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности [Текст] / Ин-т языкознания; отв. ред. В.Н. Телия. — М.: Наука, 1991. —214 с.

219. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис [Текст] / Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. А. Кибрик и др.; Отв. ред. Т. В. Булыгина; Рос. АН, Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1992. — 282 с.

220. Чернявская, В.Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа [Текст] / В.Е. Чернявская // Филологические науки. — 2003. — № 3. — С. 68-76.

221. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность [Текст] / В.Е. Чернявская. — М.: Кн. дом «Либроком», 2009. —248 с.

222. Шалина, И.В. Причины и виды коммуникативно-речевой дисгармонии [Текст] / И.В. Шалина // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий. Материалы конференции / Под ред И.Т. Вепревой. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. — С. 194–196.

223. Шведова, Н.Ю. К изучению русской диалогической речи [Текст] / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. — 1956. — № 2. — С. 67-82.

224. Шведова, Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи [Текст] / Н.Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 2003. — 378 с.

225. Шейгал, Е.И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе [Текст] / Е.И. Шейгал // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. О.Б. Сиротининой — Саратов: Изд-во СГУ, 1999. — Вып. 28: Антропоцентрические исследования. — С. 204–222.

226. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал. — М.: Гнозис, 2004. — 368 с.

227. Ширяев, Е.Н. Прагматический фактор и семантико-синтаксическая структура разговорного высказывания [Текст] / Е.Н. Ширяев // Русистика. — Berlin. — 1989. — № 2.

228. Ширяев, Е.Н. Структура интенциональных конфликтных диалогов [Текст] / Е.Н. Ширяев // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. О.Б. Сиротининой. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. — С. 80–85.

229. Ширяев, Е.Н. Семантико-синтаксическая структура разговорного диалога [Текст] / Е.Н. Ширяев // Русский язык в научном освещении. — 2001. —№ 1 (1). — С. 132–147.

230. Шишкина, Е.В. Коммуникативные стратегии как средство установления истины участниками диалогического единства «допрос» в русской и немецкой лингвокультурах [Текст] / Е.В. Шишкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. — 2011. — № 2 (14). — С. 169–173.

231. Шмелева, Т.В. Диалогичность модуса [Текст] / Т.В. Шмелева // Вестник Московского ун-та. Сер.9. Филология. — 1995. — № 5. — С. 147-156.

232. Щерба, Л.В. Восточнолужицкое наречие. — Т. 1. (С прил. текстов) [Текст] / Л.В. Щерба. — Петроград: тип. А.Э. Коллинс, 1915. — 276 с.

233. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Л.В. Щерба; Ред. М.И. Матусевич; Акад. наук СССР. Отд-ние лит-ры и языка. — М.: Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1957. — 186 с.

234. Щербинина, Ю.В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления: учеб. пособие [Текст] / Ю.В. Щербинина. — 3-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2018. — 224 с.

235. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика [Текст] / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей: Пер. с англ., франц., нем., чеш., польск. и болг. яз. / Сост. М.Я. Полякова; под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. — М.: Прогресс, 1975. — С. 190-230.

236. Якобсон, Р. Избранные работы [Текст] / Р. Якобсон; перевод с англ., нем., франц. — М.: Прогресс, 1985. — 455 с.

237. Якубинский, Л.П. О диалогической речи [Текст] / Л.П. Якубинский // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование / под ред. А.А. Леонтьева. — М.: Наука, 1986. — С. 17-58.

238. Янко, Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи [Текст] / Т.Е. Янко. — М.: Языки славянской культуры, 2001. —384 с.

239. Ярмаркина, Г.М. Обыденная риторика; просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Г.М. Ярмаркина; СГУ им. Н.Г. Чернышевского. — Саратов, 2001. — 20 с.

240. Bach, K., Harnish, R. M. Linguistic communication and speech acts [Text] / K.Bach, R. M. — Cambridge, Mass.; London: The Massachusetts Institute of Technology, 1979. — 352 p.

241. Beaugrande, R., Dressler, W. Introduction to Text Linguistics [Text] / R. Beaugrande, W. Dressler. — London: Longman, 1994. — 286 p.

242. Coulthard, M. (ed.) Advances in Spoken Discourse Analysis [Text] / M. Coulthard (ed.). — London and New York: Routledge, 1992. — 266 p.

243. Duncan, S., Fisce, D. Face-to-Face Interaction [Text] / S. Duncan, D. Fisce. — New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1977. — 361 p.

244. Hall, E.T. Hidden Differences: Studies in International Communication [Text] / E.T. Hall. — Hamburg: Grunder & Jahr, 1983. —100 p.

245. Hurn, B.J., Tomalin, B. Cross-Cultural Communication [Text] / B.J. Hurn, B. Tomalin. — N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. — 308 p.

246. Leech, G. N. Principles of Pragmatics [Text] / G. N. Leech. — London; New York: Longman, 1983. — 250 p.

247. Linell, P. Towards a dialogical linguistics [Text] / P. Linell // Proceedings of the XII International Bakhtin Conference Jyväskylä, Finland, 18–22 July, 2005. — Jyväskylä: Department of Languages, University of Jyväskylä, Finland, 2006. — P. 157–172.

248. Malinowski, B. Fatic Communion [Text] / B. Malinowski // Communication in Face-to-Face Interaction. — London: Penguin Books, 1972. — P. 146-152.

249. Schiffrin, D. Discourse markers [Text] / D. Schiffrin. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. — 318 p.

250. Sinclair, J. Priorities in Discourse Analysis [Text] / J. Sinclair // Advances in Spoken Discourse Analysis. –- London and New York, 1992. — P. 79-89.

251. Wardhaugh, R. How Conversation Works [Text] / R. Wardhaugh. — Oxford; Basil Blackwell, 1995. — 230 p.

Словари и энциклопедии:

252. Азимов , Э.Г., Щукин, А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) [Текст] / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. — М.: ИКАР, 2009. — 448 с.

253. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 608 с.

254. Баранов, А.Н. и др. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания [Текст] / Баранов А.Н., Бонно К., Василевская Н.Б. и др.; Под ред. Киселевой К.Р., Пайара Д.; МГУ им. М.В. Ломоносова. — М.: Метатекст, 1998. — 446 с.

255. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Т.В. Жеребило. — Изд. 5-е, испр. и доп. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. — 486 с.

256. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, П.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой (КСКТ). — М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

257. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) [Текст] / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедии, 1990. — 685 с.

258. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов [Текст] / Т.В. Матвеева. — Ростов н/Д: Феникс, 2010. — 562 с.

259. Руднев, В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты [Текст] / В. П. Руднев. — М.: Аграф, 2003. — 608 с.

260. Русский язык: энциклопедия [Текст] / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. — М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1998. — 721 с.

261. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Академпроект, 1997. — 989 с.

262. Стилистический энциклопедический словарь русского языка (СЭСРЯ) [Текст] / Под ред. М.Н. Кожиной. — М.: Флинта; Наука, 2003. — 696 с.